25 9/116

95 25 3/116

Книгоиздательство
КООПЕРАТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
„МЫСЛЬ“
Петроград, Ковенский пер. № 11.

Б. Р. Фромметт.

Русский социализм и кооперация.

Взаимоотношения социалистическаго и кооперативнаго движения в России в их историческом развитии.

ПЕТРОГРАД.
1919 г.

25 9/116

Книгоиздательство
Кооперативной Литературы
„МЫСЛЬ“.

Б. ФРОММЕТТ.

Русский Социализм и Кооперация.

Взаимоотношения социалистического и кооперативного движения в России в их историческом развитии.

ПЕТРОГРАД.
14-я Государственная Типография, Социалистическая ул., д. 14,
1919.

Государств. публичная
историч. с ая
библиотека СССР

1393788

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Из письма в издательство. (Вместо предисловия) VII

Отдел первый. На заре русского социализма.

Первая глава. Общинно-артельные навыки русского крестьянства.

Вековое существование общины и артели на Руси.—Община и обычное право.—«Русская община в тюрьме и ссылке».—Общинно-артельная психология русского крестьянина.—Русская общественная мысль и немец Гакстгаузен . . . 15

Вторая глава. Предвестники борьбы за освобождение.

Критика социального строя.—Радищев.—Декабристы: умеренной— Никита Муравьев и демократ Пестель. — Т. нар., «Аграрный социализм» Пестеля. — Пропаганда общинных начал славянофилами.—Отношение к славянофилам Герцена, Чернышевского и Михайловского 21

Третья глава. Первые русские социалисты.

Можно ли считать социалистами русских радикалов 30-х годов?—Петрашевцы, как фурьеристы.—Герцен, как отец русского социализма.—Взгляды Н. Г. Чернышевского, об'единившего: общинно-артельные начала русского социализма с кооперативною практикою и теориею социализма Западной Европы.—Добролюбов.—Внимание к кооперации социалистов и пренебрежительное отношение к ней радикала Писарева и либерала Тургенева . . 28

Отдел второй. Отъ падения крепостного права до революции 1905 года.

Первая глава. Когда появилась кооперация на Руси.

Отличие кооператива от других форм взаимопомощи, в том числе и от артелей.—При крепостном праве кооперативы не могли существовать.—Возникновение кооперативов в 60-х гг.—Отношение к кооперации либеральной интеллигенции 49

Вторая глава. Революционный социализм с конца 60-х и до начала 90-х годов.

Стран.

Революционное движение конца 60-х годов принимает синтез Чернышевского.—Народники-пропагандисты первой половины 70-х гг. признают значение работы в существующих организациях: общине, артелях, кооперативах.—Бунтари и бакунисты стоят на другой точке зрения: сначала революция, а после кооперация.—Кооперативно-социалистические идеалы в изображении Степняка.—Вследствие репрессий со стороны самодержавия кооперативная работа становится невозможной.—Террор и «Народная Воля».—Возникновение русского марксизма, разрывающего с русским социализмом.—Под влиянием западно-европейского социализма (идей Лассаля) русские марксисты в 80-х гг. признают роль кооперации, после того как царизм будет свергнут 54

Третья глава. Кооперативная действительность эпохи реакции.

Значение кооперативного кредита.—Кн. Васильчиков и кооперативный либерализм, враждебный социализму.—С.-Петербургское Отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах.—Кооперативное «делечество» фабрикантов.—Содействие земства кооперации—Кооперативный фантазер Н. П. Баллин . . 64

Четвертая глава. Голод 1891 года.

Размеры народного бедствия.—Общественное оживление.—Самодержавие, как «Всетормозящий фактор», по определению Михайловского.—Революционные призывы Плеханова и Степняка-Кравчинского 71

Пятая глава. Кооперативное оживление с дозволения начальства.

Нормальные и образцовые уставы.—Финансирование правительством кредитных товариществ.—Возникновение Московского союза потребительных обществ, кредитных союзов.—Разрешение с'ездов.—Правительственный надзор . 76

Шестая глава. Бегущие от мира зла.

Русские «Колонии» ничего общего не имеют ни с кооперативами, ни с коммунистическими колониями Запада.—Наши колонии создавались обычно людьми, разочаровавшимися или не верящими в революционное движение.—Скорая гибель большинства колоний.—Долголетнее существование «Криницы» и безуспешность ея результатов. 75

Седьмая глава. Русский марксизм и кооперация.

Легальные марксисты и социал-демократы одинаково все свое внимание устремляют на борьбу с царизмом.—Отрицательное отношение Петрсова и Плеханова к крестьянской кооперации.—«Экономизм», признающий значение

Стран.

экономических рабочих организаций, въ том числе и кооперативных.—Борьба с экономистами революционной социал-демократии.—Вред, который принесли экономическим организациям, пропаганда либералов и зубатовщина 82

Восьмая глава. Партия социалистов-революционеров.

Возникновение п. с.-р.—В. М. Чернов об идейных традициях п. с.-р. и русском социализме.—«Революционная Россия» о социализации земли и кооперации.—Кооперативная работа, как дело будущего: по свержении самодержавия.—Отрицательное отношение с.-р. к «экономизму» 86

Девятая глава. Кооперативные симпатии правого народничества.

Борьба Н. К. Михайловского с правым народничеством еще в 70-е годы.—«Основы народничества» Каблица-Юзова, противоставляющего западному Соціализму — русскую кооперацію и союз общин-артелей.—Кооперативная пропаганда В. П. Воронцова (В. В.)—Критика правого народничества Михайловским, Южаковым, Якубовичем (Гриневичем) 91

Отдел третий. От октябрьской до февральской революции (1905—17 гг.).

Первая глава. Под'ем и спад революционной волны.

Революция 1905 года и уступки самодержавия.—Напряженная революционная борьба 1905—7 гг.—Торжество реакционных сил.—Репрессии.—Кооперативы ссылки 99

Вторая глава. Рост крестьянской кооперации.

Рост кредитных кооперативов. — Сибирский союз маслодельных артелей.—Война и ея значение для кооперации.—Оппозиционное настроение крестьянства, общественно воспитанного кооперацией 103

Третья глава. Кооперативная работа социалистов среди крестьянства.

I. К. с.-р. о значении кооперации при проведении в жизнь социализации земли.—Участие с.-р. в кооперативном движении в годы реакции.—Резолюция Лондонской конференции п. с.-р. в 1908 г.—Внимание [illegible] со стороны сотрудников журнала «Заветы».—Н[illegible]ение к кооперации трудовиков.—Выступление Н. [illegible] Шмановского на кооперативном с'езде 1912 г.—Статьи депутатов-трудовиков в Крестьянском Земледелии 111

Четвертая глава. Городская и рабочая кооперация.

Стран.

Возможность существования городской кооперации чиновников и обывателей.—Ея ничтожное значеніе.—Зарожденіе рабочей независимой кооперации после 1905 года.—Слабое ея развитие до войны.—Быстрый рост городских кооперативов за годы войны.—В. М. Чернов о работе соціалистов в рабочих обществах 115

Пятая глава. Российская социал-демократия.

Отношение с.-д. к крестьянству: муниципализація; отрицательная позиция по отношенію к крестьянской кооперации, как мелко-буржуазной.—Признание значения рабочих кооперативов, начиная с 1907 г., как меньшевиками, так и большевиками.—Оговорки и скептицизм большевиков.—Стремленіи с.-д. (к обособленію рабочей кооперации) 118

Шестая глава. Накануне.

Критическое отношение к существующей кооперации со стороны социалистов.—Влияние старой формулы: «Сначала революция, после кооперация»!—Борьба кооперации за свободные условия существования.—Общественное воспитание народных масс.—Война и революция 128

Из письма в издательство.

(Вместо предисловия).

С большим удовольствием исполнил Ваше желание ознакомиться с новой работой т. Бориса Фроммета и высказать о ней свое мнение.

Предлагаемый труд названного автора является одной из первых ласточек,—вернее сказать, первой ласточкой того большого комплекса исследований, которые русской кооперации предстоит выполнить в ближайшее время, как только жизнь нашей родины войдет сколько-нибудь в свое нормальное русло. Русская кооперация, как большое организованное движение, как одна из новых систем строительства экономической и общественной жизни, была слишком занята до сих пор задачами организационного характера, текущими экономическими вопросами, выяснением своих отношений к другим формам социального действия и оставляла почти без всякого освещения общий ход развития кооперативных форм и кооперативных идей в русских условиях. Правда, мы имеем два исторических очерка,—один по истории русской потребительской кооперации (А. В. Меркулова), другой—по истории русской кредитной кооперации (М. Л. Хейсина). Но оба они,—несмотря на заслуженную известность,—имеют скорее характер еще предварительной исторической

разведки, чем твердо установленной картины исторического развития русской кооперации. Еще в большей степени приходится сказать о тех монографиях, которые посвящены нашим видным кооперативным деятелям или лицам и группам, стоявшим в большей или меньшей близости к кооперативному движению.

Предлагаемая работа т. Бориса Фромметта, насколько мне известно, представляет первую попытку охватить русское кооперативное движение в целом и выяснить тесную зависимость его с таким могучим фактором нашей общественной жизни, каковым является русский социализм. Как первая попытка выполнить такую сложную задачу, работа т. Бориса Фромметта не лишена местами некоторой неясности, местами некоторой недоговоренности, местами слишком, быть может, поспешными обобщениями. Но все это тем не менее не мешает признать, что работа представляет ценный вклад в нашу кооперативную литературу. В самом деле, из главы в главу вы чувствуете не только человека, прекрасно разбирающегося в общественных вопросах, но и человека, прекрасно ориентирующегося в сложном процессе роста наших кооперативных учреждений и ревнивым взором следящего за всеми изгибами мысли русского социализма по отношению к русской кооперации. Эта-то любовь к русской кооперации и заставила т. Бориса Фромметта мобилизовать обширный литературный матерьял и,—что особенно важно в настоящий момент,—матерьял, нередко малодоступный или даже мало известный читающей русской публике.

Вместе с тем нельзя не отметить другого,—с моей точки зрения,—чрезвычайно важного достоинства настоящей работы т. Бориса Фромметта: он не забыл связать тесными генетическими узами совре-

менные формы кооперативного движения с жизнью русской общины и артели. Правда, он отдает еще дань старому предрассудку и проводит известную разделяющую грань между артелью и кооперацией; правда, он усматривает между двумя этими социальными движениями скорее духовную связь, чем организационную, но эта духовная связь, поскольку она нашла свое выражение отраженно, в литературных спорах и программных построениях, выражена в настоящей работе рельефно и ярко.

Вот почему, далеко не разделяя всех высказанных в книге т. Бориса Фромметта воззрений, я приветствую появление этого труда в печати, тем более, что по своему изложению он доступен самым широким кругам читателя.

А. А. Николаев.

Москва. 20-го окт. 1918 г.

КНИГА ПЕРВАЯ.

От Герцена до революции 1917 года.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

НА ЗАРЕ РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Общинно-артельные навыки русского крестьянства.

Даже самый «термин русская крестьянская земельная община,—говорит Качаровский, — охватывает такие разнообразные и, так сказать, несоизмеримые формы и такие противоположные трансформации, для которых не может быть одной общей формулы закона причинности, как для прошлого и настоящего, так и для будущего». Вопрос же об общине, взятый во всей его широте, до сих пор еще недостаточно разработан как экономической, так и исторической наукой.

Но мы знаем, что община — основной факт крестьянского быта Руси, где с самых древних времен, где (как на севере) значительно позднее. Однако, уже в ту пору, когда Русь представляла собою пространство мало заселенное, была «диким полем», когда практиковался свободный захват земли, нередко или в безводной и безлесной степи, около рек и прудов, или в другом месте, для защиты от набегов, крупными селами собирались землепашцы. По мере того, как заселялась Русь и превращалась в земледельческую страну, сокращался свободный земельный фонд, и прежние захватчики земли во имя общих интересов начинали размежевывать землю,—«мою», «твою» и нашу. «Наша» земля—это была земля общества, общины: близлежащая и никем еще персонально не захваченная; пустующая вследствие смерти односельчанина, не имеющего наследников или брошенная крестьянином и никем не занятая, наконец, нашею землею называлась и земля всех крестьян вместе. «Моя» земля, таким образом, составляла как бы часть «нашей», общинной земли. Всю эту общинную, нашу землю защищала община от поползновений на нее других общин.

Так на почве общих интересов создавался братский союз членов одной общины; рождалось представление общности интересов, и личное подчинялось общественному. Но в начале это подчинение не бывало болезненным, так как общественные интересы никогда не противоречили личным. Впоследствии же положение настолько изменилось.

Пока земельный простор внутри общины был велик, мир не вмешивался на права отдельных лиц. Каждый владел таким количеством земли, какое он мог обработать: существовала трудовая норма. Общинною же землею бывала только свободная земля. Но когда недостаток в земле для хищнического экстенсивного хозяйства начинал ощущаться и внутри общины, мир заявлял свои права. И постепенно «моя» земля совершенно уступала место понятию «наша» земли. «Параллельно с превращением семейно-захватного владения из бессрочного владения во временное пользование и с вытекающим отсюда ограничением присущего ему права распоряжения, это последнее право и прямо ограничивается и урезывается во всех его проявлениях и мало-по-малу окончательно растаивает в общинном праве владения и распоряжения». (Качаровский).

Община была союзом захватчиков. Затем она стала госпожою своих членов. Бывала община и рабою помещиков и государства.. Община стала распределять подати, вела уравнительные переделы... В различных областях России, в различные исторические периоды община носила и совершенно различный характер,—но русский народ сжился с общиною, мирскою жизнью. Эта привычка русского народа к общинному быту и интересует нас больше всего: если бы даже и были правы писатели, утверждающие, будто община—насильственная извне уравнительная организация, все равно само по себе существование общины, отражалось на народной психологии. Русский народ признал, что общественное начало сильнее личного. «Мир—велик человек». «С миру по нитке—голому рубашка». «Миром снесем». «На миру и смерть красна». «Кто больше мира будет!». Ум и способности отдельного человека, ничтожны в сравнении с умом мира. Вот господствующее настроение.

И от сознания силы общины, от уверенности, что необходима дружная совместная работа—русский народ нередко переходил к артельным начинаниям,—опять-таки существующим с давних пор и насчитывающим много веков существования.

Нередко сама община осуществляла расчистку леса под пашню на артельных началах или прибегала к другим способам применения артельного труда в интересах всей общины или части ее. Иногда общинно-артельные начинания русского крестьянства даже предшествовали возникновению настоящих артелей.

Вообще же артель—скорее сестра, нежели дочь общины. Русская история сообщает нам ряд фактов, свидетельствующих о том, что артель существовала и независимо от общины—часто (особенно в местах повсеместного возникновения общины) возникала даже ранее ее.

Еще прежде, чем слово «артель» вошло в русский язык, существовали в а т а г и, складчины или дружины. В а т а г о ю называли дружную толпу, шайку, временное или случайное товарищество для работ,

для поступья. Артель («орта» или «арта» у тюркских народов)—община, союз людей; та же ватага.

Артель предполагает сознательный союз, скрепленный клятвой (рота — клятва; ротиться — клясться). «Артель крепка суймом» — или общею сходкою. «Артелью города берут». Выборное начало много веков известно артелям, так как «атаманом артель крепка».

Поговорка насчет значения для артели атамана—старинная, так как артель для разбоя с вождем-атаманом существовала еще в древней Руси. Часто разбойничьи шайки носили одновременно и промышленно-хозяйственный характер, занимаясь параллельно с грабежем рыбной ловлей и охотой,—да и самый разбой в старину рассматривался, как промысел, хотя и выгодный, но зато опасный и трудный.

Возникшая уже в XVI веке Запорожская Сечь, по мнению Костомарова, представляла собою союз артелей, прежде рыболовных и звероловных. Очевидно, переход от охоты на зверей к охоте на людей в те времена бывал делом легким и обычным.

Но, кроме разбойничьих артелей (осуществлявших мирные хозяйственные цели лишь между прочим), известны также в древней России не-разбойничьи артели исключительно промышленного характера. По-видимому, они существовали еще в XII—XIII вв.,—быть может, и ранее. В XVI—XVII в.в. имеются исторические свидетельства существования многочисленных промышленных артелей, причем некоторые из них не носили характера товарищества самостоятельных хозяев, а представляли собою группы наемных рабочих, или—согласно нынешней терминологии—трудовые артели.

Предпринимателями-капиталистами оказывались, в таких случаях, либо богатые крестьяне, либо монастыри или духовные лица. Благодаря обстоятельному исследованию А. Ефименко, из «Сборника материалов об артелях» мы узнаем, как умело эксплоатировал «архиерейский дом» в Архангельске—об'единенное в трудовые артели крестьянство. «Когда в артели было 17 человек», рассказывает Ефименко, «весь промысел делился на 17 участков. 2 участка шли предпринимателю и назывались кочевыми. Остальные 15 участков, соответствуя числу промышленников, числились за этими последними; но промышленники должны были значительную, большую часть отдавать предпринимателю в вознаграждение за его расходы; только кормщик получал полный к о р м о в о й участок без вычета.

Из одного договора между архиерейским домом и артелью видно, как производился дележ остальной добычи: по условию 9 человек из своих 9 участков должны были получить только $^1/_3$, 2 человека из 2-х участков только $^1/_4$, 3 человека из одной половины—$^1/_3$ и из другой половины—$^1/_4$.

Следовательно, все рядовые промышленники из добычи, приходя-

Государственная
Ленинградская
библиотека

щейся на их 14 участков, получали $^{35}/_{112}$, между тем как предприниматель получал $^{77}/_{112}$, т. е. в $2^{1}/_{5}$ раза более. По другому договору дележ проще: добыча делится на три части, из которых одна идет на всех промышленников, а две остальные в «архиерейский дом».

Существовавшая много сот лет тому назад артельная форма организации жива и до сих пор. «В экономическом быте русского народа», читаем мы в предисловии к «Сборнику материалов об артелях в России»: «едва ли найдется другое слово, так часто встречающееся, как слово а р т е л ь». «Нет другого (слова), которое бы имело такое разнообразное и неопределенное значение. Начиная от крестьянских девушек, гуляющих артелью по улице, до облеченных в юридические формы биржевых артелей, слово это приноравливается ко всем действиям русского человека, где ему одному бывает не под силу или невыгодно, и где приходится соединяться нескольким человекам для достижения цели».

Итак, подобно тому как различны бывали судьбы и формы общины, точно так же чрезвычайно многолики и разнообразны русские артели. Перед нами на тысячелетнем протяжении русской истории проходят вольные разбойничьи шайки, княжеские дружины, звероловные артели, торговые, извозчичьи, чернорабочие, кортомщиков (арендаторов) земли и, наконец, подневольные «трудовые» артели, участник которых выступает в жалкой роли наемного рабочего, напоминая собою английского пролетария XVII—XVIII вв.

Однако, как бы ни были несхожи между собою различные формы общины и артели,—характерною чертою общины и артели является то, что они создались не по щучьему хотению, не по государеву веленью, а выросли сами по себе, что они—детища народного быта.

В. М. Чернов в статье: «Социализация земли и община», подробно развив мысль о «столкновении в с е г о о б щ е г о д у х а индивидуалистического законодательства нашего X-го тома и всего общего духа народных трудовых понятий и представлений». В народе установился взгляд на землю, как на общее достояние,—при чем верховным распорядителем земли является община.

«Община, как коллектив, поддерживающий на определенной сельско-хозяйственной территории в ряду поколений равное право каждого из своих бывших, настоящих и будущих членов на пользование землею—это такое своеобразное явление, которое не подходит ни под одно из определений X тома. Пресловутый X том знает право собственности юридического лица; но это право так резко отделено от прав пользования отдельных членов, что ему совершенно противоречит признаваемое и законом, и обычаем неотъемлемое право каждого общинника требовать выдела себе доли в пользование на равных основаниях с другими. Право на землю со стороны общины не есть первоначальное право, и

права отдельных членов на пользование не суть производные, общинной [illegible]. Скорее наоборот, права общины суть права производные, ибо община есть лишь механизм, регулирующий осуществление [illegible] ее членами, в ряду поколений, своих индивидуальных прав на пользование землею. Рождение и труд—вот два основания для приобретения права на землю: и община, как целое, при наличности этих оснований, не может отказать в земле».

В народе установился с в о й взгляд на права и обязанности как общинников, так и артельщиков. Создались определенные обычаи, выработались в е к о в ы е навыки, из недр народной жизни выросло свое—обычное право. И это обычное право, явившееся результатом общинной и артельной практики, охватившей, точно сетями, всю жизнь русского народа, представляет огромное значение. По мнению Ефименко, наше обычное право «может дать нам гораздо больше того, что мы привыкли ожидать». Благодаря этому обычному праву, мы можем узнать, что составляет наши национальные особенности: с его же помощью юристы могли бы создать «вполне цельное и последовательное, и в то же время национальное право».

Обычное право крестьянской жизни, связанное с общинным бытом, оказалось свято и для таких ярких представителей нарушителей закона, как уголовные. Н. М. Ядринцев написал в начале семидесятых годов интересную книгу: «Русская община в тюрьме и ссылке». В своем труде Ядринцев многочисленными фактами доказывает, что «из истории, как российских, так и сибирских острогов видно, что жизнь здесь давным-давно течет помимо официального, основанного на букве, устава. Общинная жизнь острога проложила новое себе русло и крепко утвердилась в нем. В остроге никаких уставов и никакого начальства нет, кроме о с т р о ж н о й о б щ и н ы, вполне подчинившей себе жизнь отдельной личности».

Так было в начале семидесятых годов, так продолжалось и до наших дней. Всякий политический заключенный, наблюдавший жизнь уголовных, хотя бы со стороны, должен будет признать, что для каторжан и других привычных обитателей тюрем из среды преступного мира, — товарищеское осуждение гораздо страшнее, нежели самое жестокое наказание тюремщиков. Уголовные имеют свою общинную жизнь, свое самоуправление, свои сходки, своих «лучших людей», обычно, наиболее беззастенчиво нарушающих государственные законы, и тем более свято чтущих законы «острожной общины». И еще Ядринцев совершенно верно отметил, что тюремная община создана по подобию общины обычной, не изуродованной условиями острожного быта. «Творцом ея», этой тюремной общины, — говорит Ядринцев, — «был русский простолюдин; поэтому в складе ее отразился тот же дух об-

щинной жизни, каким отличается русский народ во всех сферах его деятельности».

Общинно-артельные навыки русского крестьянства и лежат в основе народных воззрений на право, на жизнь. Они также определяют народную философию, выражающуюся в пословицах, — как община и артель лежат в основании хозяйственных отношений русского крестьянства.

Русская общественная мысль с давних пор привыкла уделять внимание общине и артелям. Одним из первых вопросов, которым, по предложению Екатерины II (скрывшейся под инициалами И. Е., т.-е. императрица Екатерина), занялось основанное в 1765 году Вольно-Экономическое общество, — был вопрос об общине, — в ту пору тесно связанный с вопросом об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Крепостники-помещики, прежде всего и заволновались насчет освобождения крестьян, но попутно говорили об общине. К вопросу о значении и роли общинного землевладения Вольно-Экономическое общество обращались не только в XVIII столетии, но и в начале XIX века и в последующие десятилетия.

Поэтому, когда немец Гакстгаузен в сороковых годах прошлого столетия заинтересовался Россией, то русские писатели обратили его внимание на своеобразные условия крестьянского быта *).

Гакстгаузен был поражен своеобразными условиями русской жизни, где, наряду с крепостничеством, существовало и общинное самоуправление. Реакционер Гакстгаузен стал утверждать, что России нечего бояться пролетариата, революций, пауперизма. В общине «утопия европейских революционеров получила в этой стране свое осуществление», а артели являются «свободными промышленными ассоциациями, напоминающими об ассоциациях сен-симонистов».

Чрезмерная идеализация существовавших в России, — порабощенной общины и скованных произволом царизма артелей, — была, конечно, нелепа. Однако, Гакстгаузен лишь в карикатурной форме выразил те идеи, которые вскоре легли в основу зарождающегося русского социализма.

---

*) «Константин Аксаков», рассказывает Герцен: «в начале сороковых годов проповедывал сельскую общину, мир, артель. Он научил Гакстгаузена понимать их».

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Предвестники борьбы за освобождение.

Герцен назвал Пестеля «социалистом до социализма». Несомненно, что в произведениях и других радикальных и даже оппозиционных писателей начала XIX века и еще XVIII столетия (кн. М. М. Щербатов, А. Н. Радищев) звучали ноты социально-экономического протеста, сближавшие их с первыми русскими социалистами—Герценом, Петрашевским и Чернышевским.

В статье Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества», автор спрашивает с иронией: «Тот, простирающий об'ятия свои к захвачению богатства и владений целого Отечества своего, а ежели бы можно было и целого света, и который с хладнокровием готов от'ять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи, поддерживающие унылую и томную их жизнь, ограбить, расхитить их пылинки собственности; который восхищается радостью, ежель открывается ему случай к новому приобретению; пусть то заплачено будет реками крови собратий его, пусть то лишит последнего убежища и пропитания подобных ему сочеловеков; пусть они умирают с голоду, стужи, зноя; пусть рыдают, пусть умерщвляют чад своих в отчаянии, пусть они отваживают жизнь свою на тысячу смертей; все сие не поколеблет его сердца; все сие для него не значит ничего;—он умножает свое именье, а сего и довольно:—И так, не сему ли принадлежит имя сына Отечества?».

Как видим, стремление к п р и о б р е т е н и ю вызывает иронию и возмущение Радищева. Правда, Радищев шел дальше других и мечтал о «равновесии власти» и «равенстве имуществ». Однако, и для других писателей и общественных деятелей критика стяжательства, захватных стремлений, собственнических настроений являлась в значительной мере неизбежной, поскольку оппозиционная и радикальная русская мысль, прежде всего, боролась с крепостным правом, являвшимся фундаментом собственности помещиков.

Тем не менее, отдаленное сходство радикальных воззрений конца XVIII-го и начала XIX века, со взглядами первых русских социалистов не должно нас вводить в заблуждение. До Герцена социалистов на Руси не было. Были лишь люди, боровшиеся с самодержавием и крепостничеством, только п р е д в е с т н и к и грядущей борьбы за полное раскрепощение человечества—за социализм.

Однако, надо отметить, что и первым борцам за свободу пришлось столкнуться с вопросом об общине и артельном начале. Особенное внимание этому вопросу пришлось уделить декабристам, мечтавшим о скором строительстве новой жизни.

Конституционный проект Никиты Муравьева имеет в виду, что

крестьяне пользуются землей в «общественном владении». Когда будут уничтожены военные поселения, «поселенные батальоны и эскадроны» с родственниками рядовых поступают в звание «общих владельцев», т. е. уравниваются с государственными и удельными крестьянами.

Во второй редакции конституции Н. Муравьева предусматривалось участие в выборах в палату народных представителей крестьян, пользующихся землею в «общественном владении».

Таким образом, и Никита Муравьев считался с общиной и имел ее в виду, создавая план такого конституционного государства, в котором лучше всего были бы защищены интересы богатых людей. В первой редакции Муравьев сначала хотел предоставить избирательное право лишь лицам, владеющим собственностью (на пятьсот рублей недвижимой собственности, на тысячу рублей движимой собственности). Но затем, он решил расширить количество лиц, обладающих избирательным правом,—хотя для крестьян и предлагал установить двухстепенные выборы.

И как только Муравьев подошел к вопросу о положении крестьянства, он сейчас же должен был остановиться на роли общины. Между тем, Муравьев был вождем умеренного крыла декабристов, и революционера Муравьева участь крестьянства и вообще русской демократии занимала гораздо меньше, нежели благосостояние и политическое влияние имущих классов.

Гораздо внимательнее к устройству крестьянства отнесся наиболее демократически настроенный из декабристов Пестель.

Желая примирить сторонников общинного начала с защитниками частной собственности, Пестель предлагал, чтобы земля каждой волости была разделена на две части: «одна половина получит наименование земли общественной, другая—земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать какие или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и прав, имеющим делать из оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению и з о б и л и я». Земельный же общественный фонд, выражаясь современным языком, должен служить пускающимся в земле. «Каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочек земли найти может, который ему пропитание доставит». Общественная земля разделяется на участки, при чем «каждый участок должен так быть велик, чтобы необходимое для жития одного тягла доставлять мог. Тягло разумеется муж с женою

и тремя детьми». Когда требуется менее участков, нежели их имеется,—всякий член волости имеет право получить столько участков, сколько пожелает; оставшиеся же сдаются «в откуп посторонним людям». «При невозможности же удовлетворить равным требованиям предпочитаются не имеющие частных земель в своей собственности тем, которые таковыми землями обладают; прошитывающиеся от одного земледелия—тем, которые занимаются еще и другой какой-нибудь промышленностью—одним словом предпочитается тот, кто беднее».

«Русская Правда» предусматривала, что для ведения сельского хозяйства необходимы средства, каковые рядовому землепашцу получить неоткуда. Поэтому, «в каждой волости должен быть волостной банк учрежден, из кого бы каждый гражданин той волости мог вспомоществование получить, и к сему банку полезно присоединить страховое учреждение».

Таким образом, преобразование России мыслилось Пестелем на общинных началах с широко развитым общественным мелким кредитом.

Пестель не был социалистом. Указав, что «аристократия богатства» в ряде государств заменяет «аристократию феодализма» и что «народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение», Пестель тотчас же, однако, добавляет: «Богатые всегда будут существовать и это очень хорошо (подчеркнуто мною. Б. Фр.), но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества».

Тем не менее, аграрная реформа Пестеля, как справедливо было отмечено Н. С. Русановым, еще в 1908 г.,—напоминает социализацию земли. Декабрист Тургенев сравнивал планы Пестеля с «гениальными утопиями» Оуэна и Фурье. А недавно скончавшийся М. М. Ковалевский категорически утверждал (неизвестно, к сожалению, на основании каких источников), будто в проекте Пестеля «несомненно отразилось влияние той практической попытки устроить подобие коммунистических порядков при сохранении бок-о-бок частной земельной собственности, которая связана с именем Роберта Оуэна и предприятия, затеянного им в Нью-Ланарке. Та же раздача земель в пользование и та же роль банка в ссуде средств, необходимых для первоначального обзаведения колонистов, то же уважение к трудовому началу».

Однако, продуманный план Пестеля, тесно связанный с бытовым укладом русской деревни, заставляет предполагать, что творец «Русской Правды» руководствовался в своей аграрной теории—не почином Оуэна, но установившейся практикой земельных отношений. Сам Пе-

стель, предлагая разделить земли на две части: общественный фонд и частные, указывает на то, что «понятия народные весьма к оному склонны». Ясно, что существовавшая община вдохновила Пестеля мечтать в первой четверти XIX века о «социализированной» земле. Артельные же навыки русского народа помогли Пестелю выдвинуть проект сельского банка и общественного мелкого кредита.

Но «Русская Правда» Пестеля не могла оказать и не оказала особого влияния на умы современников (не-декабристов) и ближайших поколений, так как широкого распространения проект революционного преобразования не получил *).

В пропаганде общинных начал огромную роль сыграло то направление русской мысли, которое известно под именем славянофильства.

Славянофильство первой половины XIX века имело лишь некоторое внешнее сходство с той «оффициальной народностью» карамзинского типа, которая явилась детищем николаевской реакции после восстания декабристов. По существу же славянофилы, как и западники, были искателями новой правды и врагами старого мира. Пока не совершился открытый разрыв между двумя передовыми течениями русской мысли, участники кружков славянофилов и западников «келейно сходились, жили между собою дружно и составляли как бы одно общество; они нуждались один в другом и притягивались взаимным сочувствием, основанным на единстве умственных интересов и на глубоком обоюдном уважении. При тогдашних условиях полемика печатная была немыслима и, как в эпоху, предшествовавшую изобретению книгопечатания, ее заменяли последовательные и далеко не бесплодные словесные диспуты». Так рассказывает про конец тридцатых и начало сороковых годов славянофил Самарин.

Впоследствии, правда, отношения между западниками и славянофилами испортились, происходила ожесточенная полемика с ее неизбежными в таких случаях красотами,—но славянофильство той поры еще не выродилось в реакционное течение, какое впоследствии было представлено «Гражданином» или даже «Русью» Ив. Аксакова в начале 80-х гг.

В основе славянофильского учения лежала философия Гегеля, рассматривавшая всемирную историю, как постепенное развитие и обна-

*) После ареста Пестеля «Русская Правда» была зарыта единомышленниками Пестеля в землю,—но офицер Заикин указал место, где она была зарыта. По мнению Щеголева, ее содержание не сделалось хорошо известно даже членам верховной следственной комиссии. После следствия «Русская Правда» поступила в архив и лишь в начале 80-г. была «распечатана» для занятий академика Н. Ф. Дубровина. Опубликована же она лишь в 1906 г.

ружение всемирного духа. Отдельные народности воплощают отдельные стороны развития всемирного духа. Западное человечество развивало рассудочную его сторону; славянству принадлежит развитие чувства. Преобладание чувства над рассудочностью выразилось в духовной жизни народа, как православие; в материальной жизни—как общинное начало. Западный мир руководствуется правами личности, а славянство—интересами братской общины.

Поэтому наряду с ярким проповедью религиозности, мы встречаем в произведениях славянофилов красочную картину могущества общинного начала.

Уже в 1838 г. Ив. Киреевский писал: «Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада, и, во-первых, образование общества в маленькие, так называемые, миры. Частная, личная самобытность, основа Западного развития была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало по столько в праве владения, по сколько входило в состав общества».

Древняя Русь—в отличие от Запада, с множеством замков, «внутри которых живет благородный рыцарь с своею семьею, вокруг которых поселена подлая чернь»,—представляется Ив. Киреевскому, как «бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли Русской рассеянных и имеющих каждая на известных правах своего распорядителя и составляющая, каждая, свое особое согласие, или свой маленький мир: эти маленькие миры или согласия сливаются в другие, большие согласия, которые, в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее, огромное согласие всей Русской земли».

По мнению Ю. Ф. Самарина, высказанному в «Москвитянине» в 1847 г. в известной статье за подписью М... З... К...,—«общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории,—прошедшей, настоящей и будущей; семена и корни всего великого, возносящегося на поверхности, зарыты в его плодотворной глубине». Общинное начало, по мнению Самарина, давало ответ на «последний вопрос западного мира». «Отвлеченная формула» западно-европейского социализма находила в условиях России свою реализацию в общинном землевладении, составляющем «самую природу племени славянского».

А. С. Хомяков говорил:—Чем более я всматриваюсь в крестьянский быт, тем более убеждаюсь, что мир для русского крестьянина есть как бы олицетворение его общественной совести, перед которою он выпрямляется духом; мир поддерживает в нем чувство свободы, сознание его нравственного достоинства и все высокие побуждения, от которых

мы ожидаем его возрождения. Можно бы написать легенду на следующую тему: русский человек, порознь взятый, не попадет в рай, а целой деревни нельзя не пустить.

Наиболее интересны взгляды Константина Аксакова, противопоставляющего русскую землю,—общинное начало,—западно-европейскому государству. Братская община—это «путь свободного убеждения, путь мира, тот путь, который открыл нам Божественный Спаситель и которым шли Его Апостолы. Этот путь внутренней правды смутно мог чувствоваться и языческими народами». Но для братской общины нужен нравственный подвиг, своеобразный быт, мирный, кроткий характер,—как у славян.

А существует другой путь: «Это путь внешней правды, путь государства». Этим путем двинулось «Западное человечество».

Славянские племена жили в условиях общины, которая носила название Земли. Однако, обстоятельства сложились так, что понадобилось ввести Государство. «Но надо заметить»,—пишет К. Аксаков,—«Славяне не образуют из себя Государства, они призывают его; они не из себя избирают князя, а ищут его за морем; таким образом, они не смешивают Земли с Государством, прибегая к последнему, как к необходимости для сохранения первой. Государство, политическое устройство—не сделалось целью их стремления, ибо они отделяли себя или земскую жизнь от Государства, и для сохранения первой призвали последнее».

Крестьянская общинная жизнь сохранила то братство, ту внутреннюю правду, которая так дорога К. Аксакову. «Современный быт крестьян»,—пишет он:—«важное пособие к пониманию Русской жизни. Крестьянин, простой народ, сберег в себе Русскую жизнь, заключенную в его круге и лишенную теперь общего Всероссийского объема. Крестьянин не помнит, может быть, исторических событий Руси; но он помнит дух Русской жизни, ибо обладает им доселе, сохранивши его в течение более тысячи лет, от времен до-Рюриковских».

Западники много и жестоко полемизировали с славянофилами. И во многом нападки западников на славянофильство были справедливы. Нельзя было царскую крепостную Русь считать здоровее «гнилого» Запада. Нельзя было во имя общинного начала забывать об индивидуальности.

Русский социализм впоследствии интересы личности, защищавшиеся западниками, не забыл, он отвел им видное место. Н. К. Михайловский отметил еще, что поскольку славянофилами общинному началу приписывалось «всемирное, как бы безусловное значение, в силу чего и обещались славянскому племени великие мировые победы над европейской цивилизацией, постольку «западники справедливо указывали на слойную ложность этих уверений».

Однако, пропаганда славянофилами общинных идей сделала большое полезное дело. Особый путь развития России— эта мысль славянофилов была положена в основание русского социализма; старые общинно-артельные начала русского быта, на которых вырастет здание Нового Мира,—вот славянофильская идея, принятая русским социализмом.

Поэтому А. С. Хомяков имел право в 1857 г. писать, что «тому восемнадцать лет назад теперешние сотрудники «Русской Беседы» высказали, что славянское племя, и по преимуществу русское, отличается от всех других особенностями своего общинного быта. Этим положено было начало нового умственного движения».

Отец русского социализма Герцен, отрицательно относившийся к истерическому патриотизму и «православию» славянофилов, тем не менее признавал их огромное историческое значение.

«Труды славянофилов приготовили материал для понимания»,— писал он.—«им принадлежит честь и слава почина». Славянофилы были первыми людьми, которые указали, что русский «народ ближе к осуществлению экономического, т.-е. социального, переворота, чем римско-феодальная, мещанско-индустриальная Европа».

Точно также и Чернышевский охотно прощал славянофилам их заблуждения, так как последние «с избытком вознаграждаются» убеждением славянофилов, что «общинное устройство наших сел должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях».

На долю Михайловского выпала ожесточенная борьба с людьми, в 70-е и 80-е годы, унизившими славянофильство до уровня «официальной народности» эпохи николаевских жандармов.

«В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик»...

«Потом встают из темных гробов молодцы-егеря, старики-гренадеры, несутся на воздушных конях усачи-кирасиры».

«Бывает и в литературе двенадцать часов. В фантастическую темную полночь происходит фантастический ночной смотр. Встают, в виде полного собрания сочинений, князь Вяземский, Самарин, Хомяков, даже князь Черкасский, и тени их бодро бряцают оружием и торжественно маршируют перед читающим людом».

Так начинается одна из многочисленных статей Н. К. Михайловского, в которой он, по обыкновению, доказывает, что славянофильство и западничество—уже пережитые течения, «два крупные момента умственной жизни 40-х годов», которые «иссякли, утратили всякое самостоятельное значение».

Но и Н. К. Михайловский признавал, что «славянофильство имело много почтенных сторон и оказало не мало ценных услуг русскому обществу», «чего, впрочем, отнюдь нельзя сказать о его преемниках»,—добавлял Михайловский.

Однако, общинно-артельные начала русского быта, отмеченные славянофилами, уже в представлении первых русских социалистов чаще всего (за исключением Герцена) переплетались с западно-европейским социализмом, — преимущественно фурьеризмом, и даже с попытками создания кооперативов на Западе.

Русь давала примеры общинно-артельного быта, Запад—идеалы кооперативного социализма в духе Фурье (и отчасти Оуэна) и уроки кооперативного строительства.

Таким образом, с самого рождения своего русский социализм узами кровного родства оказался связанным с европейским социализмом и кооперацией. Но об этом в следующей главе.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Первые русские социалисты.

Социализм является в такой же мере детищем западно-европейской культуры, окрашенной капиталистическим цветом,—насколько артель и русская община—детища русского быта и русской истории.

Западно-европейский социализм развивался в зависимости от роста капитализма XIX века, несколько отставая от последнего, — и поскольку в первой половине XIX столетия капитализм находился еще в отроческом возрасте, постольку западно-европейский социализм — в виде учений Фурье, Оуэна, Луи Блана—почто еще весьма неоформленное. Революционный характер западно-европейского социализма еще не успел выявиться, и социализмом позволяют себе платонически увлекаться не только многие художники и беллетристы, но и особы, мечтающие о короне, высказывают любопытные социалистические идеи.

Так, Наполеон III в 1844 г. выпустил брошюру «Уничтожение бедности»—l'Extinction du pauperisme. Наиболее проницательные люди весьма осторожно относились к «возвышенным» побуждениям Наполеона III,—но кое-кого он ввел в заблуждение *).

---

*) Жорж Занд, повидимому, не особенно доверявшая принцу-социалисту, однако, на присланную ей Наполеоном брошюру откликнулась письмом, в котором сообщала, что ее «поразили» «справедливая оценка наших бедствий и благородное желание отыскать средство к их искоренению».

Туманные социалистические утопии и мечтания в своем неоформленном виде были завезены и в Россию из чужеземных стран. Подобно учению Гегеля и другим «модным новинкам» западно-европейского прогресса, взгляды западно-европейских социалистов становились известными и находили своих последователей еще в тридцатых годах.

По словам Н. П. Огарева, еще в юности Герцен, Огарев и их друзья еще в тридцатых годах

«Поклялись, что посвятим всю жизнь
Народу и его освобождению,
Основою положим социализм *),
И чтоб достичь священной нашей цели,
Мы общество должны составить втайне
И втайне шаг за шаг распространять».

Таким образом, еще до первой ссылки Герцена, т. е. ранее 1834 года, на русском языке раздалась социалистическая проповедь. Однако, в ту пору, когда и во Франции сен-симонизм переплетался с христианством, когда Фурье пропагандировал не только фаланстеры, но и свою космогонию, в эти годы трудно было ждать от русских социалистов убедительной и ясной пропаганды. Герцен откровенно признает, что в тридцатых годах взгляды его и друзей были чрезвычайно неоформленные. «Что мы собственно проповедывали,—пишет он,—трудно сказать. Мы проповедывали декабристов и французскую революцию, мы проповедывали конституцию и республику»... Очевидно, что пропагандируя конституцию и республику одновременно,—еще с большим успехом революционеры тридцатых годов могли защищать как идеи социализма, так и частную собственность.

Но увлечение произведениями западно-европейских социалистов—дело позднейшего времени и относится примерно к сороковым годам. В эту пору сочинения Фурье, Кабе, Луи Блана, Прудона, Консидерана стали читаться многими интеллигентами. Представители обоих передовых течений русской общественной мысли сороковых годов—славянофилы и западники—были знакомы с творениями социалистов. Некоторые из западников (как Белинский и Бакунин) от реакционного понимания Гегеля, от оправдания русского крепостничества, переходили к защите социализма. Но как раньше философия Гегеля понималась ими весьма своеобразно, так же своеобразно воспринимался и социализм. Наиболее любопытны в этом отношении письма Белинского в 1841 году. В этих письмах, утверждая, что «идея социализма» стала для него идеею идей, бытием—бытия», Белинский провозглашает: «Социальность—вот девиз мой». И, читая письма Белинского, вы ясно замечаете, что совершенно случайно в одном месте он говорит

*) Подч. мною—Б. Ф р.

о социализме, а в другом—о социальности. Белинского стали интересовать общественные вопросы, от рассмотрения которых в 1837—8 г.г. он сознательно уклонялся, когда писал: «К чорту политику, да здравствует наука! Во Франции и наука, и искусство, и религия сделались, или, лучше сказать, всегда были орудием политики, и потому там нет ни науки, ни искусства, ни религии, и потому еще больше французской политики бойся французской науки, в особенности французской философии». В 1841 же году Белинский вернулся к общественным вопросам, но, говоря, что ему следует познакомиться с сен-симонистами, Белинский писал: «Я на женщину смотрю их глазами». Таким образом, женский вопрос, отстаивание интересов личност—вот в чем заключалось социальное (а не социалистическое!) миросозерцание Белинского и многих других *).

Лишь в середине сороковых годов в России появляется кружок лиц, знакомящихся не с социальными, но с социалистическими идеями Запада, причем изучение социалистических идей не носит случайного характера, а является определенною научною подготовкою. Кружок ведет пропаганду—устную, путем переписки и даже печатную; наконец, вождь кружка пытается от слов перейти к делу—и в крепостной Руси создать фаланстер типа Фурье. Читатель, вероятно, уже понял, что речь идет о петрашевцах и М. В. Буташевиче-Петрашевском, — по имени которого современники и потомки назвали первую группу

*) Правда, Белинский мечтал иногда о золотом веке, «когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть»; когда «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и по глаголу апостола Павла, Христос даст свою власть Отцу, и Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею». Но одновременно у Белинского сказывалось иногда весьма недостаточное внимание к народу,—так, что Герцен упрекал Белинского за его пренебрежительные отзывы о «невежественной толпе» и другия неудачныя выражения, свидетельствующия о том, насколько чужд был Белинский не только социалистического миросозерцания, но и социалистических настроений. Поэтому неудивительно, если незадолго перед смертью Белинский уверовал в освободительную миссию буржуазии и писал: «Где и когда народ освободил себя? Всегда и все делалось через личности... Вся будущность Франции в руках буржуазии, всякий прогресс зависит от нея одной, а народ тут может по временам играть пассивно-вспомогательную роль... Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде как с той минуты, как русское дворянство обратится в буржуазию».

Вообще, говоря о Белинском, надо иметь в виду, что он сам признавал за собою обыкновение,—впадать в крайность. Поэтому для него легче, чем для кого-либо другого, бывал временный переход от социального к социалистическому. Но в подобных порывах лишь сказывалась натура Белинского.

русских социалистов-кооператоров, так как социалисты—последователя Фурье—скорее всего могут быть названы социалистами-кооператорами.

По пятницам вечером у Петрашевского собирались единомышленники, в течение нескольких лет, пока арест Петрашевского и его друзей, в 1849 году не прекратил товарищеских собеседований. Во время этих вечеров обсуждались многие вопросы, иногда произносились речи, но никакого плана восстания или цареубийства,—каким планам уделяли так много внимания революционеры-практики декабристы, — выработано петрашевцами не было. Поэтому С. А. Венгеров прав, приравнивая «пятницы» Петрашевского к так называемым «жур-фиксам»; напрасно только С. А. Венгеров говорит о либеральных жур-фиксах, — следовало бы сказать, что «пятницы» Петрашевского были (как ни страшно звучат эти слова!) социалистическими жур-фиксами. Однако, домашние разговоры с друзьями иначе быть названы не могут, так как петрашевцы ограничивались исключительно кругом своих знакомых, и попыток широкой массовой пропаганды (как у народников семидесятых годов) и даже намерения стать во главе народных масс (как у «декабристов») мы у них почти не наблюдаем.

Тем не менее, правительство Николая I было чрезвычайно обеспокоено появлением революционного кружка (социалистические стремления которого были, быть может, еще и недостаточно ясны для николаевских жандармов), и с помощью доносчика Липранди, тщательно выяснило весь характер деятельности петрашевцев, — арестованных и приговоренных к смертной казни, лишь на эшафоте заменяемой более «легкими» наказаниями (каторга, поселение, солдатчина). Впоследствии «петрашевцы» сами рассказывали о своем кружке; много сделал для характеристики настроений «петрашевцев» покойный В. И. Семевский; но самое драгоценное — это литературный памятник, содержащий в себе изложение основных взглядов петрашевцев, и изданный в середине сороковых годов. Памятник этот — маленькая энциклопедия, носящая скромное название: «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кирилловым». Под именем Кириллова — Петрашевский, при участии единомышленников (ближайшее литературное участие принимал В. Майков), издал два выпуска «Словаря», конфискованных цензурою на букве О. Второй выпуск (1846 г.) был гораздо ярче первого (1845 года), но при «объяснении» многих слов, с первых же страниц петрашевцам удалось высказать свои взгляды.

Не будет преувеличением, если сказать: у христиан есть Евангелие, у марксистов — «Капитал», у петрашевцев был «Словарь». При помощи «Словаря» мы можем выяснить настроение петрашевцев, а также и взгляды самого Петрашевского, который был душою русского социалистического движения сороковых годов.

Благодаря всем, имеющимся в распоряжении нашем материалам, мы имели возможность чрезвычайно легко установить подлинно фурьеристский характер кружка петрашевцев.

Петрашевцы много читали, при чем особенное внимание ими уделялось произведениям Фурье*). Так как книги выписывать одному человеку было дорого, приобретались библиотечки в складчину. Кружком Кашкина были выписаны сочинения Фурье, журналы с его статьями, сочинения Консидерана, Сисмонди, Рикардо, Мальтуса, Бланки и других.

Выписанные книжки основательно читались. Прочитывалось петрашевцами очень много различных трудов, что видно хотя бы из следующих слов Д. Д. Ахшарумова: «Социальное учение Фурье, — пишет Ахшарумов, — сочинение его «Новый промышленный мир», также различные брошюры последователей его: Консидерана, Туссенеля и других и популярные журналы того времени: «Almanach phalanstérien» и более ученый «Phalange», увлекали меня нередко до того, что я забывал все прочее. Большие сочинения Фурье — «Теория четырех побуждений» и «Теория всеобщего единства» были по временам просматриваемы мною, но, по дороговизне, я не мог их приобрести». Кроме того, Ахшарумовым, по сведениям В. И. Семевского, была прочитана и книга Пеллярена о жизни и теории Фурье, а также Кабе: «Путешествие в Икарию».

Прочитанные произведения живо обсуждались в товарищеских беседах. «В дуровском кружке, — рассказывает А. П. Милюков, — было несколько жарких социалистов. Увлекаясь гуманными утопиями европейских реформаторов, они видели в их учении начало новой религии, долженствующей будто бы пересоздать человечество и устроить общество на новых социальных началах. Все, что являлось нового по этим предметам во французской литературе, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на наших сходках. Толки о «Нью-Ланарке» Роберта Оуэна и «Икарии Кабе», а в особенности о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона, занимали иногда значительную часть вечера».

Иные петрашевцы (как Ханыков), п о л н о с т ь ю принимали учение Фурье,—даже его космогонию, вызывающую до сих пор наибольшее количество насмешек. Другие же (как Кайданов), говорили, что совершенно убеждены в истине и исполнимости учения Фурье, вовсе не считая себя обязанными свято верить всем утверждениям учителя (à toutes les extravagances de notre Maître). Такую позицию занимал и Петрашевский, который вовсе не склонен был соглашаться с Фурье,

*) Об историческом значении Фурье и вообще о развитии кооперативных и социалистических идей на Западе, см. мою книгу: «Социализм и кооперация на Западе». Изд. «Мысль», стр. 156.

будто форма правления (монархия или республика) не играет существенного значения.

Петрашевский в «Словаре» дал яркую критику абсолютизма. «Не странно ли там искать ума, общечеловеческих полезных открытий, усовершенствований и изобретений», — читаем мы, — «где всякое обнаружение разумности, всякое нововведение было бы чем-то противозаконным и безнравственным; где самая справедливость от века ни на одно мгновение не являлась нелицеприятной, где общественное судилище есть не что иное, как охранительное учреждение для всякой неправды?! Где, как бы все, и человека, и природу, покрыла плесень застоя и оцепенения... где однообразие, монотонность, безмыслие и бессмыслие — закон общественной жизни... как это и есть в Турции или Китае».

Петрашевский придавал значение изменению государственных форм, и демократический строй Швейцарии или Северо-Американских Соединенных Штатов был ему более по душе, нежели самодержавие Турции, Китая и России. Но, как последовательный социалист и приверженец Фурье, он вовсе не переоценивал значения конституционного правления, при чем особенно подчеркивал влияние буржуазии на ход дел, существующее (что хорошо знаем мы, люди XX века) не только в конституционной монархии, но и в республиках.

Говоря о конституционном правлении, Петрашевский говорит:

«Монтескье, знаменитый автор «Духа законов» (Esprit de lois), пленился им и не мало содействовал тому, что он принят большею частью европейских государств. Защитники его доказывают, что он основан на праве каждого члена общества участвовать в управлении того целого, которого он часть, но на практике это начало неосуществимо в больших государствах: везде необходимость заставляет ограничивать число лиц, имеющих право выбирать депутата от провинции или от сословия. А так как единственная мера, которою везде руководствуются, состоит в количестве имущества гражданина, то на практике до сих пор это хваленое правление есть не что иное, как аристократия богатства. Так, напр., если положено, что участие в выборе депутата может принимать только тот, кто имеет не менее 400 рублей дохода, то гражданин, получающий дохода 350 рублей, уже ничего не значит в политическом смысле. Защитники конституции забывают, что человеческий характер заключается не в собственности, а в личности, и что, признав политическую власть богатых над бедными, они защищают самую страшную деспотию! Двести тысяч богатых, управляющих тридцатью тремя миллионами бедных и нищих,—то же самое, что каста афинских или римских граждан, которые утопали в неге и роскоши, попирая личность миллионов людей, оффициально называвшихся вещами (здесь разумеются рабы)».

Петрашевский был защитником не только всеобщего, но и рав-

ного избирательного права. Но он не закрывал глаз на то обстоятельство, что никакое избирательное право само по себе не облегчит положения трудящихся.

«В наше время нигде мануфактуры не достигли такой высокой степени развития, как в Англии. Но, к сожалению, выгодами пользуются одни богатые хозяева предприятий (антрепренеры). Рабочий класс, отнятый от земли, живет ничтожным заработком, изнуренный трудом, болезнями, развратом. Антрепренеры средней руки не могут выдерживать соперничества с богатейшими, и банкротства сделались там происшествиями обыкновенными».

Таким образом, «Словарь» Петрашевского бичует самодержавие, весьма скептически относится к конституционному строю, опирающемуся на цензовую систему, и, наконец, выступает в защиту угнетенных против расцветающего капитализма.

Подходя вплотную к вопросу об угнетенном положении, в котором находятся трудящиеся, Петрашевский обращался к учениям социалистов-кооператоров Запада.

Слово «овенизм» дает возможность Петрашевскому подробно остановиться на изложении системы Роберта Оуэна.

Овенизмом называется «система взаимного содействия *) и общей собственности» «по имени ее творца Роберта Овена», — читаем мы. Большая статья содержит ряд цитат из произведений Оуэна и указывает, что, «признав полную зависимость деятельности человеческой от обстоятельств, овенизм отвергает свободу человеческого произвола и всякую ответственность человека за причиняемое им зло, а принуждение и наказание признает средствами несправедливыми и недостаточными к искоренению зла в сложе общественном. Почему он должен был искать радикального излечения всех недугов общества в изменении формы его организации».

Изменение формы организации — ассоциация. И в десяти пунктах «Словарь» излагает основы теории Оуэна об организации общин и о воспитании детей.

«По этому плану,—читаем мы,—основана была Оуэном в 1800 г. промышленная колония в деревне Нью-Ланарк, в Шотландии, и англичане вскоре назвали ее картиною удобства, счастья, опрятности и довольства. После основали колонии: Нью-Гармони в Пенсильвании и Орбейстон близ Глазгова».

Если учение Оуэна излагается только в связи со словом «овенизм», то пропаганду идей Фурье (хотя чаще всего и не называемого по имени), мы находим в различных местах «Словаря»: при объяснении слов: «гармония», «иерархия», «аристократия», даже «ланкастерская система» и т. д. При пояснении же выражения «организация произ-

*) Так «Словарь» переводит слово «cooperation».

водства», Петрашевский определенно выдвигает на первый план своего кумира — Шарля Фурье.

«Собственно говоря, человек и природа бессильны произвести что-либо заново, произвести небывалое,—читаем мы.—Произвести в смысле экономическом поэтому значит — преобразить известный сырой материал, соответственно известной цели. При настоящей организации общественной для такого действия необходимы талант, капитал и работа. Какое вознаграждение должно быть каждому из этих производителей?—вот коренной вопрос политической экономии.

«Политики, избравшие себе девизом: après nous le déluge, уделяют мало внимания угнетению «английского пролетария победоносным соперничеством машины», и особое предпочтение оказывают капиталу и его представителям.

«Предпочтение, оказываемое капиталу, овеществившемуся труду, простирается до того, что личность и права человека, как человека, иногда приносятся в жертву овеществленному труду». «Это явление не могло долго оставаться незамеченным и не обратить на себя внимания всех тех, кому близки к сердцу прогресс и счастье человечества». «Не будем упоминать о различных способах организации производства или ослабления влияния овеществленного труда, предлагаемых разными мыслителями. Мы в этом случае ограничимся указанием на учение Charles Fourier». Далее в «Словаре» дается краткое изложение основных положений Фурье, касающихся распределения дохода между капиталом, трудом и талантом.

Заслуживает быть отмеченным, что Петрашевский, как и подобает истинному фурьеристу, пытался создать фаланстер в условиях крепостной России.

По словам В. Р. Зотова, весьма скептически относившегося к социализму и величавшего Петрашевского именем—«неисправимый фантазер», дело происходило так.

«Уверенность этого фанатического поклонника фурьеризма в том, что русский мужик, — пишет Зотов, — способен проникнуться идеями фаланстерианского общежития и усвоить их себе, была до того велика в Петрашевском, что он задумал осуществить ее на деле еще в 1847 году, хотя и в незначительных размерах. Был у него недалеко от уездного города небольшой выселок в семь дворов, ютившихся на болоте, у опушки огромного соснового бора. Во всех дворах было душ сорок и с ребятами; земли было достаточно, с десяток лошадей, но коровы не приживались, да и жилье самих мужиков на болотистом грунте было неказисто, и хозяйство у них велось плохое: допотопные плуги и бороны работали плохо, избы подгнили, лес хоть под боком, да господский». Однажды Петрашевский и завел разговор со старостою о том, «не лучше ли будет крестьянам вместо того, чтобы подновить свои

избы на заведомо нездоровом месте, выстроить в бору, на сухой почве, одну просторную новую избу, где бы поместились все семь семейств— каждое в отдельной комнате, но с одной общей кухней для стряпни и такой же залой для общих зимних работ и посидок, с надворными постройками и амбарами для домашних принадлежностей, запасов и инструментов, которые также должны быть общими, как и вообще все крестьянское хозяйство».

Слова Петрашевского были плохо усвоены крестьянами, повидимому, недоверчиво относившимися ко всему, исходившему от какого бы то ни было помещика. Петрашевский понимал их недоверчивость и, по словам В. Р. Зотова, говорил: «Не вытащить их из их болота, так они и совсем в нем завязнут».

Петрашевский сам «начал строить в лесу фаланстерию», водил по комнатам крестьян, об'яснял, какими надо быть в общежитии. Но напрасно пропали все старания М. В. Буташевича.

В благородном порыве Петрашевского крестьяне, повидимому, заподозрили лишь желание помещика поискуснее закрепостить их и сожгли «фаланстерию» накануне переселения в нее.

Уже из приведенного опыта Петрашевского можно судить, насколько западно-европейским, книжным был социализм М. В. Буташевича и его единомышленников, совершенно позабывших о русской действительности и унесшихся в заоблачное царство грез на воздушных кораблях фантазии, созданных гением и величайшим волшебником мира—Фурье.

В. И. Семевский отметил уже это обстоятельство и совершенно прав, говоря: «Кружок петрашевцев всецелю (подч. мною—Б. Фр.) развился на произведениях западно-европейских социалистических писателей, хотя это, разумеется, не мешало некоторым из его членов с полным пониманием и величайшим сочувствием относиться к таким явлениям русской жизни, как община, артель...»

Однако, петрашевцы, подобно туманным мечтателям о социализме тридцатых годов,—воспитанники западно-европейского социализма. Им дорога кооперация фурьеристского типа, выдуманная, созданная гением Фурье или Оуэна, а не выросшая из недр русского быта, русской действительности.

В сороковые годы петрашевцами, поэтому, перекинут мост между русским социализмом и з а п а д н о - е в р о п е й с к о ю кооперацией, но не между русским социализмом и общиною и артелью.

Эта связь русского социализма с общинно-артельными началами была впервые установлена А. И. Герценом, обычно причисляемым к западникам,—но мыслителем настолько своеобразным, что в пору его полного духовного развития, т. е. с конца сороковых годов, его следует

называть скорее всего не западником, не славянофилом, а отцом русского социализма.

Герцен превосходно знал Запад. Все достижения западно-европейской мысли, вообще, и социалистической, в частности, были известны А. И. лучше, чем кому-либо другому, быть может, не только в России, но и в мире. Его характеристики Луи Блана, Прудона, Бакунина, Маркса, лондонской эмиграции, — не отличающиеся, правда, об'ективностью,—пользуются заслуженною известностью. И этот писатель, воспитанник не столько русской, сколько западно-европейской культуры, всю боевую литературную деятельность осуществлявший, живя на Западе, — отвернулся от западно-европейского социализма и в общинно-артельных началах русского быта искал прочного фундамента для русского социализма.

Для Герцена артельно-общинные начала в жизни русского крестьянства казались основою обновления всего мира, коммунизмом, который из России перебросится в другие страны и пересоздаст весь мир. Таков был мужицкий коммунизм Герцена, который писал: «Человек будущего в России—мужик, точно так же, как во Франции — работник».

Герцену казалось, что Европа духовно обанкротилась. Уже до революции 1848 года Герцен в своих «Письмах» нарисовал яркую картину гнилого-разлагающегося Запада. Не только буржуазия и интеллигенция были людьми старого, умирающего мира; даже «большая часть парижских слуг и работников—дети и внучата солдат великой армии, дети и внучата угомонившихся» (подч. мною—Б. Ф р.) крикунов предместий св. Антония и Марсо, состарившихся трибунов «des sections».

Неудачи революции 1848 года как бы подтвердили убеждение Герцена в гнилостности Запада. «Эпилог 1849 года» начинается словами: «Проклятье тебе, год крови и безумия, год торжествующей пошлости, зверства, тупоумия».

«Меня просто ужасает современный человек»,—пишет А. И. Герцен. Что представляют собою интеллигенты? «Они растлились в школе, где их одурачили; они истаскались в пивных лавках, в студенческой одичалости; они ослабли от маленького, грязного разврата...» «А вы что делали, революционеры, испугавшиеся революции? Политические шалуны, паяцы свободы, вы играли в республику, в террор, в правительство, вы дурачились в клубах, болтали в камерах, одевались шутами с пистолетами и саблями... Вы ничего не предупредили, ничего не предвидели. А те, лучшие из вас, заплатили головой за ваше безумие». «Одно утешение и остается,—весьма вероятно, что будущие поколения выродятся еще больше, еще больше обмелеют, обнищают умом».

И тогда на смену им должно придти русское «варварство младенчества», полное неустроенных, но здоровых сил, которое заменит старческое варварство. Что же касается Запада, то «видимая, старая, официальная Европа не спит,—она умирает!»

В статье «Русский народ и социализм» (помеченной 22 сент. 1851 года) Герцен наиболее ярко выявил свой взгляд на коммунистическую психологию русского крестьянства.

Жизнь русского народа ограничивается общиною; только в отношении к общине и ее членам крестьянин признает за собою права и обязанности. Суд старшков или мира является верховным судом. «Точно также в артелях. Артели составляются часто из нескольких сотен работников, соединившихся на определенное время, например, на год. По окончании года работники делят между собою заработки по трудам каждого и по общему соглашению... Почти всегда артель отвечает за каждого из артельщиков».

«У русского крестьянина нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма; эта нравственность глубоко народная; немногое, что известно ему из Евангелия, поддерживает ее: явная несправедливость помещиков привязывает его еще более к его правам и к общинному устройству. Община спасла русский народ от монгольского варварства, от выкрашенных по европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожила до развития социализма в Европе». Счастье России,—утверждал Герцен,—заключается в том, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила общинной и что русский народ остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая сама дошла в социализме до самоотрицания.

Падение крепостного права, поэтому, мыслилось Герценом лишь как н а ч а л о освобождения крестьян. В статье «Через три года» («Колокол», 1858, № 9), которую Герцен начал и закончил словами по адресу Александра II: «Ты победил, галилеянин!», А. И. писал: «Имя Александра II отныне принадлежит истории... Н а ч а л о (подч. мною—Б. Фр.) освобождения крестьян сделано и м, грядущие поколения этого не забудут. Н о и з э т о г о н е с л е д у е т, ч т о б ы о н м о г о с т а н о в и т ь с я» (подч. мною Б. Фр.).

Мы знаем, что в 1861 году Александр II остановился, а скоро и повернул в другую сторону—от прогресса к регрессу. Но Герцен продолжал мыслить падение крепостного права как начало процесса освобождения русского крестьянства и раскрепощения всего мира. Потому-то с особенною иронией он относился к «Сенаторам и тайным советникам журнализма».

«Вы, господа, — писал Герцен в 1862 г., — не призваны к живой жизни, вам не понятен ее страшный, нестройный голос... Вы еще ждете Мессию по писаниям, в церковном облачении, в сиянии и торжестве, в сопровождении самого Молинари... а он родился опять в овчарне».

Несмотря на жестокие разочарования позднейшего времени, Герцен в основном—в понимании русского социализма и его развития—не знал колебаний и нисколько не изменял своих воззрений. В 1865 г. он писал, что «Колокол» остался, чем он был—органом социального развития в России»; «Наши десять заповедей, наш гражданский катехизис—в социализме». Незадолго перед закрытием «Колокола» Герцен характеризовал «русский социализм», как такой, который «идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления,— и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще». Наконец, приостанавливая в 1867 г. издание «Колокола» и подводя итоги его десятилетней работе, Герцен писал:

— «Колокол» был и будет, прежде всего, органом социализма и его развития, социализма аграрного и артельного, сельского и городского, государственного и областного.

По мнению П. Л. Лаврова, именно в последние годы существования «Колокола» Герцен даже «резче и определеннее подчеркивал свои социалистические убеждения и аграрный элемент, их характеризовавший». Пишущий эти строки полагает, что и значительно ранее социалистические убеждения и общинно-артельный (не только аграрный) элемент воззрений Герцена сказывались достаточно резко и определенно. Во всяком случае, тесная связь социализма и кооперации—то, что мы именуем кооперативно-социалистическим мировоззерцанием—красною нитью проходит через многочисленные произведения Герцена.

Однако, Герцен слишком уклонился в сторону общинно-артельных начал русского социализма, противопоставив здоровый русский социализм западно-европейской гнили и не сумев оценить значения европейской кооперации. Значительно дальше Герцена пошел Н. Г. Чернышевский, который создал теорию социализма, сочетавшую общинно-артельные начала русского быта с идеалами социализма и кооперативною практикою Запада.

Таким образом, Н. Г. Чернышевский, относившийся критически к деятельности А. И. Герцена, все же явился лишь его продолжателем, признав огромное значение общины в отношении переустройства России на новых началах. Н. Г. Чернышевский с'умел об'единить: теорию Фурье, общинные начала русского социализма и кооперативную практику за-

падно-европейской действительности, поклонниками которой были буржуазные экономисты вроде Милля.

В переводе (с замечаниями и дополнениями) «Оснований политической экономии» Милля и в «Очерках из политической экономии» (по Миллю)—Н. Г. Чернышевский воспользовался трудами Милля для пропаганды кооперативных воззрений.

Будущность экономического прогресса рассматривается Миллем, как участие рабочих в прибылях (так наз., копартнершип) и развитие ассоциаций. Правда, речь идет преимущественно о производительных товариществах; однако, попутно отмечается и успешное развитие кооперативов других видов—именно: «товариществ для оптовой закупки» или «обществ для оптовой закупки предметов потребления» (т. е. потребительских обществ).

По мнению Н. Г. Чернышевского, прогресс Западной Европы и выражается в том, что «люди привыкают к дружному действованию», осуществляемому при помощи товариществ. Но отсюда не следует, что надо остановиться на той высоте прогресса, какой достигла Западная Европа. «У нас очень многие сбиты с толку восхищением перед нынешним состоянием Западной Европы; в ней самой многие довольны им, и думают, что дальше идти не надобно. У других наших соотечественников есть мысли о чем-то лучшем нынешнего западно-европейского быта, но тут же примешивается у них мнение о бессилии западных народов осуществить в своей жизни это лучшее. Неосторожные поклонники такого взгляда на Западную Европу,—пишет Чернышевский,—прославились фразою об ее гниении».

Чернышевский, не считая европейский прогресс чем-то совершенным, в то же время подчеркивал значение товариществ и ассоциации. «Когда так называемые утописты,—пишет он,—заговорили об ассоциации, теоретики господствующей школы провозгласили эту новую идею злодейственною нелепостью «точно так же, как сначала провозглашается нелепостью вообще всякая новая мысль. Теперь уже не то. В каждом рутинном курсе политической экономии делается значительная уступка понятиям, так называемых утопистов, самый отсталый политико-эконом должен признаться, что экономическая история движется к развитию принципа товарищества».

В последних подчеркнутых мною словах,—теория Чернышевского, которая не может быть названа иначе, как кооперативно-социалистическою.

Товарищества должны существовать как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Отметив, что поселяне-собственники работают иначе, с большею охотою и трудолюбием, нежели сельские наемные рабочие, Чернышев-

ский все же считает, что крупное производство должно погубить мелкое повсюду. Нет рациональных причин, — утверждает он, — считать сельское хозяйство исключением из общих законов промышленной деятельности. «Никакое усердие в труде не спасет мелкого хозяина, когда являются у большого хозяина усовершенствованные процессы, недоступные мелкому. Если при нынешнем общественном устройстве поселяне-собственники еще сохранились на континенте Западной Европы, то лишь потому, что земледелие в их местах еще сохранило неразвитые способы производства и в больших хозяйствах. Когда оно станет (а оно уже начинает становиться) не патриархальным, а коммерческим делом, мелкие хозяйства должны погибнуть при нынешнем экономическом устройстве. Чтобы сохранились они, и чтобы имели место усовершенствованные процессы усердною работою работников-хозяев, для этого нужно другое устройство, то самое, выгодность и неизбежность которого обнаруживается при внимательном рассмотрении и каждого частного вопроса и каждого общего принципа экономической науки».

Чернышевский вновь подошел в данном случае к вопросу о товариществе в сельском хозяйстве.

Но товарищество в сельском хозяйстве должно быть связано с общиною. Если по случайным причинам Чернышевский не остановился на данном вопросе вслед за приведенными строками, то он сам пишет, что заметен «важный пробел: он слишком резко чувствуется в обозрении форм сельского хозяйства, делаемом писателем, защищающим наше обычное общинное землевладение».

Чернышевский был горячим защитником общины и утверждал в другом месте, что «неистощимую, вечно живую и свежую почву всех возможных улучшений представляет наше общинное владение землею; неистощимый запас национального благосостояния и государственного процветания находится в нем. Одно только нужно, чтобы началось для нашего царства время невиданного на земле в таких обширных размерах, в таком стройном порядке общего благоденствия великой Державы и всех детей ее».

Таким образом, и из приведенных строк очевидно, что Чернышевский не был слепым поклонником существующей общины. Общинное землевладение представляло, по его мнению, лишь «неистощимый запас национального благосостояния и государственного процветания»... Но для этого благосостояния—необходимо время невиданного благоденствия. Не сама по себе община, но община, как средство переустройства страны—вот что было дорого Чернышевскому. Примерно также подходил Н. Г. и к вопросу о роли кооперации.

Для Чернышевского кооперация была чистилищем, дорога из которого ведет в социалистический рай.

Вот почему,—заканчивая свои «Очерки по политической экономии (по Миллю)», Чернышевский писал:—«Не успела войти в наши очерки та часть теории, которая, по нашему мнению, наиболее важна в науке. Критикою господствующих понятий нам удавалось приводить читателя к общим принципам устройства, наиболее выгодного для людей. Но мы не успели изложить, в каких главных подробностях должны некогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могут уже теперь люди приближаться к наилучшему устройству своих материальных отношений. Нам пришлось в этом отношении довольствоваться неопределенными очерками, представленными у Милля в главе о вероятной будущности рабочих сословий. Мысли его верны, но слишком бледны (подчерки. мною—Б. Ф.). И мы очень жалеем о том, что не успели дополнить их очерками, более точными. Но что же делать!».

Что же делать! закончил «Очерки» Н. Г. Чернышевский,—и в «беллетристической» форме, проскользнувшей через цензуру, в романе «Что делать»—дал более точные и определенные ответы. В знаменитом романе им нарисованы, как «сон» лучшего будущего, мечта об устройстве мира на новых основах—картина Фурьеристского фаланстера, так и кооперативная работа ближайших дней — на началах сотрудничества в швейной мастерской.

Вера Павловна организовала мастерскую, в которой работало сначала несколько мастериц, а затем 20 и даже более. Мастерская управлялась работницами, которым принадлежал «окончательный голос». Прибыль сначала делилась пропорционально заработной плате, а к полевине третьего года существования мастерской—поровну. Из прибылей—всякая мастерица откладывала часть денег. Образовался запасный капитал, из которого стали выдавать ссуды. «За учреждением этого банка последовало основание комиссионерства для закупок: девушки нашли выгодным покупать чай, кофе, сахар, обувь, многие другие вещи через посредство мастерской, которая брала товар не по мелочи, стало быть дешевле». А года через полтора почти все девушки уже жили на одной большой квартире, имели общий стол, запасались провизиею тем порядком, как делается в больших хозяйствах».

Итак, Чернышевский рисует: производительное товарищество, ссудо-сберегательное, потребительное общество и кооперативное общежитие. Вопросы просвещения мастериц и воспитания детей также не были забыты Верой Павловной, уделявшей им внимание и осуществлявшей различные начинания в данных областях, опять-таки пользуясь сплочением труженищ около кооперативной мастерской.

Но всего этого Вере Павловне было мало. Она мечтала о другом, о Новом Мире. И этот Новый Мир ей представился во сне.

«Четвертый сон Веры Павловны»—яркая картина лучшего будущего. В преобразованной России воцаряется всеобщий труд, равенство, благосостояние, даже роскошь, которой пользуются все. Но лучшее будущее—дело не завтрешнего дня. Оно потребует напряженного труда, хотя работа и идет все быстрее и быстрее с каждым годом.

— Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, перенесите из него в настоящее, сколько можете перенести...

В последних подчеркнутых мною словах—кооперативная теория Чернышевского, для которого кооперация—в значительной мере и перенесение в настоящее некоторых светлых черт будущего.

Неудивительно поэтому, что ученик и друг Чернышевского, Добролюбов, популяризировал идеи Оуэна.

Добролюбов бичевал обломовщину во всех ее проявлениях. Он негодовал, что люди проводящие время в «шумном разноглагольствовании», если вы им предложите, «самое простое средство», скажут: «Да как же это так, вдруг?» Добролюбова возмущало согласие Обломовцев разных толков «покориться судьбе». Статья Добролюбова «Что такое Обломовщина»—это горячий призыв к делу, к работе. В различных статьях и заметках Добролюбов возвращается много раз к тому же вопросу.

Дело и работу Добролюбов видит в том, «чтобы вызвать на живое дело крепкие, свежие силы». На народ можно действовать прямо и «непосредственно». И Добролюбов звал интеллигенцию—«к свежим, здоровым росткам народной жизни».

Не только в агитации и революционной борьбе представлялась Добролюбову творческая работа в народной среде. Он понял и оценил значение деятельности Роберта Оуэна, боровшагося за то, чтобы «преобразовать целый мир по своим идеям, доказать, что все ошибались, а он один нашел правду!» И для того, чтобы рассказать о начинаниях Оуэна,—Добролюбов ушел в несвойственную ему область подробной оценки экономических явлений *), посвятив Оуэну не маленькую библиографическую заметку, но обстоятельную статью, которая до сих пор является чрезвычайно яркой характеристикой деятельности гениального реформатора.

Характерно, что тогда как русский социализм был проникнут кооперативною идеею, русский радикализм (в лице его типичного представи-

---

*) Чем, как известно, обычно в «Современнике» занимался не Добролюбов, но Чернышевский. Э им об'ясняется, что некоторое время статья об Оуэне считалась принадлежащей перу Чернышевского, ссылавшегося на нее.

теля — Д. И. Писарева) оставался совершенно равнодушен к подобным изъяснениям.

Писарев, проанализировав глубину глубин русской жизни—читай: уклад народного быта, его общину и т. д.,—не нашел там ничего достойного уважения. Социализм, кооперация, община, артель—все так волнующее и столь дорогое для Чернышевского и Добролюбова—нисколько не интересуют Писарева. Зато каждая строчка его произведений дышет одним призывом:—Долой самодержавие! Писарев—такой неумолимый в других случаях—оправдывает низкое поведение Вольтера. И поскольку Вольтер служил падению абсолютизма, со своей точки зрения р е в о л ю ц и о н н о г о м о н и з м а (если можно так выразиться), Писарев был прав. Вопросы же нравственного свойства, вследствие которых Михайловский отдал предпочтение скромному сельскому священнику Мелье перед всемирно известным философом Вольтером,—Писарева занимали мало.

Можно с уверенностью сказать, что идеальный спектицизм революционера Писарева в «нечаевщине» (в поступках Нечаева, руководствовавшегося правилом, что революционная цель оправдывает какие бы то ни было средства), нашел лишь логическое завершение.

Революционная «программа» Писарева была выражена в следующей формуле: «Что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо, бей налево, от этого вреда не будет и не может быть». Так писал Писарев в одной из первых своих статей: «Схоластика XIX века». Но ненавистью к абсолютизму и мыслию свержения царизма пропитаны все его статьи.

Уже в «Первых литературных опытах» мы встречаем яркое осуждение деспотизма испанского короля и сочувственное отношение к «энергичному противодействию», какое нидерландцы оказали Филиппу II *). А впоследствии! «Очерки из истории печати во Франции». «Популяризаторы отрицательных доктрин». «Французский крестьянин в 1789 году», вот темы, интересующие Писарева. Кроме борьбы с абсолютизмом, Писарев интересуется еще естествознанием. Но естествознание он понимает, как борьбу со схоластикой, с предрассудками, с духовенством, защищающим старый порядок. Да и популяризация естествознания Писаревым осуществляется весьма своеобразно. Его статья «Пчелы» рисует картину союза королевы с трутнями. «Трутни торжествуют»,—пишет Писарев,—«и прославляют величие, благодушие и государственную мудрость своей повелительницы. Между тем, пролетарии, встревоженные увяданием цветов, также начинают собираться в кучки и толковать»...

*) «Эпизод из истории Нидерландов. Правление герцога Альбы».

Слова Писарев говорит о предреволюционном моменте, особенно занимающем его.

Но как революционный радикал—Писарев вовсе не разделял взглядов социалистов относительно эксплоатации трудящихся масс капиталистами». У капиталиста есть ум и богатство»,—писал Писарёв.—«Эти два преимущества упрочивают за ним господство над трудом, но господство это может быть вредно или полезно для народа. Если вы дадите этому капиталисту кое-какое смутное полуобразование, он сделается пьявкой. А дайте ему полное, прочное, чисто человеческое образование—и тот же самый капиталист сделается не благодетельным филантропом, а мыслящим и расчетливым руководителем народного труда, который в сто раз полезнее всякого филантропа».

В полном соответствии с подобными взглядами Писарев утверждал, что «судьба народа решается не в народных школах, а в университетах». Поэтому социализмом, общиной русского народа, русскими артелями и европейскими кооперативами Писарев не интересовался.

Умный, просвещенный либерал И. С. Тургенев пошел дальше Писарева. Он с гораздо большей ясностью выразил свое несочувствие кооперативным идеалам русского социализма в письме к Герцену, где имелись следующие, полные злобной иронии, строки:—Что до артели, я никогда не забуду выражения лица, с которым мне сказал в нынешнем году один мещанин: «Кто артель не спавал, не знает петли».

— Не дай Бог, чтобы безчеловечно эксплоататорские начала, в которых действуют наши артели, применялись в более широких размерах. «Нам его в артель не надоть: человек он хоша не вор,—безденежный и поручителев за себя не имеет, да и здоровьем не надежен,—на какой его нам ляд!» Эти слова можно услышать сплошь да рядом: далеко, как изволишь видать, до fraternité или хоть до Шульце-Деличевской ассоциации.

Так стареющий либерал писал Герцену 13-го декабря 1867 года... Однако, Тургенев, обычно внимательно следивший за «Новью» русской жизни, на этот раз несколько отстал.

К концу 60-х годов его остроты насчет «кооперативного братства» (fraternité) уже устарели; они относились к пережитой исторической эпохе. Начиная с середины 60-х годов кооперацией начинают интересоваться не одни социалисты. Из области мечтаний она превращается в дело — и кооперативное дело творится руками радикальной и либеральной интеллигенции, наконец, даже руками типичных деляков. Падение крепостного права расчистило дорогу в России кооперации, и вместе с реформированным судом, с «гласностью», с земствами интеллигентное общество и некоторые «расчетливые и мыслящие руководители труда» встретили кооперацию с распростертыми об'ятиями.

Пришли новые времена... Эпоха крепостничества с ее исканиями, борьбой за освобождение крестьян от крепостной зависимости уходила в прошлое, и уже произведения Добролюбова, Чернышевского и Писарева — творения людей нового периода русской истории. Тем не менее, этими мыслителями были не только сказаны новые слова, ими были подведены также итоги прошлого. Особенно в последнем отношении ценны работы Чернышевского.

...Для кооперации новые времена ознаменовались тем, что кооперация из сферы заоблачных социалистических мечтаний оказалась низведена на землю,—с середины шестидесятых годов перед нами определенный исторический период развития кооперации.

До сих пор речь шла лишь об общинно-артельных началах русского быта, о западно-европейском социализме и о кооперативной пропаганде в России на основании опыта других стран. Мы показали, что в результате сочетания самых разнообразных идей русский социализм приобрел определенно кооперативную окраску. Его идеалы были кооперативно-социалистическими; его путь к идеалам—создание кооперативных организаций, минуя Старого греховного мира и приближение существующих форм кооперативного сотрудничества к высшим формам братства.

Но самой кооперации еще не было.

Со времени падения крепостного права в России появились товарищества и общества, по праву носящие имя кооперативов.

Какими же оказались взаимоотношения нарождающейся кооперации и русского социализма—из младенческого возраста, переходившего в возраст—так сказать—до школьного воспитания?

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

От падения крепостного права до революции 1905 года.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Когда появилась кооперация на Руси.

Кооперативами мы обычно называем — открыто существующие союзы трудящихся, свободных от крепостной или рабской зависимости, для совместного осуществления на началах равенства и взаимопомощи хозяйственных начинаний, имеющих целью избавление тружеников от эксплоатации капитала: промышленного, земельного, финансового или торгового.

Автор сознает, что данное им определение кооператива страдает некоторою длиннотою и с точки зрения литературной техники не блещет красотой,—но только оно отмечает все характерные признаки кооператива и не позволяет кооператив смешать с каким-либо другим видом взаимопомощи. Между тем, достаточно развившееся мировое кооперативное движение проявило настолько характерные черты и особенности что является очевидной необходимостью обособить кооперативное движение от всякого другого: политического, профессионального *), артельного или—тем более,—союзов в о о б щ е как людей, так и животных **).

Кооперация б о р е т с я с к а п и т а л о м. Это ее главный отличительный признак. Следовательно, ее возникновение относится к определенной исторической эпохе. Вне этой эпохи ни ее успех не был бы возможен, ни ряд кооперативов (как рабочие потребительные общества) не мог бы вовсе существовать.

Но борьба кооперации с капитализмом ведется несколько иначе, нежели борется с капиталом социалистическая партия или профессиональный союз. Кооперация л и б о с о з д а е т х о з я й с т в е н-

*) К. А. Пажитнов, например, не видит надобности обособлять профессиональное рабочее движение и кооп. движ. трудящихся.

**) В былые годы подобная точка зрения была чрезвычайно распространена. Так понимал кооперацию, напр., Спенсер. В настоящее время наиболее ярким защитником подобного воззрения является Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь».

ные предприятия (потребительская лавка, маслодельная артель), либо осуществляет какие-либо самостоятельные или подсобные хозяйственные начинания (подряд трудовой артели, выдача ссуд кредитным товариществом для развития крестьянского хозяйства). Ни рабочий союз, ни социалистическая партия не считают своею основною задачею—осуществление хозяйственных начинаний, и поэтому существенно отличаются от кооператива.

Однако, кто же будет бороться с капитализмом? Не капиталисты же?!. Очевидно, страдающие от гнета капитала, т.-е. трудящиеся, притом сознавшие капиталистический гнет и ставящие своею целью—борьбу с капитализмом.

Единоличная борьба с капиталом не создает кооператора,—да при современных условиях и невозможна. Кооперация,—говорим мы,—союз трудящихся; однако, и союз трудящихся может осуществлять хозяйственное начинание так, что почти все выгоды достанутся немногим участникам вследствие их привилегированного положения, кооперация же стремится к раскрепощению всех трудящихся, участвующих в общем деле. Поэтому кооперация—союз трудящихся на началах равенства и взаимопомощи.

Но подобные союзы трудящихся не могут существовать, пока трудящиеся не пользуются правом свободного об'единения. Следовательно, лишь незнающие крепостной или рабской зависимости труженики могут создать кооператив. И поскольку кооператив — хозяйственное начинание, он должен существовать открыто, иметь право на легальную деятельность, быть признанным законом. Иначе никакие сделки (покупки, продажи) не могут совершаться свободно,—да и кооперативное движение не может принять значительного характера.

Впоследствии мы увидим, что отсутствие многих правовых норм, необходимых для всякого капиталистического общества, но которых не знала царская Россия, чрезвычайно тормозило развитие кооперации в течение ряда десятилетий. Однако, кооперация уже могла возникнуть, могла существовать (хотя бы и в очень жалком виде) после того, как пало крепостное право,—но лишь после того, как падение крепостного права стало совершившимся фактом.

При существовании крепостного права главный слой трудящихся не мог создавать кооперативов,—несмотря на то, что потребность в организациях взаимопомощи для крестьян еще при крепостном праве ощущалась очень остро.

Возьмем такое старое зло в русской жизни, как ростовщичество. Насколько оно было распространено в древней Руси, можно судить по

тому, что по церковным правилам лица духовного сана, занимавшиеся выдачей денег в рост, лишались сана. Светские законы допускали взимание процентов, но всячески старались ограничить размер процента (носившего название—роста, накладá—или—при хлебных займах—пасопа). Иоанн IV велел взыскивать в год на 5 частей—шестую (т.-е. 20%), а после еще понизил размер процента.

Однако, ростовщики брали гораздо выше установленных процентов, и в XIX в. правительство, с целью избавить крестьян от гнета кулаков, «булаков» и ростовщиков, предпринимает ряд мер для предоставления крестьянам возможности прибегать к услугам общественного кредита. Известно довольно значительное количество различных правительственных начинаний в этой области. Отметим некоторые.

Первая попытка устройства правительством сельского кредита относится к началу XIX века и имела в виду немцев-колонистов в России. Общественные доходы от отдаваемых на откуп питейных домов, лугов, винокурен и т. д.—обращались в капиталы, из которых выдавались ссуды. В 1803 г. был образован капитал овцеводства, в 1816 г.—капитал садоводства и т. п.

В 1837 г. удельное ведомство решило устраивать в удельных имениях сельские банки, принимавшие вклады и выдававшие ссуды (из 5% годовых). Ссуды выдавались по особому мирскому приговору, и на каждые пять рублей крестьянин должен был представить поручителя. Кроме ссуды под поручительство, допускалась ссуда под залог недвижимого имущества. В 1861 г. существовало 122 сельских банка, с капиталом в 800 тыс. рублей, из которых вкладов было на 175 тыс. рублей, роздано в ссуду было — 600 тысяч рублей.

Выдавались ссуды также вспомогательными кассами, каковые с 1839 г. разрешено было открывать при волостных правлениях. В 1858 г. в губерниях великороссийских, малороссийских и новороссийских—вспомогательных касс числилось 882. Выдавалось в ссуды из всех вспомогательных касс России, за исключением западных губерний, ежегодно около полутора миллиона рублей.

Характерно, что общественный кредит распространялся на государственных и удельных крестьян, пользовавшихся большею самостоятельностью и не знавших такого гнета, как помещичьи крестьяне. Последние общественного кредита были лишены. Однако, организация общественного кредита и для государственных и удельных крестьян носила характер государственной опеки и не давала простора самодеятельности.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на настоятельную необходимость и экономическую возможность взаимопомощи (прием вкладов и выдача ссуд), русское крестьянство пользовалось при кре-

постном праве лишь общественный, но не кооперативным кредитом.

При крепостном праве могли существовать, на первый взгляд, правда, кооперативы трудовой интеллигенции. Но трудовая, разночинная интеллигенция была еще слаба, численно незначительна; наконец, положение мелких чиновников в эпоху крепостного права было настолько жалким, что Акакии Акакиевичи могли лишь просить: «Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?», но никак не осмелиться создать какую-либо организацию взаимопомощи.

Да если бы Акакиям Акакиевичам и пришла подобная мысль, она осталась бы неосуществленной, а сами инициаторы—очутились в местах не столь отдаленных.

Лишь сытая обеспеченная помещичья интеллигенция могла несколько свободнее создавать различные организации. И еще при крепостном праве возникло (в 1765 г.) в Петербурге Вольно-Экономическое общество, в Дерпте — Лифляндское общеполезное экономическое общество, в Москве—Общество Сельского Хозяйства. Но и за этими организациями правительство наблюдало весьма старательно. Вообще эпоха крепостничества своим полицейским режимом глушила всякую свободную инициативу.

Таким образом, крепостное право, которое не в состоянии было помешать возникновению революционных заговоров (декабристов) и существованию тайных социалистических кружков (петрашевцев), это крепостное право не допускало открытой работы кооперации и при крепостном праве кооперация не могла возникнуть.

Положение вещей совершенно изменилось вскоре после того, как цепи крепостничества спали. В первое же десятилетие — в шестидесятых годах—возникает ряд кооперативов—различных видов в различных областях России. Так, в 1865 г. утвержден устав Рождественского кредитного (или «ссудного») товарищества, Костромской губ.; в том же 1865 году—Рижского потребительного общества; в 1867 г.—Туккумского сельско-хозяйственного общества, Лифляндской губ.; в 60-х же годах возникает ряд маслодельных кооперативов («артельных сыроварен») в губерниях Новгородской, Ярославской, Тверской.

Уже тогда сельская кооперация была преимущественно крестьянскою, так как наибольшее количество участников кооперативов составляли крестьяне. Но нередко в этих организациях участвовали в заметном числе и представители других общественных слоев: так, в сыроварни доставляли молоко и местные помещики, и духовенство. Руководство же сельскими кооперативами обычно выпадало на долю интеллигентов. В первом кредитном товариществе (существующем до сих пор) пропагандистом и организатором был помещик О. Ф. Лутковский,

а руководителем (так как С. Ф. Лутинин скончался до открытия Рождественского товарищества) его брат—В. Ф. Лутинин. В первом сельском потребительном обществе (в с. Ошта, Олонецкой губ.) видную роль играл лесничий Н. П. Блязов. Организация сыроваренных артелей в значительной мере дело инициативы помещика Н. В. Верещагина, ездившего в Америку «для ознакомления с американской системой сыроварения на месте» и утверждавшего, что «молочное хозяйство у нас более, чем вдвое доходнее, нежели в Англии».

Несмотря на участие помещиков, крестьяне обычно довольно охотно вступали в кооперативы. Общинно-артельные навыки помогали им быстро усвоить задачи кооперации. Но умение руководить сложным общественным хозяйством, тем более—вести отчетность, переписку, производить всякие записи—конечно, у русского крестьянства 60-х годов (да и ближайших десятилетий) быть не могло.

К счастью, поверхностный либерализм широких кругов интеллигенции в эпоху шестидесятых годов содействовал тому, что интеллигентные руководители охотно помогали крестьянам советами.

В городах интеллигенция также (но уже для себя) создавала потребительные общества,—даже не чувствуя в последних особой нужды. «Модное» увлечение кооперацией объяснялось не только правительственным «покровительством» и «общественными веяниями»,—но и влиянием литературы,—при том, прежде всего, литературы социалистической: влиянием идей Петрашевского, произведениями Н. Г. Чернышевского, Добролюбова. К началу 70-х годов на русском языке имеется ряд книг, посвященных специально кооперации (Шфейфера, Муро, Садовского, Шеллера-Михайлова, Баллина, Зибера, Верещагина, Яковлева, Колюпанова и др.).

Все эти книги рассчитаны на подготовленного интеллигентного читателя и они находили читателей. Членами городских обществ потребителей обычно и являлись более или менее обеспеченные интеллигенты, иногда важные чиновники.

Как свидетельствует Шеллер-Михайлов, «большей частью учредителями потребительных обществ были местные предводители дворянства, председатели земских управ, городские головы, мировые посредники и исправники; членами являлись в большинстве чиновники». Для большинства таких «кооператоров» ни экономически, ни идейно кооперация не была дорога. В сообщениях о деятельности подобных организаций мы встречаем откровенные признания насчет того,—«что касается собственно до служения общества недостаточному и рабочему населению, то эта мысль не приведена еще в исполнение до сих пор».

Вообще городская чиновничья кооперация, с ея легкой либеральной поверхностной оболочкой, не имела ничего общего по существу с

русским социализмом,—хотя иное общество и бывало, вероятно, создано после прочтения каким-либо генералом романа Чернышевского.

Революционный социализм шел своею дорогою. Насчет открытого существования ему были «пути заказаны и руки связаны»; организация кооперативов была невозможна для активных борцов; однако, кооперативные идеалы тесно переплелись с революционным социализмом и — особенно в первой половине семидесятых годов—эти идеалы были неотделимы от русского социализма.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Революционный социализм с конца 60-х и по начала 90-х годов.

Конец шестидесятых и особенно семидесятые годы ознаменовались нарастанием революционной волны. Разочаровавшаяся в Александре II — царе-«освободителе» — революционная часть интеллигенции ищет новых способов возрождения России. Массовое народное движение—это первая мысль, руководящая идея интеллигентов, отправляющихся «в народ» с целью пропаганды.

Широкие круги русской молодежи не довольствуются самообразованием и чтением «толстых» журналов, они рвутся к «делу». По мнению такого авторитетного свидетеля, как П. Л. Лавров, к семидесятым годам надо отнести усвоение передовою русскою интеллигенцией определенного убеждения, что ее идеалы могут быть осуществлены «лишь путем торжества социалистических принципов, путем победы организующейся армии труда над армией обладателей и охранителей капитала. Гуманная проповедь идеалистов-борцов за эмансипацию крестьянина и женщины, индивидуалистическое изучение природы, проповедь материалистов-нигилистов базаровского пошиба, находившихся преимущественно под влиянием Писарева, развилось лишь в эту эпоху в реалистическую проповедь движения в народ».

Сотнями кинувшиеся «в народ» молодые люди и девушки от Писарева брали его радикализм, от Герцена, Чернышевского и Добролюбова—миросозерцание, которое мы определили, как русский социализм. Община, артель и кооперация чрезвычайно интересовали молодых социалистов. Лукашевич, рассказывая о начале 70-х г.г., отмечает, что уже в ту пору кружок херсонцев «ставил очень высоко идеи Чернышевского, Добролюбова, Михайловского».

Но революционное движение конца 60-х и 70-х г.г., руководящими идеями своими считая общинно-артельные начала русской жизни,

тем не менее совсем не склонно было отмежевываться от Западно-европейского социализма.

Знаменитый же вождь международного анархизма—Бакунин, именем коего именовалось целое русское революционное течение (преимущественно в отличие от пропагандистского—или лавристского), Бакунин был и деятельнейшим участником Международного Общества Рабочих—Интернационала.

В Женеве вышел 1 сентября 1868 г. № 1-й журнала «Народное Дело», в программе которого были определенно выявлены кооперативно-социалистические симпатии бакунистов.

«Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками—земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы—работникам-рабочим ассоциациям», читаем мы. «Вся будущая политическая организация», утверждало «Народное Дело», «должна быть не чем иным, как свободною федерацией вольных рабочих как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)».

Заслуживает быть отмеченным, что когда (со 2-го №) Бакунин отказался принимать участие в «Народном Деле», и ведение журнала перешло в руки Утина, кружок русских поклонников Маркса—с Утиным во главе, просил Карла Маркса принять представительство от русской секции Интернационала в Генеральном Совете Международного Общества Рабочих.

Основные положения воззрений русских социалистов были сообщены Марксу в таком виде:

1) Экономический гнет русского народа, поддерживаемый всем общественным и политическим устройством, совершенно одинаков с гнетом, который душит весь европейский и американский пролетариат;

2) народ русский в о в с е в р е м е н а (подч. мною—Б. Ф р.) стремился к осуществлению великих начал, провозглашенных Международными С'ездами Рабочих, к общинному владению землей и орудиями труда;

3) принцип общности труда, как принцип, противодействующий эксплоатации капитала, находит себе уже издавна выражение в образовании рабочих союзов, известных под именем артелей.

Несмотря на то, что своеобразное миросозерцание русского социализма было выражено в довольно вульгарной форме (вроде утверждения, якобы в о в с е в р е м е н а русский народ стремился к социализму), Маркс сообщил о своем согласии быть представителем русских социалистов.

«В своем заседании 22-го марта»,—писал он,—«Генеральный Совет об'явил единодушным голосованием, что ваша программа и статуты согласны с общими статутами Международного Общества Ра-

бочих. Он постановил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете,—быть вашим представителем при Генеральном Совете».

Таким образом, русские социалисты установили тесную связь с западно-европейским социализмом, а последний признал, что своеобразное миросозерцание русского социализма не мешает дружной и совместной работе социалистов Запада и России.

Бунтарское течение русского социализма (с Ткачевым во главе) больше всего боялось фарложения общины. Журнал «Набат» теорию и считал необходимым «ударить в набат», что «разрушается старые формы нашей общинной жизни, уничтожается самый принцип общины, принцип, доживающий ещь краеугольным камнем того будущего общественного строя, о котором мы все мечтаем». Итак, надо—осуществить революцию, не допуская никаких проволочек и промедлений. А после удачно совершенной политической революции, упрочив свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революционное большинство, по мнению «Набата», должно было осуществить социальную революцию путем программы, которую мы смело можем назвать кооперативно-социалистическою, и основные пункты которой состояли в следующем:

1) В постепенном преобразовании современной крестьянской общины, основанной на принципе временного, ч а с т н о г о владения—в общину-коммуну, основывающуюся на принципе о б щ е г о совместного пользования орудиями производства и общего совместного труда;

2) в постепенной экспроприации орудий производства, находящихся в частном владении, и в передаче их в общее пользование;

3) в постепенном введении таких общественных учреждений, которые устранили бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмене продуктов.

Так мыслили бунтари. Сначала революция, а затем кооперативно-социалистическое строительство. Такова была точка зрения бунтарей-семидесятников,—впоследствии воспринятая революционным социализмом вообще. Но в первой половине семидесятых годов большинство социалистов еще придавало значение кооперативному строительству не только после свержения царизма, — но и в ближайшее время (как мыслил, напр., Чернышевский). В этом отношении особенно интересны взгляды лавристов.

Пропагандистское течение, выдвигавшее на первый план необходимость развития народного самосознания, обращало внимание своих приверженцев на кооперативные организации, как на такие ячейки, в которых особенно удобно развивать свои взгляды.

По мнению журнала «Вперед», «первым условием подготовления

социальной революции в России должна быть организация революционного меньшинства, понимающего задачи рабочего социализма, в среде общинных и артельных центров русского народа. Убежденные социалисты интеллигентного класса должны найти себе товарищей среди рабочего народа, действующего в общине и артели (во многих случаях это уже сделано) и сами должны стать членами общин и артелей, чтобы агитация, увеличивающая число сочувствующих практическим требованиям социальной революции шла не извне привычных центров народной солидарной жизни, а изнутри их, и чтобы в ту минуту, когда исторические события позволят сказать: — теперь время!—чтобы в эту минуту народ, подготовленный страданиями, накипевшей злобой, услышал призыв к революции не от чужих людей, которые должно остаются свои общинные и артельные центры, а от людей, которых голос он привык слышать на мирском сходе, за артельным столом; от людей, которые ему свои по старой жизненной солидарности. Русские революционеры приобретут солидарность и для своего союза лишь тогда, когда они войдут в общинные и артельные центры народа».

На артельных началах революционно настроенное студенчество создавало свои кассы, столовые, земячества. На первый взгляд выливавшиеся в вполне легальные рамки и по форме связанное скорее с кооперативным движением русской действительности, нежели с кооперативно-социалистическими стремлениями революционеров,—несовершенное кооперативное движение среди учащихся, однако, было выявлением определенного революционного настроения студенчества. Недаром автором прокламации, требовавшей, чтобы студенты пользовались правом «иметь кассу», является будущий глава русских «якобинцев», редактор «Набата», П. Н. Ткачев. Вполне понятен поэтому интерес к «кассам» Бакунина, Нечаева и других видных социалистов и революционеров.

Пропаганда среди рабочих порождала мысль о создании мастерских, «где, с одной стороны, идейная пропаганда (как культурная, так впоследствии и революционная) становилась главным делом, а индустриальная цель лишь фикцией и маской; с другой же, в небольших размерах получали возможность осуществляться опыты модельных социалистических мастерских» (Лавров),—понятно, на кооперативных началах.

Кружок чайковцев очень интересовался вопросами кооперативной теории и практики. По словам Л. Э. Шишко, «в первое время своего существования кружок рассчитывал на возможность земской легальной деятельности и очень увлекался проектами артельных товариществ, тщательно изучал брошюры Яковлева, Верещагина и друг. по этому

предмету,—пока не убедился в невозможности серьезного развития этого дела в России».

Но когда революционеры—бунтари или пропагандисты—приходили в соприкосновение с народною массою, то нередко им непосредственно приходилось иметь дело с рабочими из артелей. Таким образом, до перехода к террору, до возникновения Народной Воли—русское революционное движение носило определенно кооперативно-социалистическую окраску.

Выходившая в Женеве первая рабочая газета (в 1875—6 г.г.) под названием «Работник» об'ясняла, что задача крестьянства состоит в отобрании «от помещиков земли в общину»; городские же рабочие должны «все мастерские, фабрики и заводы в рабочие артели *) отобрать».

Кооперативно-социалистические идеалы были чрезвычайно характерны для русского революционного движения семидесятых годов. Как писал П. Б. Аксельрод в 1878 г., «исходным пунктом революционного движения в России в 1873—4 г.г. было стремление осуществить свободную федерацию общин, пользующихся на коллективных основаниях землею и всеми орудиями труда».

В революционной среде было чрезвычайно сильно анархистское настроение,—при чем лавристы не представляли исключения в данном отношении. Русское самодержавное государство должно быть уничтожено, и на его месте возникает свободный союз общин, с помощью применения артельного или кооперативного начала, осуществляющий творчество Нового Мира.

Обратимся к популярной литературе, отражающей подобное настроение.

В «Сказке-Говорухе» Степняка-Кравчинского «будущее царство» изображается, как трудовое артельное братство.

Как сделать, чтобы страна стала работницкою? «Для этого только одно средство: владеть всем сообща. Не делить землю, а владеть ею миром. Не делить капиталов и фабрик, а владеть ими миром, большими артелями, которые на них работают».

Кооперативно-социалистический строй — первый этап «будущего царства»; следующий этап—коммунизм. Но прежде чем перейти к коммунизму, необходимо пройти артельную (или кооперативную, выражаясь современным языком) школу. Больше всего Степняк боялся дележа.

«Тот, кто проповедует дележ,—читаем мы,—глупец, который не понимает, что говорит. Он—злейший враг народа».

---

*) Ред. изд.—Б. Ф р.

«Итак, при работницком порядке не будет дележа. Всем: и землей, и фабриками, и заводами будут владеть миром, артелью. То, что сработают, будет делиться поровну между всеми, чтобы не было ни бедных, ни богатых».

Правда, «так будет только в начале. Скоро придет время, когда люди будут владеть всем, как братья владеют своим добром: каждый будет делать, сколько может, а брать сколько ему нужно». Но полный коммунизм возможен лишь после того кооперативно-социалистического воспитания трудовых масс, какое им дадут владение землей и фабриками на общинно-артельных началах.

Социалистическое творчество с помощью кооперации—эта основная мысль Чернышевского и петрашевцев—после революции не вызывало совершенно разногласий. Но заниматься ли кооперативною работою при самодержавии? Мы знаем, что сначала как «впередовцы» или «лавристы», так и «чайковцы» придерживались на этот счет взглядов Веры Павловны, героини романа «Что делать».

Однако, жестокие уроки самодержавия, массовые аресты, ссылки, невозможность какой бы то ни было мирной и легальной деятельности постепенно заставили социалистов-семидесятников отрешиться от подобной точки зрения.

Кружок «долгушинцев» (по имени А. В. Долгушина) еще в 1873 г. в листке «К интеллигентным людям» предлагал не увлекаться обыденною работою, а отдать свои силы подготовке революции. Неужели можно итти в народ, чтобы работать в земстве, которое бесправно? «Или хотите заняться вы устройством артели? Но ведь это значит вливать новое вино в старые мехи, потому что артель предполагает принцип солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, где абсолютно господствует грубый личный произвол. Подготовьте сначала почву, если хотите, чтобы принялось новое растение». Только на социалистической почве взрастет кооперация. В условиях же не только царской России, но и в обстановке конституционного Запада кооперация погибает,—утверждали долгушинцы. «Вспомните Рочдельскую артель: вот хороший пример того, как вырождается новый принцип, когда он окружен старыми несоответственными условиями».

И чем больше было веры в скорую социальную революцию, чем нетерпимее относились революционеры к русской действительности,—тем меньше было охоты заниматься швейными или иными мастерскими на кооперативных началах.

Вполне естественно, что меньше всего уделяли внимания существующей кооперации и даже общине—Бакунин и Нечаев.

Вот Стенька Разин для Бакунина—ecce homo! Что такое современная община,—негодовал Бакунин. «Земля наша, а мы господаревы».

«С этим понятием, друзья мои,—писал он Герцену и Огареву,—русский народ уйдет недалеко». Бакунин поэтому и возлагал надежды на взрывы России—«бунтовской, Стеньки Разиновской и Пугачевской».

Нечаев же составил «Общие правила организации», в которых обещал, что «мы соединимся с диким разбойным миром, этим истинным и единственным революционером в России.

Сплотить этот мир в одну непобедимую всесокрушающую силу—вот вся наша организация, конспирация, задача».

Сочувствие революционеров к разбойным тенденциям в среде русского народа было настолько велико, что при попытке создания первой «Всероссийской Социально-Революционной организации» (после разгрома пропагандистов в 1874 г.) — «москвичи» назвали в уставе отделы предполагаемой организации «шайками».

Поскольку стремление социалистов вести пропаганду в массах встречало непреодолимые препятствия, постольку приобретала все большее значение чисто политическая борьба, борьба с царизмом.

Кооперативно-социалистические идеалы отходили на второй план и уже при создании «Всероссийской Социально-Революционной Организации» решено было не вырабатывать «детали формы будущего строя», предоставив это тем, «кому посчастливится присутствовать при ликвидации старого порядка, на развалинах которого придется осуществлять новые политические и экономические формы, сообразно условиям времени и свободного желания народа». (И. С. Джабадари).

Народовольцы еще меньше склонны были заниматься любовным вычерчиванием зданий будущего общества (подобно Фурье). Их интересовал не фаланстер, но террор. Поэтому Желябов, когда он прибыл на Липецкий с'езд землевольцев (перед расколом «Земли и Воли» на «Черный Передел» и «Народную Волю»), произвел странное впечатление на истых сынов русского социализма. Про Желябова они говорили:

— Да ведь он чистый конституционалист!

Но не легко дался подобный к о н с т и т у ц и' о н а л и з м народовольцам!

Как рассказывал Кибальчич на суде по делу о цареубийстве, в 1874 — 1875 г.г. он пошел в народ с целью «развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуют в народе, до социалистических инстинктов и привычек. Я был остановлен арестом. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, так сказать, патриархально, что ли, к деятельности партии, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы все не обвинялись бы в цареубийстве, а были бы среди городского и сельского населения. Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улуч-

нение способа обработки земли, на улучшение сельско-хозяйственных орудий и т. д.».

Однако, обстоятельства складывались так, что к концу семидесятых годов не только широкой пропагандистской работы не могли вести социалисты, — но и работа подпольных революционных кружков была ничтожная. Влияния в рабочих кругах народовольцы почти не имели; в войсках работа была крайне незначительная, при том велась почти исключительно среди офицерства; даже в среде учащейся молодежи связи народовольцев были не велики, а с другими элементами общества — «еще меньше»,—говорит Богучарский. Неудивительно поэтому, если почти вся деятельность народовольцев сводилась к террору. И нет также ничего удивительного, если террористы мало интересовались не только кооперацией, но и другими вопросами строительства и преобразований, вообще всем, что не имело прямого отношения к террористической деятельности. Террор, который сначала был с р е д с т в о м, попыткой — вызвать народное движение против самодержавия, стал самодовлеющею целью.

Смерть Александра II не вызвала революционного под'ема. Реакция усилилась, и партия Народной Воли сошла с исторической сцены.

Не приобрела значения и другая партия конца семидесятых годов, разошедшаяся с Народной Волей, — «Черный Передел» *).

«Чернопередельцев» Маркс (более симпатизировавший народовольцам) упрекал в том, что «эти господа стоят против всякой революционно-политической деятельности.) Россия должна, по их мнению, перепрыгнуть одним скачком прямо в анархическо-коммунистическо-атеистическое тысячелетнее царство».

Однако, прошлой судьбы именно «чернопередельцы», пересмотрев свои взгляды, стали первыми русскими марксистами. Вождем «Группы Освобождения Труда» сделался Г. В. Плеханов, который в двух своих книжках «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» обосновал точку зрения русских марксистов.

Прежде всего, как марксист, он выступил против характерного для русских социалистов восприятия общинно-артельных бытовых форм русской жизни как прекрасной коммунистической школы. Плеханов доказывал, что община разлагается, что кустарные промыслы падают, что развивается капитализм, и растет рабочий класс, который только и может взять на себя инициативу коммунистического движения. Но «широкое рабочее движение предполагает хоть временное торжество в данной стране, хоть отчасти только свободных учреждений». Поэтому, вполне естественна была для нарождающегося русского марк-

*) Эти две партии, как известно, образовались вследствие возникших разногласий между членами партии «Земли и Воли».

сизма мысль о том, что «связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития с о в п а д у т в истории нашего отечества — значит, отдалять наступление и того и другого».

Иронически относясь к «нашим самобытникам», Плеханов утверждал, что Россия пойдет по тому же пути исторического развития, по какому уже пошли другие народы. Не крестьянство, но пролетариат — класс, воспринимающий социалистические идеи, который принесет освобождение человечеству.

Русские социал-демократы, выступившие против представителей русского социализма, старательно отмежевывались от всего, характерного для р у с с к о г о социализма. Казалось бы, что уже первые выступления родоначальников русской социал-демократии — в лице хотя бы группы Освобождения Труда, — должны были бы ознаменоваться полным отречением от кооперативно-артельных симпатий русского социализма. Однако, мы этого не наблюдаем. Наоборот, в период зачаточного состояния русской социал-демократии, как марксисты-эмигранты, так и первая петербургская социал-демократическая («Благоевская» — по имени ее основателя, болгарина Благоева) группа — были сторонниками кооперации. Кооперация, правда, «принималась» ими не под влиянием примеров русских артелей и существовавших кооперативов, — но вследствие преклонения перед авторитетом Лассаля. По словам Благоева, он и его товарищи политическую свободу «считали первым необходимым условием для того, чтобы можно было бороться за социалистический переворот. А этот последний мы представили себе по Лассалю, т.-е. через рабочие ассоциации, субсидируемые государством».

Однако, идеи Лассаля чрезвычайно своеобразно преломлялись в головах первых русских марксистов и приобретали окраску, совершенно не свойственную германским лассальянцам, но зато «плоть от плоти и кость от кости» русского социализма периода розовой юности.

В программе Петербургской группы имелись требования:

централизации кредита в руках государства и употребления кредита на организацию народного труда и народного производства на коллективных началах;

и организации обществ для эксплоатации на коллективных началах общественных земель, горных богатств и орудий производства.

Социалистический строй мыслился петербургской группой, как союз производительных товариществ, — или, выражаясь языком «благоевцев», как «передача земли, фабрик, заводов, орудий производства в руки рабочих обществ».

Группа же «Освобождения Труда» выдвигала государственное со-

действие кооперации, как одно из «ближайших экономических требований» рабочей партии по завоевании политической свободы, после того, как свершится «низвержение абсолютизма», которое является «первой политической задачей». Среди требований, которые должны были произвести, по мнению авторов проекта программы русских социал-демократов благоприятное впечатление на рабочих и на крестьян, имелось и требование государственной помощи «производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.)».

Так писали русские марксисты в 1885 году, когда западно-европейский социализм еще не вынес оффициального осуждения производительным товариществам, пропагандируемым последователями Лассаля. Когда же сказалось отрицательное отношение к производительной кооперации германских социал-демократов (закрепленное резолюцией Берлинского конгресса 1892 года), русский марксизм приведенный выше пункт проекта программы группы Освобождения Труда признал ошибочным. Характерно мнение Плеханова, высказанное им в 1902 году, что «группа Освобождения Труда внесла в свою программу требование государственной помощи производительным товариществам не потому, что она была увлечена в этом случае примером немецких товариществ, а просто потому, что ей невозможно было не считаться с народническими симпатиями». Но к ссылкам Плеханова на «дипломатичность» принятия указанного пункта программы, Н. Рязанов относится с некоторым сомнением, и пишет: «Дипломатичность по своим практическим последствиям гораздо вреднее ошибок bona fide. Но мы думаем, что тов. Плеханов совершенно напрасно взводит поклеп на группу Освобождения Труда». По мнению Рязанова, интересующий нас пункт программы, как и все остальные, являлся «верным отражением взглядов всей группы в то время».

Пишущий эти строки, в свою очередь, полагает, что идейное влияние западно-европейского социализма, несомненно, имело место и в пропаганде государственной помощи товариществам и в отказе от нее.

Однако, впоследствии забвение кооперации марксистами явилось результатом не столько простого подражания германской социал-демократии начала девяностых годов — сколько результатом политических условий России.

В той атмосфере, в какой приходилось тогда жить русским гражданам, отрицательное отношение к существующей кооперации представителей революционного социализма — было обычным явлением. С. Н. Кривенко потратил много труда на критику кооперативов, по поводу которых он говорил:

— Лопух не дает виноградных гроздов...

«Кооперация на русской почве, наш*) народный кредит»,—вот ядовитые названия статей С. Н. Кривенко о кооперации, написанных еще в 1874 г.

Между тем С. Н. Кривенко больше других социалистов-современников интересовался кооперацией. Он рассказывал об успехах западноевропейских кооперативов и иногда говорил, что дело русских потребительных обществ еще не пропало для будущего,—«стоит только изменить направление и перейти к более осмысленной деятельности». Но в то же время неизбежно Кривенко возвращался к вопросу о неблагодарной в политическом отношении русской почве; указывал русским поклонникам Шульце-Делича, что нельзя идти по проторенной дорожке...

И единственно приемлемая дорога для русских социалистов-кооператоров была дорога революционного социализма, путь революционной борьбы с царизмом, за лучшее будущее...

— Сначала революция, а после кооперация!

Вот лозунг русского социализма, начиная со второй половины семидесятых годов.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Кооперативная действительность эпохи реакции.

Тогда как социалисты стремились к высшим идеальным формам кооперации, русская «действительность» (столь мучившая Белинского в 30-х и 40-х годах) создавала несовершенные переходные кооперативы—со многими недостатками,—однако, вызванными к жизни об'ективными условиями.

Падение крепостного права и право крестьянина распоряжаться собою и своим имуществом вызвало рост кулачества в деревне. Приехали в деревню и посторонние люди, всякие Колупаевы и Разуваевы, об'явили, что «человек—полтина», началась «Петькина карьера» с восьми копеек в день (а после труд ребенка оплачивался и ниже). Крупное кулачество окончательно разорвало цепь крепостного права и, подлинно, одним концом ее било крестьянина, а другим—помещика, у которого приезжий кулак скупил и поля, и леса, и усадьбу. Наряду с крупным кулачеством, налетевшим как саранча на деревню, появились и свои местные кулаки, — при крепостном праве скрывавшие свои достатки.

---

*) Подч. мною—В. Ф.

Крестьянин же, свободный от цепей крепостничества, скоро запутался в цепях голода и лишений. Земли оказалось мало; доходы ничтожные; налоги же и выкупные платежи—значительные. Положение всего вольного крестьянства оказалось незавидным, а среднего и тем более бедного крестьянства—в особенности. Между тем натуральное хозяйство заметно вытеснялось денежным и деревня нуждалась в деньгах. Оплата же труда была чрезвычайно низкая, да и не всегда имелся соответствующий «благодетель», у которого Петька мог начать свою карьеру. Поэтому, особенно широкий простор в деревне открылся ростовщичеству.

Когда в восьмидесятых годах В. В. собрал обширный и разнородный материал о кредите крестьян у частных лиц, он пришел к выводу, что процент по ссуде поднимается до 150, а «зная нужду, для которой крестьянин обыкновенно ищет денег—уплата податей, покупка хлеба, наем земли, мы легко поверим заявлению крестьян, что бывают моменты, когда они готовы заплатить за ссуду все, что только ни спросит заимодавец». Не находя денег, крестьяне прибегают к продаже хлеба или нанимаются зимою на летние полевые работы. Оба эти договора являются теми же кредитными сделками. В этих случаях размер процента невозможно учесть—иногда он доходит до тысячи процентов. Из-за плохого положения землепашца и кустари, занимающиеся одновременно с промыслом—земледелием, попадают в лапы скупщиков,—превращаясь из самостоятельного хозяина в наемного работника. Последствия частного кредита таковы, что в значительной мере, благодаря последнему, Н. Ф. Даниельсон (Н.—он) имел основание утверждать, что крестьянин восьмидесятых годов работает на других четыре дня в неделю, т. е. более, нежели при крепостном праве.

Естественно, что при таких условиях вопрос о кооперативном кредите становился очередным. Им не склонны были практически заниматься социалисты, стремившиеся разрубить гордиев узел, — но зато русский либерализм прежде всего обратил внимание на организацию кооперативного кредита.

Живо обсуждался вопрос о значении кооперативного кредита в легальной прессе, начиная от толстых журналов («Отечественные Записки», «Вестник Европы», «Наблюдатель», «Северный Вестник») и кончая газетами («Новое Время», «С.-Петербургские Ведомости», «Голос» и ряд других столичных и провинциальных органов печати). Вольно-Экономическое Общество неоднократно занималось обсуждением данного вопроса. Наконец, возник особый «Петербургский кружок», во главе с кн. А. И. Васильчиковым, выступавший в 1870 г. с различными докладами и вскоре создавший особый центр содействия кооперации, сыгравший огромную роль в развитии русской кооперации.

Кн. Васильчиков поэтому лицо историческое и при том весьма ярко выявляющее «кооперативный либерализм» эпохи реакции.

Васильчиков был «добрым барином», однако, большим барином. В. П. Маховец, в биографическом очерке А. И., хотя и в чрезвычайно осторожной форме, но довольно удачно подчеркнул теневые стороны кооперативной деятельности этого барина-аристократа.

«Род Васильчиковых, — писал в 1912 г. В. П. Маховец, — принадлежит к числу древнейших. Один из предков его, по имени Индрис, пришел в 1353 г. со своими сыновьями из Цесарии с громадною по тому времени дружиною в 3 тысячи человек; с тех пор его потомки служили у великих князей Московских, а одна из Васильчиковых, Анна Григорьевна, была в супружестве с царем Иоанном Васильевичем. Эти родовые традиции, конечно, должны были наложить свои черты на характер, — пишет Маховец,— и личность Александра Илларионовича, которому, однако, суждено было действовать в среде совершенно иной, чем та, из которой он происходил, в среде, где эти черты были чуждыми, неправильно понимались и вызывали к нему не всегда сочувственное отношение».

Но князь Васильчиков был все же «добрым барином». Как «добрый барин», он был сторонником освобождения крестьян; уйдя не только из предводителей дворянства, но и из земства, открыто заявив, что положение о земстве истолковывается бюрократией «вопреки его смыслу и духу». Напрасно аристократу Васильчикову сам Николай I давал дружеский совет «перемениться». При Александре II Васильчиков, как видим, опять-таки недоволен, даже земством; Васильчиков — «добрый барин» — и он опубликовывает заграницей свои брошюры, нападающие на политику царских министров. Тем не менее, Васильчиков не мог отказаться от барских замашек. Будучи либералом, революционером он не стал. Кооперативно-социалистические идеалы были ему чужды. Тогда как «Отечественные Записки» видели в общине и артели «первообразы еще нарождающихся ассоциаций», князь Васильчиков сочувственно относился к созданию кооперативных товариществ, экономически сильных элементов крестьянства.

С этою целью Васильчиковым в 1871 г. и было создано Петроградское Отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах (при Моск. Общ. Сел.-Хоз.), сыгравшее, начиная с 70-х годов и по 1917 год включительно, огромную роль в развитии кооперации: сначала общероссийской — кредитной и потребительской, а с 1914 г. — потребительской кооперации северо-западной (Озерной) области, с губерниями Петроградской, Новгородской, Олонецкой и Псковской.

Охотно содействуя развитию кооперации, либералы видели в последней средство борьбы с социализмом. Рабочий класс, способный особенно легко воспринимать социалистические идеи, чрезвычайно беспокоил Васильчикова, и последний, констатируя «явление очень знаменательное и крайне прискорбное — зарождение пролетариата в России, надеялся, что кооперация окажется одним из средств борьбы для излечения «этой язвы».

Точно также и автор книги «Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков», Колюпанов, ожесточенно нападал на Луи Блана и Лассаля, называя их теорию «колоссальной ерундой».

Однако, несмотря на враждебное отношение к социализму, у кооператоров-либералов эпохи реакции обычно было одинаковое отношение с русскими социалистами к общинно-артельным началам.

Даже столь враждебно относящийся к Лассалю Колюпанов, не будучи поклонником общины, все же полагал, что кооперативы для русского народа «такие простые предприятия, в успехе которых нельзя сомневаться». Народу знакома артельная форма хозяйства. «У сельского сословия есть, так сказать, призвание, инстинкт».—

Васильчиков же предлагал «признать непреложность бытовых начал, под коими жила древняя Русь и живет новая Россия. Эти начала—равное наследование, семейные разделы и мирское владение». «Сохранятся ли или изменятся эти начала при дальнейшем их развитии, распадется ли мирское наше общество, перейдет ли оно в другую форму вольной ассоциации, товарищества или рабочей артели — это вопросы праздные, которые могут служить предметом остроумных гаданий, но не серьезного обсуждения, и мы можем их предоставить решению грядущих поколений». А для настоящего нужно признать «непреложность бытовых начал», каковые, по мнению Васильчикова, не имеют ничего общего с коммунизмом.

«Общее пользование, общинный труд, вольная ассоциация, дележ продуктов и заработков между членами общества, — говорит Васильчиков, — таковы главные основания новейших коммунистических вымыслов. Нашему крестьянскому быту эти принципы не только чужды, но и противны по существу. Наш русский мир имеет в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли».

Утверждая, будто общинные навыки противоположны и враждебны «коммунистическим вымыслам», Васильчиков был другого за то мнения относительно отношения общинников к кооперации.

Васильчиков доказывал, что община и кредитное товарищество не противоречат друг другу. Обеднение крестьян, — говорил Васильчи-

ков критикам общинного землевладения, — нужно приписывать не общине, но тому, что крестьянство не имело правильно организованного кредита.

«Отказывать народным массам в кредите, — заявлял Васильчиков, — это мнение, кажется мне, такою же экономической ошибкою, скажу более, таким же общественным преступлением, как и отказывать народу в правосудии».

Насколько кооперативный либерализм считался с общиною, можно судить по тому, что де-Роберти, один из участников Петербургского кружка, на докладе, прочитанном совместно и по соглашению с Васильчиковым, Яковлевым и Лушкиным, защищал краткосрочный кредит вместо долгосрочного, на том основании, что существующее в России общинное землевладение не может быть согласовано с какой бы то ни было формой долгосрочного кредита.

Таким образом, характерными чертами кооперативного либерализма были следующие:

во-первых, борьба с кулачеством;

во-вторых, желание улучшить положение среднего и зажиточного крестьянства посредством создания кооперативов;

в-третьих, признание положительного значения за общиною и особенно общинно-артельными навыками русского крестьянства;

в четвертых, ненависть к социализму.

Таким образом, кооперативный либерализм, имея некоторые общие черты с русским социализмом, был, однако, враждебен последнему. Вполне понятно поэтому, если рецензент «Отечественных Записок» С. Н. Кривенко, давая отзыв о книге Васильчикова «Землевладение и земледелие», воспользовался словами Иисуса, сына Сирахова: «Горе сердцам страшливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему на две стези». Две стези — характерная черта поведения не только Васильчикова, но всего течения, определяемого нами именем кооперативного либерализма.

Однако, каково бы ни было отношение кооператоров-либералов к социализму, нужно признать, что кооперативный либерализм был чисто идейным течением, пытавшимся улучшить положение трудящихся и не стремившимся извлечь из самой кооперации непосредственных выгод.

Совершенно иная струя врывалась в кооперативное движение со стороны различных дельцов, умудрившихся использовать кооперацию во имя личных интересов. Это «кооперативное» *) делячество особенно ярко проявилось в области потребительской кооперации семидесятых и восьмидесятых годов.

---

*) «Кооперативное» понятно, в кавычках

Начало семидесятых годов ознаменовалось гибелью большинства обществ, созданных под влиянием моды либералами-шестидесятниками в городах для чиновничьей интеллигенции.

Зато начинают возникать фабрично-заводские и железнодорожные общества, покупателями в которых являются рабочие. Но основываются эти кооперативы не рабочими, а администрацией, в руках которой находится управление и которая нередко снимает все сливки «прибыли». Прибыль обычно распределяется не по забору, а, главным образом, по паям. Иногда на пай приходится до пятидесяти процентов, при чем количество паев бывало неограниченным. Так, в 1880 г. общество Путиловского завода, при 1350 заборщиках, имело всего 150 пайщиков; пай равнялся 50 руб. и иные имели по десять и свыше паев; на каждый пай из прибыли было выдано по 25 руб., т. е. 50 %.

В семидесятых и восьмидесятых годах в кооперативном движении чрезвычайно часто переплетаются к о о п е р а т и в н ы й л и б е р а л и з м и к о о п е р а т и в н о е д е л е ч е с т в о. За давностью лет, знакомясь с фактами содействия земств кооперативному движению в ту пору, иногда невозможно определить истинные мотивы побуждений земцев. Между тем, содействие земств в 70-е и 80-е годы имело большое значение. В Псковской, Смоленской, Московской, Таврической губерниях устраивались с'езды; с 1870 по 1887 г.г. земствами были выданы ссуды 422 товариществам. Поэтому С. Н. Прокопович правильно отмечает, что для интересующей нас эпохи «земство являлось крайне важным фактором в деле насаждения ссудо-сберегательных товариществ».

И каковы бы ни были побуждения земцев, все же земство пыталось принести пользу крестьянству, придти ему на помощь.

Но русская деревня для кооперативного строительства не была подготовлена, и земское содействие кооперации обычно оканчивалось неудачами.

В ряде губерний (Херсонской, Тверской, Екатеринославской и др.) крестьяне охотно брали из земств ссуды на организацию «товариществ». Но получив деньги, они тотчас же разбирали по рукам и в дальнейшем никакой деятельности «товарищества» не проявляли.

Подобные случаи наиболее ярко доказывают невозможность для той поры подлинного к о о п е р а т и в н о г о д е л а в России.

Вместо демократической трудовой кооперации существовали либо общества для рабочих или крестьян, выгодные для Колупаевых; либо товарищества, опекаемые либералами, и приносившие нередко пользу лишь самым ловким крестьянам, чуть ли не кулакам. Вследствие этого со стороны лучших представителей русской общественности, критическое отношение к существовавшей кооперации в семидесятых и восьмидесятых годах было чрезвычайно велико. Глеб Успенский, повидимому,

находясь под этим настроением, приравнивал заемщиков в ссудо-сберегательных товариществах к мучениками: так сложны формальности и так тяжки условия займа в товариществах. Вместе с тем Глеб Успенский отрицательно относился к паевому началу, вследствие которого приходится занимать собственные деньги и платить по ним еще проценты.

В последнем случае Глеб Успенский нападал на то начало, которое было особенно дорого Васильчикову и его единомышленникам. Последние сознательно боролись с притоком бедняков в кооперативы и отстаивали ту мысль, что ссудо-сберегательные товарищества должны состоять из обеспеченных крестьян.

Судьба кооперации в России 70-х и 80-х годов была таким образом чрезвычайно неблагодарной. С одной стороны, ее приверженцами были люди, создавшие не столько кооперативные, сколько п р о м ы ш л е н н ы е товарищества; с другой, она казалась лишь делом лучшего будущего, а не настоящего.

Н. П. Баллин, умерший в 1904 г., кооперативный мечтатель и фантазер 60-х и последующих годов, издавший «Первую памятную книжку русских потребительных обществ», дал любопытную характеристику русской кооперативной идеологии 70-х и 80-х годов. Он утверждал что «у нас в России до сих пор не было людей, подобных предвестникам кооперации в Западной Европе: Р. Оуэну, Фурье, Бюше, Леклеру, Годэну, Морису, Нилу, Холиоку, Шульце-Деличу, Райффейзену и Вигано».

«Что касается до комитета ссудо-сберегательных и промышленных товариществ с князем Васильчиковым во главе,—писал Баллин,—то он никогда не был на высоте своего положения и дело кооперации понимал весьма смутно. Он был приличен и только. Н. Г. Чернышевский об'единял как недосягаемая звезда, только немногих избранных теоретиков. Но сам он только во сне жизнерадостной Веры Павловны видел «аллюминиевые» дворцы кооперации. Да и Вера Павловна была только добрая девушка, вышедшая замуж за хорошего студента, но не решает вопроса «что делать?». Знаменитая швейня романа «Что делать», которая вызвала в России по крайней мере столько же подражаний, сколько вызвала подражаний Рочдэльским пионерам история их, написанная Холиоком, тем не менее не что иное, как наглядно, но отрывочно данный совет».

Однако, Баллин, дав верную характеристику отсутствия активного выявления кооперативно-социалистической идеологии в России 70-х и 80-х г.г., сам мыслил чрезвычайно обще и сумбурно. Осуществление кооперации для него было внутренней человеческою потребностью, задачею всего человечества, всего космоса. «Кооперация развивается везде и во всем»,—писал он. Под кооперацией он понимал не

только наши товарищества и общества. Всякий союз, общество взаимопомощи, культурное начинание Баллиным (подобно кооператорам первой половины XIX века) рассматривались, как кооперация.

«Кооперация есть осуществление любви», — говорил он. «Основание кооперации — взаимное сочувствие, взаимная приязнь и по преимуществу любовь и дружба». Высокие моральные побуждения, нравственное очищение человечества казались Баллину необходимыми условиями, чтобы наша русская кооперация достигла должной высоты.

Баллин придавал большое значение указанию Л. Н. Толстого, что прежде чем ждать ассоциации, необходимо позаботиться о самосовершенствовании, правде и любви. «Этическое настроение, вызванное Л. Н. Толстым, или своевременность его проповеди,—писал Баллин,—исправляет мало-по-малу характер наших взаимных обществ и все более и более приближает их к типу западных кооперативных обществ».

Таковы были взгляды Н. Н. Баллина, которого многие считали чудаком, и которого харьковский архиерей Амвросий и Победоносцев в официальной бумаге об'явили сумасшедшим.

Да. Баллин с его кооперативными идеалами—не революционер и в то же время человек, не приспособлявшийся к действительности эпохи реакции, подлинно мог казаться безумцем — таким же безумцем, каким казался Фурье французам начала XIX века!

Русская кооперация того времени ничего общего не имела с идеалами Баллина. В семидесятые годы правительство относилось к ней снисходительнее, и за 1870—77 г.г. было утверждено 932 устава ссудо-сберегательных товариществ; с конца же семидесятых и особенно в восьмидесятые годы правительство и кооперацию заподозрело в неблагонадежности. Тотчас-же сократилось количество утвержденных уставов кредитных кооперативов (за 1881—90 г. г. были утверждены уставы всего 281 товарищества). Очевидно, правительственная «неблагосклонность» к кооперации чутко воспринималась русскими «кооператорами»... Но в году или под гору шла русская кооперация, — во всяком случае в 70-е и 80-е годы она далека была от идеалов Герцена, Чернышевского, социалистов-семидесятников и... Баллина. Пропагандист же кооперации Баллин, несомненно, гораздо ближе был к снам Веры Павловны об аллюминиевых дворцах, нежели ему это казалось.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Голод 1891 года.

В истории русской общественности голод 1891 года сыграл огромную роль.

Как ни привыкла Русь к голодовкам, но голодное бедствие 1891 г.

и новый голод в 1892 году, охватили треть России, причем в неурожайных местах не редкостью было видеть десятину, где, если не сплошь, то огромными кусками лежала одна чистая черная земля, т. е. точь в точь, как было до посева. Насколько силен был неурожай можно судить по тому, что в Челябинском уезде в 1891 г. десятина давала в двадцать пять раз меньше хлеба, нежели в 1889 г.: вместо 53½ пуд.—2$^{1}/_{6}$ пуда. Следом за голодом пришел тиф, эпидемии, наконец, холера, свирепствовавшая в 1892—5 г. г. и унесшая свыше двухсот тысяч человеческих жизней при общем количестве холерных больных, превышавшем пол'миллиона!

Под влиянием бедствий, до той поры неслыханных, «мертвое царство» самодержавной России несколько зашевелилось. Бестактные и неумелые выходки со стороны правительства, его нежелание обращаться к услугам общественной помощи, — создали умеренно-оппозиционное настроение в широких кругах интеллигенции.

Многие писатели, (как Лев Толстой, Короленко), принимали то или другое участие в борьбе с голодом. Их корреспонденции, письма, статьи, обращения влияли на интеллигенцию, и оппозиционное настроение постепенно возрастало. Неспособность самодержавия предотвратить голод и справиться с подобным бедствием особенно ярко бросались всем в глаза.

Самые разнообразные факты из истории голода заставляли задуматься над тем, «как избавиться от всетормозящего факта, как покончить с ним»—с самодержавием или «всетормозящим фактом», по выражению Михайловского.

И вот заграницей приободрились эмигранты, до того времени весьма приунывшие; с чужбины на Русь долетели их революционные призывы.

Г. В. Плеханов в связи с голодом 1891 года выступил с двумя брошюрами: «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом».

В первой из этих вещей он указывал, что такое бедствие, как голод, охвативший пространство земли с населением до 40 миллионов, превышающим население Франции, — «заставляет невольно вспоминать о севастопольском погроме, положившем конец незабвенной николаевщине». Но тогда правительство могло еще само справиться с помощью реформ. «Теперь не то. Теперь история настоятельно требует от нас таких действий и реформ, на исполнение которых у царского правительства не хватит ни уменья, ни, тем менее, охоты». Плеханов считал, что нужно начать агитацию в пользу созыва Земского Собора. Есть «только один путь действий,—писал он,—борьба с царизмом. И чем раньше выступите вы на него, тем больше выиграет вся Россия. Полное экономическое разорение нашей страны может быть предупреждено лишь полным политическим ее освобождением».

Во второй своей брошюре Плеханов развивал те же мысли, но особенно подробно остановился на роли пролетариата, причем надежды свои на скорую революцию основывал на участии в общественном движении рабочего класса.

«Историческая роль пролетариата,—писал Плеханов,—настолько же революционна, насколько консервативна роль мужичка. На мужичке целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии. Пролетариат в сравнительно очень короткое время расшатал все основы западно-европейского общества. В России же его развитие и политическое воспитание идет несравненно скорее, чем шло на Западе. В России пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В какие-нибудь десять-двенадцать лет он изменился до неузнаваемости».

Но Плеханова занимает не столько социалистическая миссия пролетариата, сколько его революционная роль. В связи с голодом 1891-го года во весь рост встает политический вопрос, оживают революционные надежды.

Из представителей русского социализма выступает Степняк-Кравчинский, провозглашающий во имя изменения политического строя союз революционеров с либералами. Несмотря на иной подход к вопросу, мы видим, что и Степняка интересуют не столько дальнейшие социально-экономические задачи, сколько ближайшая политическая цель—свержение царизма.

«Люди оказались неспособными и бессильными своевременно вырвать свою родину из рук абсолютизма,—писал Степняк,—и вот на него восстала природа со своим губительным, слепым орудием, голодом, который, конечно, скосит во сто раз больше жизней, причинит во сто крат больше страданий, чем самая кровавая из революций.

«Это—невеселое сознание. Но раз это так случилось, нам остается теперь подумать о том, чтобы сделать повторение таких несчастий невозможным в будущем.

«Нам нечего об'яснять, что теперешний голод—роковое последствие хронического разорения, истощившего народ вконец еще до наступления нынешнего черного года: это повторяет теперь вся русская пресса, и не решается отрицать само правительство. Излишне также доказывать, что нынешний кризис не может ограничиться текущим годом, а неминуемо охватит собою целый ряд лет, расшатывая все более и более государственную машину, запутывая финансы, толкая правительство к банкротству материальному и нравственному. Уже теперь двадцать пять—по иным рассчетам, тридцать четыре—миллиона крестьян, свыше трети государственных плательщиков, разорено в конец, лишившись скота, семян и всяких средств существования и отбывания повинностей».

Но не следует думать, якобы голод сам по себе является событием, способным избавить Русь от царского гнета.

«Экономическая неурядица может довести государство до полного банкротства, до неспособности платить жалованье чиновникам и офицерам, до потери всякого кредита, и все-таки деспотизм может оставаться во всей своей силе. Это мы видим на примере Турции. Война может низвести Россию до положения третьестепенной державы, не неизбежно разрушив самодержавие. Более того: голод может вызвать кучу мелких народных бунтов и беспорядков, которые каждый раз будут неизбежно подавляться и не могут кончиться ничем, кроме бесполезной избиения либо сотен, либо тысяч бунтовщиков. Крестьянские бунты — та же стихийная сила, которая сама по себе, без участия сознательных оппозиционных элементов, не в состоянии изменить ничего воплощающего хотя бы отжившую идею».

Предлагая бороться за созыв «полномочного и всенародного Земского Собора», Степняк предупреждал, что борьба с самодержавием будет ожесточенная, и что необходимо об'единение всех враждебных царизму сил.

«Мы не думаем, что наше правительство сдастся, не истощив всех средств сопротивления, что вынуждает оппозицию пустить в дело все средства борьбы. Ни либералы, ни революционеры в одиночку не опрокинут самодержавия. Нужны широкие и энергические демонстрации, заявления, протесты со стороны земских и думских людей, печати, общества. Настоятельно нужен свободный орган, который был бы отражением этого движения. Но сомнительно, приведут ли подобные усилия к желанной цели без более энергичных мер, которые заставили бы правительство искать спасения в своевременных уступках.

Залог победы во взаимной поддержке обеих фракций оппозиции. Поэтому нашим последним словом ко всем друзьям русского народа будет призыв к забвению всех фракционных несогласий во имя общих всем требований, к союзу и к борьбе. К борьбе наиболее широким из доступных нам способов, но к борьбе во что бы то ни стало, не взирая ни на какие жертвы.

Страшные бедствия, через которые проходит наша земля, налагают на нас великие обязанности, и от того, как мы их выполним, зависит, войдет ли Россия в двадцатое столетие свободной страной, или ей придется постыдно ждать, вымирая, разлагаясь, теряя свою национальную физиономию, пока общий ход европейского прогресса не вынесет ей, как милостыню, то, что все другие народы завоевали геройством и самоотвержением».

«Великие обязанности» русских социалистов были поняты ими как борьба за скорейшее немедленное избавление от самодержавия. На политическую борьбу с царизмом были брошены все силы. Иные революционеры (подобно Степняку) согласны были и на союз с либералами, — поскольку либералы становились... революционерами, — хотя бы во имя **либеральных** идей (в этом смысле и говорил о «либералах» Степняк).

Но вполне понятно, что с того времени, как революционный энтузиазм овладел русскими социалистами, еще менее, нежели в восьмидесятых годах их могли интересовать жалкие кооперативные организации, прозябавшие и влачившие чахоточное существование в условиях самодержавной России.

В то же время все выше поднималась революционная волна. С середины девяностых годов начались стачки; затем все чаще стали вспыхивать студенческие волнения, с 1899 г. и до октябрьской революции 1905 года носившие характер чего-то закономерного и неизбежного; с 1902 года начались крестьянские волнения.

Интеллигентная молодежь посылала сотни и тысячи бойцов с царизмом, — как в былые годы «в народ»; значительно возросло количество сознательных революционеров-рабочих; появились крестьяне-революционеры. Массовое движение каждый день порождало новых борцов и на смену арестованным, сосланным, погибшим вождям приходили другие: вчерашние — ученики, сегодня — учителя...

Раскол между социалистами углублялся. Марксисты отстаивали ту мысль, что пролетариат является единственным подлинно революционным классом, борющимся за социализм; что остальные классы могут лишь поддержать его в ожесточенной борьбе с самодержавием, но лишь рабочие массы явятся армией, которая разрушит крепость царизма. Представители русского социализма признавали революционное значение и способность к восприятию социалистических идей за всеми трудящимися: крестьянами, рабочими и трудовой интеллигенцией.

После голода 1891 года споры между представителями двух мировоззрений особенно ожесточились. Вести эти споры приходилось уже не в эмигрантских небольших кружках, а на значительных собраниях; не ограничиваясь нелегальной литературой, выходившей заграницей, марксисты захватили в свои руки ряд толстых журналов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»); органом социал-революционного направления являлось «Русское Богатство».

Но разногласия сводились к вопросам о роли крестьянства и рабочего класса, наконец, к философским вопросам (напр., о роли личности в истории)... По вопросу же о **единой** цели — принесению всего в жертву задаче одоления царизма — споров не было. Наоборот, даже как будто «отвлеченные» вопросы весьма своеобразно вопло-

мались; так, напр., приведенный выше вопрос о роли личности в истории в значительной мере сводился к тому: быть или не быть террору.

Все для революции — вот лозунг периода 1891—1905 г.г. Для революционного социализма кооперация представлялась чем-то весьма жалким, не стоющим никакого внимания.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Кооперативное оживление с дозволения начальства.

Голод 1891 года, поставивший особенно остро на очередь вопрос политический, произвел и огромную экономическую встряску России. Последствия голода, конечно, сказались в области экономически не сразу. Подорванные голодом крестьянские хозяйства, погибали не сразу, не в 1892—1893 г.г.; рост городского населения поэтому также шел не со сказочною быстротою; переход от натурального хозяйства деревни к денежному, начавшийся после 1861 года, теперь лишь усилился; обнищание крестьянства лишь возросло, — но оно было и до голода 1891 года, — массовая же пролетаризация крестьянства при существовании общины и устойчивости формы самостоятельного крестьянского хозяйства («мелкого») не могла иметь места. Однако, к концу XIX и началу XX вв. последствия голода сказались вполне определенно: городское население с 10,6% (в 1867 г.) возросло до 13% (к 1897 г.); число рабочих — фабрично-заводских и железнодорожных — за 10 лет увеличилось на 65% (с 1.536.125 чел. в 1887 г. до 2.512.414—в 1897 г.). Когда в 1901 г. правительство назначило комиссию для исследования причин оскудения «центра» России, последняя с помощью об'ективных данных установила, что крестьянство дошло до нищенского состояния.

Экономические последствия голодовок 1891 — 1892 г.г., к началу XX века выразившиеся вполне определенно, людьми девяностых годов ощущались однако непосредственно. И чиновники, обеспокоенные тем, что «день грядущий им готовит»,—занялись измышлением того, как бы путем изменения «фестончиков» самодержавия спасти царизм. Среди различных бюрократических «реформ» не была забыта и кооперация. Начальство вновь дозволило заниматься кооперацией и, как увидим далее, даже само соизволило заняться ею.

Между тем, прежний «холодный индифферентизм» или — правильнее сказать — враждебное отношение бюрократии к кооперации,

чрезвычайно пагубно отражалось на кооперативной работе, — хотя мы помним, что и в прежние годы многие об'ективные условия, казалось, способствовали развитию кооперации.

Наибольшей помехой в возникновении кооперативов служило разрешение открытия их (утверждение уставов) в петербургских канцеляриях. При медлительности бюрократической волокиты и отдаленном расстоянии от столицы огромного числа городов и деревень проходило очень много времени, иногда целые годы, пока инициаторам удавалось открыть кооператив, дождавшись утверждения. Получалось положение, нелепое даже с точки зрения царских чиновников: крестьяне Петергофского уезда могли скорее получить разрешение, нежели чиновники Тобольска.

В девяностых и начале девятисотых годов правительство перешло к другой системе: предоставив право местным властям утверждать уставы, если в основание этих уставов были положены выработанные министерскими канцеляриями образцы.

Несмотря на многочисленные недостатки изготовленных бюрократией уставов ускорялся самый процесс возникновения кооперативов, — да и сатрапы на местах учуяли, что по отношению к кооперации допустимо несколько более снисходительное отношение. Но, вместе с тем, благодаря передаче кооперативов «в руки» местных властей правительство поручило последним бдительно наблюдать за всеми проявлениями (о, горькая ирония!)... самодеятельности.

Кредитная кооперация удостоилась особого внимания правительства и, согласно Положения об учреждениях мелкого кредита, 1 июля 1895 г., Министерство Финансов ввело новый тип кредитных кооперативов: кредитные товарищества. В отличие от ссудосберегательных, организуемых на паевом начале, участники кредитных товариществ не делают никаких взносов (паев). Капитал же товарищества получают из казны. Но вместе с данайским даром своим правительство преподносило кредитной кооперации — правительственный контроль в лице инспекторов мелкого кредита. Последним было предоставлено право «в случаях обнаружения инспектором беспорядков или злоупотреблений в делопроизводстве или счетоводстве» товариществ, удалять нежелательных лиц. Инспекция широко использовала свое право и боролась с помощью его со всякими «нежелательными элементами», т. е. либерально-настроенными (не говоря уже о революционерах!) кооператорами.

Несмотря на то, что с девяностых годов кооперация оказалась в положении подназорного, за которым следит, то инспекция (в области кредитной кооперации), то губернатор (в отношении потребительской кооперации), то какое-либо другое начальство, — все же своеобразное

внимание правительства к кооперации больше ей на столько во вред, сколько на пользу.

С 1896 по 1904 г.г. было открыто 370 ссудо-сберегательных и 536 кредитных товариществ.

С 1898 по 1907 г.г. утверждено свыше тысячи сельско-хозяйственных обществ.

В Сибири создаются маслодельные артели, и в 1902 году возникает «Организация по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири» (предшественница «Союза сибирских маслодельных артелей»).

С 1898 по 1905 г.г. были утверждены уставы 1198 потребительных обществ.

Начальство разрешает кое-какие кооперативные с'езды: так, в 1896 г. состоялся в Нижнем-Новгороде с'езд потребительных обществ; в 1898 г. — в Москве — всероссийский с'езд ссудо-сберегательных товариществ; по образцу московского—в 1900 г. — два районных с'езда, Пермский и Псковский, и затем ряд местных.

С дозволения начальства в 1898 г. возникает Московский союз потребительных обществ (ныне «Центросоюз»); в 1900 г.—Общество Оптовых Операций (ныне Общество Оптовых Закупок союз потребительных Обществ 4-х губерний Озерной области); в 1901 г.—Бердянский союз кредитных товариществ и т. д.

Правда, и созыв с'езда, и тем более — создание союза — в ту пору дело нелегкое и требующее от организаторов немалых усилий. Однако, появляются уже первые ласточки будущей кооперативной весны.

Уже до революции 1905 года русская кооперация приобретает определенно крестьянский характер. Кооперация кредитная и по сбыту (как маслодельная) — почти сплошь крестьянская; в области потребительской кооперации также начинают заметно выделяться сельские общества. Но сельская кооперация, будучи крестьянской по составу, еще не является такою по духу: во главе сельских кооперативов стоят помещики, чиновники, ставленники инспекции, духовенство. Крестьяне по прежнему выполняют роли статистов. Кооперация д л я н и х, но н е п о н и х.

Руководителями кооперативов оказываются в подавляющем большинстве люди, еще более далекие от революционного социализма, нежели кооперативные либералы семидесятых годов. Те хоть были знакомы с идеями западно-европейского и русского социализма, а большинство руководителей кооперативов девяностых и начала девятисотых годов имеют о социализме весьма смутное представление. К революции чеховские герои также особой склонности не питают. За редким

исключением кооператоры-интеллигенты того времени—люди, примирившиеся с самодержавием и на активный протест—неспособные.

А на Руси уже поднимается революционный вихрь, захватывающий и уносящий в ряды открытых борцов всех, кому дорого освобождение русского народа, кто оказался «заражен» социалистическими идеями. И чем ближе надвигалась революционная буря, тем свирепее неистовствовала реакция, прибегающая к массовым арестам, ссылкам, вынуждавшая к бегству заграницу... Ни возможности, ни охоты работать в кооперативах у представителей революционного социализма не было. Все их помыслы, все стремления — свержение царизма, политическая борьба.

Так, в период 1891 — 1905 г.г. ярче, чем когда-либо на Руси, образовалось пропасть между кооператорами, с одной стороны, и революционерами-социалистами, с другой.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Бегущие от мира зла.

Совершенно особнятся от существовавших кооперативов должны быть поставлены всевозможные искусственно создаваемые колонии или «общины» людей, пытавшихся уйти от неприглядной русской действительности, замкнуться в свою скорлупу. Внешне напоминая коммунистические начинания оуэнистов и фурьеристов,—наши «филантерии» по существу ничего не имели общего с ними. Коммунистические колонии новаторов Запада были созданы людьми смелыми, отважными, творцами «Нов. Мира»; русские же колонии это—«культурные скиты», по удачному выражению С. Н. Кривенко. Наши «колонии» обычно создавались в тяжелые годы реакции людьми, в восьмидесятые и девяностые годы разочаровавшимися в революционной борьбе, но неспособными и не желающими (к их чести) примириться с отвратительной обстановкой эпохи реакции. С. Н. Кривенко вполне понимал подобное настроение, но, как представитель революционного социализма, не мог сочувствовать ему и писал:

— Знаю я слова писания: «Когда настанет мерзость запустения, то ступайте в горы», понимаю и значение общественных экспериментов, и право человека устраивать свою жизнь, как он хочет, и более глубокие основания для этого... Я не могу только придавать такого значения колониям, какое придают сами колонисты, в особенности, когда они принимают мистическое направление и главною целью ставят достижение личной праведности... В этом отношении те люди, которые идут в

жизнь будить сонных, защищать слабых, останавливать несправедливых и, таким образом, поднимать упавший пульс общественности, поступают правильнее, и я не скрывало, что симпатии мои поэтому принадлежат больше им.

Но если симпатии революционных социалистов не были на стороне лиц, уходящих в небольшие замкнутые колонии, то сами общинники зало считали, что именно ими избран правильный путь.

— Что представляет из себя большинство наших интеллигентов?—говорил один из них,—прихвостней капитализма, ни более, ни менее. И если интеллигент хочет быть самостоятельным, то прежде всего он обязан отказаться от всех своих мечтаний на счет жалованья и найти оправдание своего бытия в непосредственной работе над землею.

Земледельческий товарищеский труд, без помощи наемных рабочих, коммунизм потребления, нравственное возрождение—вот обычно основы, на основании которых бывали созданы колонии. Число этих колоний несообенно многочисленно, но в 90-х годах Кривенко насчитал: два или три поселка в Смоленской губ., один—в Харьковской, один—в Черниговской, один—в Самарской, один на Северном Кавказе и два в береговой Черноморской полосе, пять—в Тверской губ., один—в Курской, один—в Пермской, один—в Киевской, «и слышно было еще о сборах поселиться в Херсонской, Екатеринославской и Каменец-Подольской губерниях». Кривенко допускал, что некоторые колонии остались ему неизвестны. Но колонии обычно бывали небольшие: человек 10—15, чаще—3—4; вдобавок, колонии довольно быстро погибали. Нередко колонисты между собою ссорились из-за мелочей; часто допускали наемный труд; вообще идеалы правды и справедливости соблюсти не удавалось.

Быстрой гибели колоний помогали также внешние причины: как в виде вмешательства и противодействия полиции, так и то обстоятельство, что между колонистами и ближайшими крестьянами редко устанавливались добрые соседские отношения.

Дольше других выжила и продолжает существовать, кажется, до сих пор—земледельческая община «Криница»—на берегу Черного моря, между Новороссийском и Сочи.

В основании исканий общинников было стремление создать общежитие на началах правды и справедливости. Каждый должен был без всяких стеснений выражать свои сокровенные мысли. Всякий обязан прежде всего думать о других, и о своих обязанностях. По изменении психики могут установиться и формы общежития.

Так формулировал сущность идей, побуждавших его к созданию общины, В. В. Еропкин, один из деятельнейших учредителей «Криницы».

Но начала правды и справедливости подверглись большим испы-

таниям. Прежде всего—вся история «Кринницы» полна столкновений и борьбы между различными членами.

Уже на новый 1889-й год (т. е. каких нибудь два года после возникновения колонии), отчет констатирует:

— Нет гармонии! Между нами царит глубокое разделение.

Наблюдалась также постоянная смена состава колонии: одни приезжали, другие уезжали. Вновь прибывшие не могли сразу стать полными товарищами; «каждый новый член в течение некоторого времени является потребителем духовных сил общины, а не производителем».

Скоро колония почувствовала недостаток в средствах, и Ерошкин поступил директором на писчебумажную фабрику, где получал 10—12 тысяч в год.

Благодаря помощи Ерошкина, «Кринница» только и могла существовать.

Большие надежды возлагались членами колонии на новое поколение, на людей, которые с младенческого возраста свыкнутся с общиною, которые воспримут новую трудовую психологию. Но и эти надежды успехом не увенчались.

Между тем воспитанию детей уделялось исключительно много внимания. К большому труду «Кринничане», вышедшему по случаю 25-тилетия существования колонии, была приложена особая записка под заглавием: «Дети».

«Детский вопрос,—читаем мы там,—всегда занимал в общине главное место. Сущность его заключалась в том, чтобы путем соответствующего воспитания создать из детей продолжателей начатого дела».

Руководители старались выработать у детей сознательность, объединенность, любовь к труду, чувство долга, чтобы таким путем сформировать из каждого не только идейного трудоспособного человека, но и общинника. Задача воспитания заключалась в выработке разностороннего человека, тип которого рисуется так: «крепкий физически, закаленный в труде, находчивый и способный к практической жизни, просвещенный умом, критически относящийся к жизненным явлениям, нравственно развитый, чуткий к добру и истине, способный не только жить с другими единой общей жизнью, но и жертвовать собою ради других по справедливости».

Ребята жили в деревне, работали в поле, получали соответствующее физическое воспитание. Детей не баловали. Старались, чтобы они не пользовались лучшими условиями, нежели окружающие. Вообще, несмотря на некоторую бессистемность в занятиях с детьми, подрастающее поколение, казалось, могло бы оправдать возлагавшиеся надежды.

Вместо этого дневники кринничан отмечают, что «где-старались

дети, там и безпорядок». «Нынче Федор,—читаем мы,—спал одетый. Грязные чувяки покоились на чистом белье. Про книги и бумаги, даже нужные бумаги, и говорить нечего!».

Не только в мелочах внешнего быта, но и внутренним своим содержанием подростки не отвечали настроениям близких людей и основателей «Криницы».

В 1894 г. один из членов колонии записывает в свой дневник: «Даже на детей надежда ослабевает. Есть основание предполагать, что наши дети скорее примкнут к крайним партиям русской мысли, чем будут продолжать наше дело, дело внутреннего перерождения».

Так, с неизбежностью дети людей, бегущих от мира зла, впитывали в себя чуть не с молоком матери не потребность внутреннего перерождения, а сознание необходимости борьбы с царизмом.

Как все дороги ведут в Рим так и все пути общественных исканий на заре XX-го века вели к борьбе с царизмом. Социалистические партии, которые наиболее последовательно отдались этому делу, приобретали все большее количество последователей и, несмотря на свирепствующую реакцию, становились крупным общественным явлением. Посмотрим же, какие организации играли роль и какую позицию они занимали по отношению к кооперации.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Русский марксизм и кооперация.

Голод 1891 года дал толчок росту русского марксизма. Разочаровавшаяся в революционности крестьянства интеллигенция в значительной своей части поклонилась новому божку — пролетариату.

Вера в пролетариат тесно переплеталась с убеждением в «исторический ход вещей». Для многих марксизм явился отказом от активной творческой революционной самодеятельности, заменившейся надеждой на деятельность революционного рабочего класса, и по отношению к этой категории марксистов Качаровский совершенно справедливо писал на рубеже XX века:

«Если семидесятые годы дали в результате разочарование в крестьянстве, то восьмидесятые принесли такое же разочарование в силах самой русской интеллигенции. Немудрено, что после такого двукратного крушения часть интеллигенции стала в девятидесятые искать точки опоры для прогресса России не только вне крестьянства, но и вне себя, даже вне России, что она успокоилась на волшебной точке зрения, состоящей в пассивном усвоении формулы западно-европейской экономической эволюции. Эта схема прогресса через капитали-

стическую стадию так элементарно и соблазнительно ясна и проста; в Западной Европе, как раз в последнее десятилетие, развертывается такая грандиозная и красивая картина мощного движения рабочих масс, а наша российская историческая колесница так грузно застряла на каком-то бесконечно смутном и мрачном распутье»...

Но казалось, что из распутья можно выбраться с помощью пролетариата.

Растущее рабочее движение, связанное с притоком в города разорившихся крестьян, стачки и рабочие волнения создавали как революционных социал-демократов, ведущих подпольную работу, так и легальных марксистов (в ту пору — Струве, Туган-Барановский и др.).

Между революционерами-практиками и марксистами-теоретиками нередко лежала глубокая пропасть.

Напрасно Плеханов утверждал, якобы различные выражения Струве (вроде знаменитого приглашения пойти «на выучку к капитализму»)— простая неосторожность. Марксист Струве иначе мыслил историческое развитие России, нежели партийные работники московской и нижегородской конференций, заявлявшие, что надо «сразу начать воспитывать русских рабочих для самостоятельного политического выступления и тем предотвратить всякую возможность превращения его в простой придаток буржуазного освободительного движения» (Лядов). Но каковы бы ни были разногласия между революционерами-социал-демократами и легальными марксистами и для тех, и для других вопрос борьбы с царизмом являлся единственно важным и существенным.

Кооперация же казалась чем-то крайне ничтожным. При подобном восприятии русской действительности 90-х годов особенно победоносно поэтому звучали издевательства Потресова над «артельной эпопеей».

«Тот исторический поток, — писал Потресов, — который мы назвали эпохой увлечения сыроваренными артелями, слагался из двух параллельных, по временам перекрещивающихся течений: одного — дворянско-помещичьего, другого — крестьянско-мелкобуржуазного». Потресов доказывал, что «в результате артельных начинаний русского общества оказался, вообще говоря, нуль, а единственный раз, когда получилось нечто похожее на величину, этим нечто — двигал враг народа—капитал». Потресов утверждал, что лиц, занимающихся кооперативною работою, одолела «практичность». Неосновательно обвиняя представителей русского социализма («народничество»), вместе с кооператорами, якобы они увлеклись артелями, Потресов писал, что «исчезла совершенно... грань» между русскими либералами и «народниками».

Так кооперация была об'явлена преступлением против революции. Вместе с тем, кооперация считалась делом мелкой буржуазии—или крестьянства. «Интеллигент, толкующий о помощи кустарям, и не по-

дозревает, что предлагаемые им будто бы антикапиталистические мероприятия прежде всего пойдут на пользу именно мелким сельским капиталистам»,—писал Плеханов.

Итак, крестьянская кооперация была об'явлена делом мелкой буржуазии, враждебно относящейся к социализму.

Между тем, развивалось рабочее движение, и наряду с его ростом выявлялось стремление рабочих к созданию экономических организаций. Необходимость создания боевых фондов подполья—в виде стачечного фонда—ставили на очередь вопрос об организационной взаимопомощи в виде союзов и кооперативов.

Среди русских социал-демократов народилось течение, известное под именем экономистов, отстаивавшее идею организации пролетариата на экономической почве.

№ 1 «Рабочей Мысли» (окт. 1897 г.) об'явил следующий девиз рабочего движения: «борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы». «Рабочая Мысль» предлагала рабочим создавать профессиональные кассы, вокруг которых должны были группироваться рабочие.

Выдвигая на первое место «кассы», т.-е. профессиональные союзы, занятые делом создания стачечных фондов, экономисты не забывали и других организаций,—в том числе и кооперативных. «На первый план,—писали они,—выставляем мы развитие рабочих организаций, т.-е. главным образом цеховых (боевых рабочих союзов), также обществ взаимопомощи, потребительных, образовательных и других». Экономисты не склонны были замыкаться в рамках подполья и указывали, что «правительство чувствует себя не в силах остановить все усиливающееся движение рабочих, охватившее всю страну... Но прежнему жестоко преследуя «заводчиков» и «главарей», оно начинает уже разрешать настоящие рабочие общества (напр., «Харьковское Общество взаимопомощи заводских рабочих, устав которого недавно утвержден министерством внутренних дел»).

Таким образом, в русской социал-демократии конца 90-х и начала 900-х г.г. существовало течение, не противопоставлявшее социализма р а б о ч е й кооперации. Но жестокие репрессии самодержавия: аресты, ссылки, уничтожение и неразрешение самых скромных форм об'единения рабочих (если только во главе этих организаций не стояли охранники)—даже «экономистов» заставляли прежде всего помнить о борьбе с царизмом, о необходимости разрушения Карфагена самодержавия.

Революционная же социал-демократия, в лице возникшей с 1898 г. Р. С. Д. Р. П., очень скоро яростно обрушилась на «экономизм»,—безосновательно упрекая «экономистов» в забвении политической

борьбы. По «в России совершенно никогда не было таких с.-д., которые отрицали бы необходимость политической борьбы» (Махновец). Организация революционных сил, агитация в рабочих массах, всенародное вооруженное восстание и свержение царизма—вот были задачи Р. С. Д. Р. П. Беспрестанные стачки и антиправительственные демонстрации рабочих, студенческое движение, яркой вспышкой осветившее реакционную ночь царизма в 1899 г. и продолжающее своим красным светом озарять Россию до октября 1905 г.; наконец, начавшиеся крестьянские волнения—делали все более очевидной близость подлинного революционного взрыва.

Вопросы взаимопомощи отодвигались на второй план. В то же время, под влиянием роста рабочего движения, о взаимопомощи заговорили люди, чуждые революционного дела, как профессора Ворме, Ден, Озеров. Ими взаимопомощь противопоставлялась революции. Наконец, окончательно идея взаимопомощи была скомпрометирована охранниками и жандармами. Знаменитый Зубатов энергично пропагандировал рабочие организации и при помощи своей поклонницы Марии Вильбушевич даже создал Еврейскую Независимую рабочую партию, в программе которой говорилось о развитии «широких экономических организаций (трэд-юнионов, касс, клубов, ассоциаций»).

Любопытно, что департамент полиции сначала весьма сочувственно относился к опытам Зубатова и насаждал «зубатовщину». Согласно справке, данной департаментом полиции впоследствии, когда «зубатовщина» им была ликвидирована вследствие того, что не дала благоприятных для самодержавия результатов,—«отношение департамента к упомянутым проявлениям рабочего движения сводилось:

1) К неуказанию препятствий при попытках рабочих организоваться в общества взаимопомощи с чисто-экономическими задачами и к преподанию по некоторым отдельным случаям соответственных указаний местным властям

и 2) к содействию отдельным, известным Зубатову, лицам при осуществлении подобных попыток, причем это содействие выражалось как в форме нравственной—в приобретении такими лицами благосклонного отношения к их начинаниям со стороны высших административных лиц, так и на почве материальной—в предоставлении инициаторам означенных попыток денежных субсидий».

Зубатовщина окончательно скомпрометировала легальные экономические организации, и к ним одинаково отрицательно относились все фракции Р. С. Д. Р. П., как большевики, так и меньшевики,—несмотря на то, что по многим другим вопросам между названными фракциями уже тогда существовали серьезные разногласия. Подобным же образом к существовавшей кооперации относилась и партия социалистов-революционеров.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Партия социалистов-революционеров.

Имя русских социалистов-революционеров или социально-революционной партии—в смысле революционного течения—встречается в литературе с давних пор. Но возникновение партии социалистов-революционеров, существующей до сих пор, относится к началу XX столетия.

Уже в девяностых годах в отличие от марксистов (или социал-демократов) сторонники идей русского социализма обычно называли себя социалистами-революционерами. В 1893 г. группа Натансона, Черновых (Виктора, Владимира и Надежды) создала «Социально-революционную партию Народного Права»; по многим городам были разбросаны группы социалистов-революционеров, и в августе 1897 года, в Воронеже, имел место с'езд представителей от групп: Киевской, Полтавской, Харьковской, Петроградской и Воронежской. Киевский с'езд 1898 г. решил, что, опираясь на насущные нужды крестьян, рабочих и интеллигенции, социалисты-революционеры об'единяются в партию.

Собравшийся в 1900 г. с'езд представителей нескольких групп в Харькове пытался создать «Партию социалистов-революционеров». Воронежской группой, по поручению с'езда, был выпущен Манифест, в котором говорилось: «По основным своим убеждениям мы—социалисты-революционеры. Наша конечная цель—полное политическое и экономическое освобождение рабочих классов; переход политической власти к народу, обобществление средств производства, организация производства, распределения и всей общественной жизни на социалистических началах».

«Манифест» имел большое значение в отношении собирания социал-революционных сил под единое знамя. Но в то же время вследствие «Манифеста» некоторые сильные группы социалистов-революционеров (как северный союз с.-р.) не вошли сначала в партию, так как в «Манифесте», напр., вовсе не упоминалось о терроре. В то же время за границей самостоятельно работала «Аграрно-социалистическая Лига». Лишь осенью 1901 года состоялось соглашение различных групп социалистов-революционеров и возникла единая партия, заграничными органами которой являлись «Вестник Русской Революции» и «Революционная Россия» (редакторами «Революционной России» были В. М. Чернов и М. Р. Гоц).

Партия социалистов-революционеров, верная заветам русского социализма, по праву считала себя и являлась продолжательницей дела «Народной Воли»,—хотя и понимала свои задачи гораздо шире. Спустя

ряд лет по возникновении партии—ее вождь, В. М. Чернов, так определял позицию социалистов-революционеров:

«Мы не рвем идейной традиции, соединяющей нас с нашими славными предшественниками, чтобы вновь начать историю духовного развития русского социализма от какого-нибудь готового продукта предыдущего национального роста одной из западно-европейских стран—скажем, хотя бы от германской социал-демократии.

«Но для нас и народничество и народовольчество—пройденные ступени органического роста нашего движения; каждое из них—законченное дитя своего времени, отошедшая в прошлое точка пересечения влияний международной социалистической мысли и самостоятельного ориентирования в особенных условиях России. Мы, социалисты-революционеры, представляем собою новое идейное образование, новую точку пересечения тех и других влияний. В наши ряды могли войти живые обломки старого периода революции. Из их представителей некоторые могли сохранить на себе слишком много следов прошлого. Они у нас—желанные гости: но всего нашего уважения к их историческим заслугам недостаточно, чтобы воздержаться от самого решительного отграничения наших идейных позиций от позиций прошлого. И в этом отграничении раз навсегда должно быть твердо установлено: мы отнюдь не желаем возводить нашу культурно-экономическую отсталость в ранг огромного исторического преимущества; мы ценим социальные связи трудового крестьянства, унаследованные от прошлого, но лишь постольку, поскольку они, при свете социалистической пропаганды, выживают, пройдя сквозь огонь хозяйственного прогресса, поскольку из инстинктивных традиционных, в борьбе с натиском буржуазных начал, они превращаются в сознательные».

Общинно-артельные начала русского быта не были забыты п. с.-р.,—но вместо прежней общины было выдвинуто партией требование—социализации земли, т.-е. из'ятие земли из частной собственности отдельных лиц и переход земель в общественное владение и распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов—общин на началах уравнительного землепользования. Точно также вместо старинной артели симпатии партии с.-р. были на стороне кооперации, борющейся за социализм.

Поэтому партия с.-р. заняла по отношению к кооперации—о с о б е н н о к р е с т ь я н с к о й—совершенно иную позицию, нежели ортодоксальная русская социал-демократия. Однако, жизнь не давала и с.-р. особенно много внимания уделять вопросам кооперации.

«Революционная Россия»—в 1902—5 г.г. оффициальный орган партии *), посвященный вопросам текущей жизни,—переполнен прежде

*) С № 3, янв. 1902 г.

всего материалом, имеющим непосредственное отношение к боевым выступлениям. Теоретическое обоснование террора и его яркая хроника, студенческое, рабочее, крестьянское движение, вспышки недовольства и, наконец, восстания в войсках (напр. «Восставший броненосец» в № 70)—вот вопросы, которым больше всего уделяет внимания редакция. Богатая хроника революционной борьбы на местах нередко совершенно вытесняет очерки западно-европейского социалистического движения.

Уже в № 3 «Революционной России», в статье «Три преступления» (временщика, обывателя и революционера), брошен определенный призыв: «Мы знаем, что борьба неизбежна, и не боимся... Но зачем же мы ее откладываем?»

В следующем № в передовой говорится о том, что, «наконец-то у русских людей начинают открываться глаза, и наше мнение о том, что Россия вступила последний год в полосу революционного движения, перестает вызывать насмешливые улыбки скептиков».

С каждым номером «Революционной России» уверенность редакции в приближающейся революции находит все больше и больше подтверждений. № 8-й (от 25 июня 1902 г.) целиком посвящен крестьянскому движению и крестьянству, к которому с таким недоверием относится социал-демократия. Скоро жизнь ставит новый очередной вопрос—«Войско и революция» (передовая под таким заглавием помещена в № 21 «Революционной России»). И, наконец, № 76 (от 15-го октября 1905 г.) сообщает: «Последние вести из России» такого содержания:

— Государственная машина парализована. «Нормальный» порядок по всей линии фактически отменяется. «Явочный порядок» вступает в свои права. «Явочным порядком» выступают боевые рабочие синдикаты, и, подобно железнодорожному союзу, дружно, разом, на протяжении колоссальных расстояний колоссальной России прекращается движение поездов, людей и грузов... «Явочным порядком» устраиваются огромные митинги в зданиях и под открытым небом... «Явочным порядком» устанавливается свобода слова...

В годы подобного нарастания революционного движения даже общим вопросам выработки партийной программы не могло уделяться особенно много места. Война, общественная жизнь, поведение правительства, зубатовщина, с ее героем «Макиавелли охранного отделения» (№ 31), полемика с социал-демократами и либералами, национальный вопрос, погромы, ссылки, аресты вот статьи злободневного характера. Сотрудникам «Революционной России» поэтому, очевидно, не было времени заниматься кооперацией.

Тем не менее, в связи с социализацией земли, забыть совершенно

кооперацию социалисты-революционеры не могли, и в данном вопросе, как и во многих других, сказалась идейная связь партии социалистов-революционеров с русским социализмом.

В №№ 14 и 15 «Рев. России» была помещена большая статья—«Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве».

«В аграрной программе-минимум Партии Социалистов-Революционеров,—начинается эта статья,—особенно видное место занимают два пункта: требование социализации земли и стремление к развитию сельско-хозяйственных трудовых товариществ или кооперации. Можно сказать без преувеличений, что эти два пункта являются наиболее характерными для данной программы».

Статья выясняет отличие программы-минимум от программы-максимум и указывает, что необходимо считаться с «тягою крестьянства» к земле, что было учтено и Фр. Энгельсом. «Руководящие указания Энгельса были подхвачены и развиты особенно Э. Бандервельдом в Бельгии и Джоломо Гатти в Италии. Не враждебно противостать крестьянской тяге к земле, а направить ее на единственно правильный путь—путь объединения, социализирования собственности и производства—таков современный лозунг социализма в деревне». Далее в статье приводится многочисленные факты сочувственного отношения к кооперации западно-европейских социалистов, в частности сделана очень ценная сводка из аграрных программ социалистических партий по вопросу позиции, занимаемой партиями по отношению к кооперации.

Резко полемизируя с соц.-дем. «Искрой», утверждавшей, будто «поставить рядом в программе-минимум социализацию земли и кооперацию», значит, соединить Бабефа с Левитским,—«Революционная Россия» отстаивает «основные пункты» программы—минимум.

«Мы стоим и всегда будем стоять за наибольшее сближение земледельца с землею, но непременно на основе коллективной собственности, не дающей развиться собственническому фанатизму; за переход в наибольших размерах земли в руки демократически организованных коллективностей—товарищеских и соседских союзов—общин, как и других наиболее близких к народу органов его самоуправления; за коллективную организацию самого земледельческого труда, развивающую среди земледельцев солидарность и понимание выгод обобществления труда». «Что касается развития сельско-хозяйственных кооперации, то требования в этом духе составляют естественное логическое дополнение к земельно-социализаторским принципам. История аграрных программ и аграрной тактики социалистических партий доказывают, что в свободном государстве кооперативное движение, руководимое и вдохновляемое социалистической партией, действительно

способно служить интересам освободительной борьбы рабочего класса, вносящего в это движение свежую идейную струю и выступающего против всяких попыток заразить его буржуазным духом индивидуализма и барышничества. Итак, социалисты при этом вовсе не исходят из идеализации современного кооперативного движения. «Тем не менее, кооперация повсюду, как напр., в Италии, убедила социалистов, что она может в деревне не взращивать мелких собственников, а наоборот, приводит крестьян к социалистическим идеалам.

«Кроме об'единяющей роли кооперации,—продолжает «Революционная Россия»,—самая борьба в пределах сельской общины, за расширение и ее прав, и ее фактической деятельности по обложению и конфискации поземельной ренты крупных собственников, по экспроприации в собственность общины земель помещиков и кулаков, способно более чем бы то ни было расшатать и обострить классовую борьбу трудового крестьянства против его эксплоататоров, сблизить его с сельским и городским пролетариатом, содействовать его проникновению идеями социализма. Вот почему требования и деятельность в духе социализирования поземельной собственности и развития сельско-хозяйственных кооперации занимают такое видное место в аграрных программах западно-европейских социалистических партий; вот почему, в полном согласии с интернациональным социализмом, то же основное требование выставляет в своей аграрной программе и «Партия Социалистов-Революционеров».

Переданная нами в кратком изложении статья «Рев. России» наиболее ярко выявляет взгляды с.-р. на задачи крестьянской кооперации в свободном государстве. Но и в очерке «Земледельческие кооперации в Бельгии» (№ 24) «Революционная Россия» вновь остановилась на значении кооперации для сельского хозяйства, причем опять-таки указывала, что в России для социалистов закрыты многие пути, доступные для бельгийцев. «Душная атмосфера абсолютизма устраняет возможность той органической революционно-созидательной работы, для которой там (т. е. в Бельгии—Б. Фр.)—широкое поприще. И только после спасительной революционной грозы русские социалисты смогут отдаться всей той всесторонней организаторской деятельности, которая в психологии крестьянина-общинника встретит меньше индивидуалистических навыков, нежели у бельгийца».

Таким образом, кооперативная работа в деревне для «Революционной России» была делом, которое могло быть осуществлено лишь по свержении самодержавия, в связи с осуществлением программы-минимум и социализацией земли. Ко всяким попыткам об'единения трудящихся в экономические организации при царизме «Революционная Россия» относилась отрицательно. В статье о рабочих кассах в Харькове (№ 16) «Рев. Россия» резко осуждала всякую попытку экономического творче-

ства трудящихся при самодержавии. «Поступать так, значит, играть на руку правительству». «Несмотря на самые суровые уроки жизни,—читаем мы,—среди русских рабочих время-от-времени являются мечтатели, надеющиеся на чудеса библейских времен, когда маленький Давид простой пращей победил вооруженного с ног до головы Голиафа, или на новую победу Никиты Кожемяки, с голыми руками выходившего на раз'яренного зверя».

Как в заграничной литературе, так и в нелегальных печатных обращениях к народу и устной пропаганде в России социалисты-революционеры развивали следующую точку зрения:

во-первых, свержение царизма,

во-вторых, социализация земли,

и в-третьих, кооперативная работа.

Так, возникший в 1902 г. «Крестьянский Союз партии социалистов-революционеров» в воззвании: «Ко всему русскому крестьянству», наметив общие задачи, продолжал:

«Для крестьянства мы на первую очередь ставим социализацию земли, т. е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся, а во-вторых, развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических кооперации для постепенного высвобождения крестьянства из-под ига власти капитала и для подготовления грядущего коллективного земледельческого производства».

Революционный социализм не ограничивался тем, что своих приверженцев удерживал от кооперативной работы в эпоху существования царизма. Революционный социализм определенно боролся с людьми, верившими в плодотворные результаты всяких попыток кооперативной работы. В этом отношении особенно характерна и интересна борьба в легальной печати защитника позиции революционного социализма, Н. К. Михайловского, с представителями, так называемого, правого народничества.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Кооперативные симпатии правого народничества.

Начиная с семидесятых годов, Н. К. Михайловский, как защитник идей революционного социализма, боролся с такими течениями русской общественной мысли, которые, казалось, довольно близко примыкали к направлению «Отечественных Записок». Различные эти многообразные течения могут быть об'единены общим именем—правого народничества.

В семидесятые годы выразителем стремлений правого народничества являлась «Неделя», в которой в ряде статей Червинского (П. Ч.), Ефименко и друг. пропагандировалась мысль о будничной повседневной работе, и «люди деревни» противоставлялись интеллигенции. «Нравственные запатки у простонародья вообще,—писал П. Ч. . . . а у нашей деревни в особенности правдивее, чем у культурных классов, которые у нас страдают отсутствием исторического нравственного наследства». «Общинные и артельные привычки слишком крепко срослись с нашим крестьянством», утверждали представители правого народничества, и в отличие от революционных социалистов они предлагали немедленно приниматься за будничную работу.

Наиболее резко сказалось расхождение между революционным социализмом и правым народничеством в девяностые годы, — но оно возникло гораздо ранее—еще в 70-е годы, как мы уже писали, и что особенно необходимо отметить,—правое народничество всегда проявляло симпатии к существующей кооперации.

Правому крылу народнической мысли пришлось вести борьбу на все фронты: с ретроградами-националистами, с западниками-либералами, с социалистами, наконец, с людьми, считавшими правых народников врагами реформ. Высказываясь за свободу совести, против обрусения окраин, борясь с либералами, — правые народники (несмотря на несколько антисемитскую окраску мировоззрения некоторых из них и несмотря на их нападки на революционных социалистов) были борцами за права трудящихся и народное счастье. И тем не менее, это течение общественной мысли подвергалось жесточайшей критике со стороны социалистов.

Яркий представитель «правого народничества», Каблиц-Юзов с горечью писал о том, что «кто поглубже вдумается в программу действий инквизиторов и сравнит ее с программой действий наших социалистических, радикальных, либеральных и иных бюрократов.—тот увидит полную тождественность их отношений к человеческой личности. Вся разница между ними заключается в том, что каждый из них имеет свой кодекс истин, который и считает непреложным».

Как мы видим, и Каблиц-Юзов настолько резко отмежевывался от представителей революционного социализма, что мучеников социалистической идеи 80-х и 90-х годов сравнивал с инквизиторами!

Автор «Основ Народничества» не видел основания преклоняться перед интеллигенцией и особенно считаться даже с лучшими представителями ее. «Мы не с'умели понять,—пишет он,—что коллективная мысль в области общественных вопросов имеет громадное преимущество над индивидуальною». Коллективная же мысль создается стремлением народных масс к счастью. Не ум, но чувство руководит людьми. И это

чувство — не эгоизм; это интуиция, создаваемая наследственностью и воспитательными условиями всей нашей жизни.

В подобной интуиции могут быть заложены хорошие нравственные свойства. Но не знанием приобретаются они. Приобретение знаний само по себе еще не дает нравственного развития, наоборот, жизнь показала, что люди знаний, интеллигенты, не стоят на должной нравственной высоте.

Поэтому напрасно, по мнению Каблица, представители революционного народничества возлагают надежды на интеллигенцию. Большинство интеллигентов определенно враждебно относится к народу, и их единственное стремление даже в юности, — не приобретение знаний, а «дипломом легкохлебия».

Психология деревенского жителя совершенно иная, нежели горожанина-интеллигента. Наконец, интеллигент не знает даже своей родины. «Мы не только Европу, но Африку и Америку знаем больше, нежели Россию. Кто из нас не знает хоть кое-чего о готентотах, бушменах, команчах и патагонцах? А многие ли имеют малейшее понятие о черемисах, вогулах, зырянах, бурятах и тому подобных гражданах Российской земли? Мы только и знаем, что это и н о р о д ц ы. Было бы еще сносно, если бы мы не знали только инородцев; но беда в том, что мы не имеем ни малейшего понятия и о русских крестьянах».

Русский народ считают той грубой массой человеческого материала, который только в искусных руках интеллигенции получает форму и делается годным для исторической жизни, то головотяпами. Между тем, у русского народа, как и у всякого другого, есть свои характерные черты. «Не потому мы идем самобытным путем, что мы—избранный народ, предназначенный великими судьбы заменить своею цивилизацией сгнившие цивилизации запада, как думали славянофилы, а только потому, что все народы должны идти своим путем».

Наша община и является тою самобытною формою русского народа, которой не знают другие страны. В других местах община соединялась с поземельным неравенством. В России же существовало мирское владение, создавшее особую общинно-артельную психологию и навыки.

«Общинное владение землею, господствующее у нас в России, гораздо более способствует развитию социально-нравственных инстинктов, нежели изучение каких бы то ни было наук, именно потому, что ставит сообщинников в известные отношения друг к другу, при которых они оказывают постоянную помощь один другому. Молодое поколение, развиваясь в общинных и артельных порядках, имеет возможность гораздо чаще упражнять социально-нравственные инстинкты, нежели это могло бы быть при господстве индивидуализма. Отсюда вытекает общественно-нравственное превосходство крестьянской массы над интеллигенцией, хотя эта последняя и является обладательницею знания.

И так как развитие общественных форм гораздо больше зависит от прогресса общественных и нравственных чувств, нежели от накопления знаний, то, понятно, что участие крестьянской массы в общественном деле будет более общественно выгодным, нежели участие интеллигенции». От общины русский народ перешел к артелям—земледельческим и всяким иным. Но вследствие того, что общинно-артельные навыки свойственны только русскому народу, и кооперации, по мнению Каблица-Юзова могли развиваться лишь в России, так как общинно-артельные навыки были тою почвою, на которой могло произрасти новое растение. В подтверждение своего мнения приводя факты отрицательного отношения западно-европейских социалистов к кооперации Каблиц-Юзов утверждал, что Запад придет «к централистическо-бюрократическому социализму; при чем нация будет об'единяться только социалистическою иерархией, стоящей во главе чисто-бюрократических форм общественной организации. В России же, где кооперация-артель является любимой формой, как в сфере производства, так и потребления, мы можем обойтись без этого. Личность на Западе, благодаря предполагаемой национализации земли и отсутствию кооперации, будет иметь дело непосредственно с государством; у нас же — с своей общиной-артелью и дальше с союзом этих общин-артелей. Там капиталистов только и может заменить государство, у нас их могут заменить артели-общины и союзы их. Отсюда может возникнуть громадная разница в политическом и экономическом строе».

Каблиц-Юзов указывал на отрицательные стороны Запада; утверждал, что наряду с общим прогрессом там наблюдается частичный регресс. От Запада,—писал он,—мы берем не только хорошее, но и дурное. Ведь по примеру «Гишпанского цесаря Иоанн III сжег в Москве нескольких еретиков. А в настоящее время «лучшим примером тяжелого давления европейской мысли на русского человека может служить появление у нас так называемых марксистов».

Таким образом, самобытные формы русской жизни, по мнению Юзова, были тою почвою, на которой могло произрости новое растение, независимо, само по себе, без содействия интеллигенции. Каблиц-Юзов лишь особенно ярко выявил эту точку зрения. Но и некоторые другие писатели в девяностые годы довольно близко подошли к позиции Юзова в самом главном, существенном: признали общину и артель такими бытовыми формами, на которых может быть воздвигнуто кооперативное здание, несмотря на существование царизма. Так, напр., В. П. Воронцов (В. В.) в середине девяностых годов указывал, что «после горячего увлечения идеей артели в 60-х годах, с половины 70-х г.г. наше общество обнаруживает большое к ней равнодушие. Иное следует сказать относительно простого народа». И В. В. в двух книгах подробно рассматривал положение артелей и коопера-

тивов в России, развивающихся и приобретающих все большее значение. Правда, и прежде В. В. нередко останавливался на значении кооперации. Однако, то же слово, да не так он молвил. Так в книге «Судьбы капитализма в России» (написанной в 1882 г.), В. В. предвидел развитие механического производства, машиностроения, и предполагал переход этой отрасли производства не в руки предпринимателей, а артельных организаций. Однако, — писал он в 1882 г., — пока еще может существовать капиталистическое производство: сначала в виде содействия правительства развивающемуся капитализму; затем в виде перехода этой отрасли промышленности в казенное заведывание. Артельная форма организации, таким образом, мыслилась Воронцовым не как низшая, но как высшая ступень.

Допуская возможность временного торжества капитализма, В. В. все же полагал, что строить благосостояние страны необходимо, заботясь о непосредственных производителях, — интересы которых забываются. «Отрицая возможность в России господства капитализма, как формы производства, — писал В. В., — я ничего не предрешаю относительно его будущего, как степени и формы эксплоатации народных сил». В настоящем же капитализм мог угрожать и угрожал производителю. В России «существует благоприятная почва для организации труда на народных артельных началах». Однако, «организация общественной формы труда в кустарном промысле совершается крайне медленно».

В восьмидесятые годы В. В., таким образом, считал, что кооперация при самодержавии развивается плохо; в девяностые — он занял уже иную позицию.

Этим и об'ясняется, что в июле 1883 г. Михайловский утверждал, что В. В. «стоит ближе всего» из всех направлений русской общественной мысли к тому направлению, какое представлено «Отечественными Записками», а в октябре 1893 г. Михайловский уже довольно резко выступил против Воронцова в статье «О народничестве г-на В. В.».

«Форма, выработанная коллективною мыслью народа», которая сделалась основным пунктом воззрений Воронцова, сама по себе еще казалась недостаточна для Михайловского. Н. К. выделял и подчеркивал значение идеалов правды и справедливости. Михайловский предлагал В. В. «расширить свой горизонт» — «или ограничиться исследованием экономических фактов, предоставив не экономические выводы *) другим».

Высказаться с большей ясностью, Михайловский, вследствие цен-

*) Подч. мною—Б. Ф.

зурных условий, не мог, но, защищая основные идеи революционного социализма, Н. К. резко отмежевался от Юзова и Воронцова.

Точно также и Южаков упрекал «народников» *) в равнодушии к заветным мечтам революционного социализма.

«Погибай все — лишь бы спасти экономические устои самостоятельного народного хозяйства» — такова была позиция правого народничества, по мнению Южакова. Но «идеалы справедливости, свободы и просвещения, — говорил Южаков, — и нравственные **) обязанности личности перед обществом и общества перед личностью не должны отодвигаться на задний план ради тех или иных экономических задач».

Ближайшие же экономические задачи правого народничества и сводились к кооперативному строительству, которому революционный социализм для настоящего во имя политических задач готов был об'явить и об'являл анафему.

П. Ф. Якубович (Гриневич) в 1898 г. в «Русском Богатстве» писал, что главная мощь марксизма «в его отрицательной стороне, в той страстной критике, с какой марксизм обрушился на наше современное и устарелое народничество, возложившее все упования на трех китов земли русской (общину, артель и кустарные промыслы) и победоносно успокоившееся на лоне малых дел и симпатичных начинаний».

Как видим, революционный социализм упорно звал на борьбу с самодержавием. Малые дела, какими являлась кооперативная работа, были ненавистны революционерам даже тогда, когда кооператорами являлись близкие друзья, чуть не единомышленники (каким был, напр., В. В.).

---

*) Так называли себя и Юзов, и Воронцов, тогда как Н. К. Михайловский, по его выражению, «отклонял от себя честь именоваться народником».

**) Т. е. революционные—Б. Фр.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

От революции 1905 г. до революции 1917 года.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Под'ем и спад революционной волны.

Начавшееся, в связи с голодом 1891 года, общественное движение в начале XX века приняло массовый характер: волновались студенты, протестовали земцы, педагоги, инженеры, бастовали рабочие, восставали крестьяне, совершались террористические акты, становились ненадежны войска. При таких обстоятельствах самодержавие начало в 1904 году войну с Японией, при чем главную цель этой войны Плеве выразил в известной фразе, сказанной им генералу Куропаткину, который доказывал, что Россия воевать не может: «Победоносная война нам не помешает».

Но, как в дни Николая I, Россия при Николае II потерпела жестокое поражение. Вместе с тем, война не ослабила, а подогрела революционное движение. Плеве был убит Егором Сазоновым по постановлению боевой организации партии с.-р. Поражения на фронте ознаменовались крупными рабочими волнениями, продолжавшимися, несмотря на аресты, ссылки, расстрелы (как было 9-го января 1905 г.). В октябре 1905 года разразилась всеобщая забастовка — и самодержавие пошло на уступки.

Вместо уже обещанной жалкой «Булыгинской» Думы, правительство обнародовало манифест от 17-го октября, в котором Николай пообещал:

«1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3) Установить, как незыблемое правило, чтобы ни один закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа была обеспечена возможность действительного участия в надзоре за законномерностью действий поставленных от нас властей».

Двусмысленные фразы «Манифеста», вроде обещания «допустить» к выборам те классы, которые «совсем лишены» избирательных прав, не говоря ничего об условиях этого допущения, то-есть будет-ли всеобщее право равным, — заставили даже весьма умеренных людей отнестись к «Манифесту» с недоверием. Что же касается революционеров, — в лице социалистов-революционеров и социал-демократов, — то они правильно полагали, что главная цель — свержение царизма — не достигнута, и что борьба продолжается.

В Петрограде и других городах продолжал действовать возникший до «Манифеста» Совет Рабочих Депутатов; для работы в деревне организовался Крестьянский союз. Ноябрьский с'езд Крестьянского Союза поручил Союзу соглашение с рабочими городов, железнодорожными и другими союзами, а также социалистическими организациями, защищающими интересы трудящихся классов.

Для скорейшей передачи земли народу с'езд постановил: «Не покупать совершенно земли у владельцев, не брать в аренду, не входить ни в какие другие земельные договоры с владельцами. В случае, если требования народа не будут удовлетворены, Крестьянский Союз прибегнет к общей забастовке, именно, откажет хозяйствам всех наименований в рабочей силе и закроет их».

Революционное движение продолжалось, несмотря на «Манифест»; точно так же и самодержавие, ограничившись частичной амнистией, действовало по-старому. День опубликования «Манифеста» во многих местах был также днем расстрелов толп безоружных демонстрантов, уверовавших в «конституцию». Печать преследовалась. Аресты и обыски происходили, как прежде. Был арестован и Совет Рабочих Депутатов.

На все эти репрессии революционеры ответили новой забастовкой и московским восстанием. Забастовка оказалась неудачной. Московское декабрьское восстание было подавлено, и с этого момента революционное движение шло уже не в гору, а под гору.

Однако, внешнее впечатление в ту пору было другое. В 1906 году почти открыто велась социалистическая пропаганда — в рабочей среде, в крестьянстве; выходили социалистические газеты; на предвыборных собраниях выступали представители социалистических партий, причем как социалисты-революционеры, так и социал-демократы предлагали бойкотировать выборы в Первую Думу (апрельского созыва 1906 года).

Но бойкот не встретил особенно широкого сочувствия в массах. Сказывалось уже стремление народа к спокойной органической работе.

Тем не менее, последняя явно была немыслима. Как только Дума подошла к вопросу о земле, — правительство разогнало ее, и кадетская (т.-е. либеральная) в своем большинстве Дума обратилась к народу с так называемым Выборгским воззванием, предлагая не платить податей и т. д. Очевидно, что Выборгское воззвание было скрытым призывом к восстанию, нерешительным призывом либералов. Никакого влияния на народ Выборгское воззвание не имело.

Несмотря на упадок революционного энтузиазма, попрежнему социалисты вели упорную агитацию в рабочих и крестьянских массах, в войсках. Партия социалистов-революционеров прибегала к старому методу борьбы — к террору. В Кронштадте и Свеаборге удалось поднять восстания. Но эти попытки, как и другие, окончились все же неудачей.

Народные массы однако, попрежнему сочувствовали социалистам, и во Вторую Думу (февральского созыва 1907 года), несмотря на то, что избирательный закон чрезвычайно ограничивал представительство трудящихся, — послали значительное количество социалистов-революционеров и социал-демократов. Но уже многими сознавалось, что в момент решительной схватки царизма с революционерами народ остается пассивным.

И когда, 3-го июня 1907 года, была разогнана Государственная Дума, когда подверглась аресту вся социал-демократическая фракция, когда и несовершенный избирательный закон был еще ухудшен,— «народ безмолвствовал»...

Июнь 1907 года — это месяц очевидного поражения русской революция; это ее агония. С этого времени начинается тяжелая полоса реакции 1907—1916 годов, когда революционерам пришлось считаться с жалкой третьеиюньской «конституцией»; в той или другой степени, но все же применяться к окружающим условиям. В годы реакции, как мы увидим, русские социалисты вошли в соприкосновение с подлинною, настоящею, существующею кооперацией со всеми ее недостатками.

Но двухлетний период ожесточенной борьбы (октябрь 1905 года— июнь 1907 года) все силы поглощались революционной борьбой. Лишь в конце 1906 года и начале 1907 года более умеренные течения русского социализма (как, например, меньшевики-социал-демократы) обратили внимание на существование кооперации. Но и признав теоретически полезной н е м е д л е н н у ю работу в кооперативах, даже самые умеренные социалисты гораздо больше внимания уделяли чисто-политическим вопросам (партийным, Думе), союзам, клубам, — нежели кооперации.

В эпоху реакции обстоятельства изменились. Но изменились они не потому, что особенно возросли симпатии к существующей кооперации революционных социалистов. Сказать это — значило бы уклониться от истины. Просто обстоятельства сложились так, что нередко единственная организация, в которой удавалось работать социалисту, был кооператив.

Массовыми арестами, ссылками, казнями, провокацией — самодержавие губило всякие попытки создания революционных партийных организаций. В городах закрывались рабочие союзы, клубы; в деревнях не могла возникнуть никакая другая организация, кроме кооперативов.

А кооперативы могли существовать и существовали. Любопытно отметить, что даже политические ссыльные прибегали к услугам кооперативов различных типов — либо уже существующих, либо создавая свои, совершенно своеобразные кооперативы ссылки. Поскольку эти кооперативы носили характер совершенно своеобразный, об'единяя исключительно политических ссыльных,—социалистов, мы на них на некоторое время остановим внимание читателя.

На кооперативных началах был создан ряд товарищеских столовых (в Устьсысольске, Яренске—Вологодской губ.; в Архангельске; в Черном Яру — Астраханской губ. и других городах).

В Яренске и Устьсысольске были организованы мясные кооперативы, причем ссыльные производили покупку быков и коров нередко в отдаленных деревнях.

Вмешательство администрации и препятствия чинимые полицией ссыльным, обычно довольно скоро губили эти начинания. Да и ссылка не могла создавать нормальные кооперативы. На самый скудный обед обычно не хватало правительственного «пособия». Даже весьма дешевое коровье мясо оказывалось не по карману голодающим ссыльным. Тем менее ссыльные могли мечтать о производстве более или менее крупных закупок и заготовок или образовании нормального потребительного общества.

Чаще всего не было денег, чтобы внести хотя бы вступной и паевой взнос в существующее общество.

В 1910 году пишущий эти строки на основании собранных им фактов определил кооперативы ссыльных, как «своеобразную форму **голодной кооперации**».

Кооперативы ссылки, конечно, были только любопытным явлением,—но в истории кооперации **сами по себе** они не могут занять значительного места. Иначе мы должны к ним относиться, если припомним, что административные ссыльные возвращались в Россию. Приобретя некоторый кооперативный опыт, а, главное, практически подходя к **подлинной** кооперации, бывшие ссыльные очень часто

входили в кооперативную работу. И можно было бы назвать не мало имен бывших кооперативных работников ссылки, ныне продолжающих кооперативную работу,—уже в совсем другом масштабе.

Однако, если социалисты окунулись в кооперативную деятельность, то это случилось прежде всего потому, что кооперация за годы реакции чрезвычайно выросла, причем крестьянская кооперация за 1907—16 г.г. превратилась в могучую силу,—хотя еще и неокрепшую.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Рост крестьянской кооперации.

После того как спала революционная волна, крестьянство, разочаровавшееся в скором наделении землей, всю свою энергию направило на кооперативную работу. В кратком очерке мы наметим лишь главные моменты развития крестьянской кооперации за период торжества контрреволюции (по 1914 год) и с начала войны и до февральской революции (июль 1914 г. — февраль 1917 г.).

Посмотрим прежде всего на кредитную кооперацию. К 1905 г. было менее полутора тысяч товариществ (1.413) с полмиллионом членов (564 тыс.) и балансом в шестьдесят миллионов рублей. А к 1914 году товариществ было тринадцать тысяч с восемью миллионами членов (8.224.000) и баланс равнялся шестьсот четырнадцати миллионам рублей. Итак, за девять лет: количество крестьян-кооператоров «кредитников» возросло в шестнадцать раз, число товариществ увеличилось в одиннадцать раз и баланс 1914 г. превзошел баланс 1905 г. в десять раз!

Потребительных обществ, из которых на каждые сто—80 или 85 возникали в деревнях, также появилось, сравнительно с прежним, невиданное количество. С 1865 года по 1905 включительно правительством было утверждено менее двух тысяч уставов (1807). А в 1912 году за один год (вместо сорока одного!) было утверждено почти столько же уставов потребительных обществ (1752). Всего же за восемь лет (1906—13 г.г.) возникло более девяти с половиною тысяч новых обществ.

Вновь открываемые потребительные общества немедленно понижали цену на товары. В Киевской губ. в 1910 году было произведено обследование в местах деятельности 160 кооперативов и оказалось, что стоимость товаров понизилась на 5, 10, 25, даже более процентов вследствие продажи продуктов и других предметов потребления обществами. Такие же сведения сообщались из Нижегородской, Пермской,

Владимирской, Олонецкой, Нижегородской и других губерний. Подобная наглядная польза «потребилок» бросалась в глаза самым малосознательным людям и отчасти усиливала количественный рост потребительных кооперативов и приток членов.

После революции 1905 года начала развиваться и кооперация по сбыту продуктов крестьянского хозяйства. Сбыт хлеба, правда, не налаживался; зато в отдаленных углах России окрепли маслодельные артели.

К 1914 году в одной Сибири было 2.142 артели с количеством членов около двухсот человек на артель; значит, одних сибирских крестьян тогда об'единено оказывалось в маслодельные кооперативы четыреста тысяч человек. Между тем, кроме Сибири, существовали маслодельные артели и в других местах, — так, например, в Вологодской губернии еще в 1912 году было 159 маслодельных артелей.

При содействии артелей крестьяне избавлялись от обирания их скупщиками и много сберегали: вместо 25 копеек за пуд молока получали 50, вместо 52—64. Вдобавок, при артелях нередко устроены были потребительские лавки.

Не так успешно, как кооперативный сбыт молока, перерабатываемого в масло, но все же то здесь, то там наблюдались попытки наладить сбыт и других продуктов. Появились товарищества пчеловодов, огородников, по продаже яиц.

В 1914 году существовало свыше трех тысяч сельско-хозяйственных обществ, об'единявших более двухсот двадцати тысяч членов.

Всего же перед войной русская кооперация состояла из тридцати слишком тысяч организаций с количеством членов, превосходившим десять милл. чел. Кооперация выросла, развилась. Ее обороты исчислялись многими сотнями миллионов, ее участники составляли очень заметное число среди всего населения страны. Ведь на десять миллионов кооперататоров не менее девяти миллионов приходилось крестьян. Все крестьянское население состояло из двадцати, примерно, миллионов дворов. Следовательно, чуть не половина русского крестьянства сплотилась около кооперативов.

От времени до времени в различных губерниях (обычно после долгих утомительных хлопот и—прямо унизительных «ходатайств» перед властями) устраивались с'езды. На эти с'езды крестьяне уже приходили, чувствуя себя хозяевами кооперации, строителями новой жизни. Сказывалась, правда, иногда боязнь «начальства»: в виде ли председателя земской управы, барина-помещика; в виде ли инспектора мелкого кредита или даже союзного инструктора, почитавшагося тоже за «начальство». Однако, если и не часто и не помногу высказываясь, зато вполне сознательно голосуя и давая направление с'ездам, крестьяне после революционного периода не заблужда-

лись больше на свой счет, они уже знали, что кооперация—их детище и существует для них; только громко заявлять об этом при царском правительстве крестьяне стеснялись. Когда же от них зависело, кого поддержать на с'ездах: противников старых порядков или защитников существовавшего тогда строя—чиновников,—крестьяне смело шли против «начальства».

Знаменательный рост крестьянской сознательности сказался и в том, что сельские кооперативы начали заниматься культурно-просветительной деятельностью: то кредитное товарищество выстроит народный дом, то сельско-хозяйственное общество устроит курсы, то потребительное общество порадует ребятишек елкой, то кооператоры, члены маслодельной артели, поставят спектакль или устроют вечеринку. Бывали начинания и посерьезнее: вроде устройства школы (Дзенгелевское кредитное товарищество) или даже собственной гимназии (в с. Каменском, Екатеринославской губ.).

Когда в 1914 году для журнала «Крестьянское Земледелие» член Государственной Думы Д. Д. Старлочанов попытался указать, какие кооперативы занимаются просветительной деятельностью, он составил такую таблицу, которую я и помещаю здесь (добавляя, что, конечно, сведения Д. Д. Старлочанова не могут считаться исчерпывающими всю культурную работу русской кооперации того времени).

Имели библиотеки, читальни или ассигновывали на них	22	кооператива.
Отпускали средства на школьное образование детей.	12	»
Поддерживали просветительные учреждения. . . .	52	»
Устраивали лекции, общеобразоват. экскурсии, спектакли, литературно-музыкальные вечера. . .	43	»
Устраивали развлечения для детей: елки, литературные утра и иные.	25	»
Организовали музыкально-драматические кружки . .	15	»
Имеют кинематограф, граммофон.	12	»
Итого	181	кооператив.

Следовательно, около двусот кооперативов уделяли внимание просветительным начинаниям.

Свою работу русские кооперативы нередко вели совместно, об'единяясь или стараясь об'единиться около сильных союзных центров.

В Сибири представлял крупное значение и вырос в крупную мощную организацию Сибирский Союз маслодельных артелей, об'единивший к 1914 году свыше 500 артелей и имевший за 1913 год оборот около пятнадцати миллионов рублей. Н. В. Чайковский писал про Союз перед войной: «Это теперь самая крупная и сильная союзная организация в русском кооперативном движении... Притом это организация исключи-

тельно крестьянская". Союз приобрел собственный дом, пароход, типографию, стал издавать журнал под названием: „Народная Газета". Когда потребовалось увеличение расходов на издание газеты, крестьяне сказали:—Без газеты нам никак нельзя, это, ведь, все, что мы читаем. Газета нам полезна, без нее не было бы у нас и Союза; дать на нее, чтобы она была еще лучше!

Вырос к 1914 году и Московский Союз потребительных обществ, об'единявший свыше тысячи кооперативов и совершавший оборот около восьми миллионов рублей в год. При Союзе издавалось два журнала: „Союз Потребителей" и „Об'единение"; для проверки качества продуктов Союз обзавелся собственной лабораторией. Большинство кооперативов, входящих в состав союза, было сельских.

В 1912 году кооператорами был открыт Московский Народный Банк, из которого стали брать ссуды все кооперативы, но, конечно, преимущественно деревенские и их союзы. Капитал Московского Банка был образован самими кооперативами, и вклады также составлялись главным образом, из тех сумм, какие доверяли своему банку кооперативы и кооператоры.

Кроме Московского Банка, существовал и ряд других союзных учреждений кооперативного кредита; таковыми являлись союзы кредитных и ссудо-сберегательных товариществ: Киевский, Кубанский, Екатеринбургский, Екатеринославский, Терский, Мелитопольский, Нижегородский, Бердянский, Златоустовский, Плоцкий, Лохвицкий. Баланс этого десятка союзов был совсем невелик и на 1-ое января 1914 года равнялся всего около пяти миллионов рублей.

Союзов было бы значительно больше и деятельность их плодотворнее, если бы царское правительство не чинило им всяких препятствий. Но если правительство еще терпело отдельные кооперативы, то оно чрезвычайно опасалось свободного об'единения кооперативов в союзы. Союзные организации преоставлялись ему какими-то собраниями опасных заговорщиков. Правительственная газета „Россия" очень откровенно об'яснила, что именно поэтому и не разрешают союзов. Напрасно из различных губерний местные люди приезжали в столицу, обивали пороги канцелярий, упрашивали министров... Таким образом, после революции 1905 года только народные силы возросли; правительство же со своей стороны принимало все меры, чтобы кооперация оставалась скованной *).

А тут подходили грозные июльские дни 1914 года, и надвигалась небывалая мировая гроза—война, о которой прежде даже думать боя-

*) Насколько стесняло царское правительство рост кооперации можно судить по тем успехам, какия сделала кооперация после падения самодержавия. К концу 1918 года в России насчитывалось не

лись, и которая казалась многим страшной сказкой, не могущей осуществиться на деле. Но сказка стала действительностью. И ни один искусный выдумщик не рассказывал нам таких диковинных вещей, свидетелями которых всем нам пришлось быть. Все в мире перевернулось, пересоздалось. Какая-же участь постигла крестьянскую кооперацию?

Когда началась война, она отразилась на многих областях жизни, в том числе и на кооперативной деятельности.

В кредитных товариществах вкладчики почти всюду стали требовать свои деньги, и иногда кооператоры „длинными рядами ночевали на улице, чтобы не пропустить очереди".

Прекращение подвоза товаров по железным дорогам поставило в тяжелые условия потребительные общества, которые сначала сдерживали небывалое поднятие цен частными лавочниками. Вдобавок потребители широко пользовались кредитом кооперативов, оптовики же совершенно прекратили отпуск товаров в долг. Одни общества поэтому переживали очень неприятные дни, другие—вовсе позакрывались.

Даже союзные организации дрогнули от налетевшего мирового урагана в виде войны. Народному Банку, в котором кредитуется Московский Союз потребительных обществ, понадобилась ссуда, и лишь с помощью ее всероссийские кооперативные центры вышли из затруднительного положения. Еще хуже пришлось некоторым союзам учреждений мелкого кредита, оставшимся совершенно без средств, в кассу которых не поступали уплаты от должников и новые вклады, тогда как

менее 1.200 союзов. Общее количество кооперативов было не менее 60 тысяч. Из них:

потребительных обществ	25 тыс.
кредитных кооперативов	17 „
сельско-хозяйственных обществ . . .	6 „
„ „ товариществ	2 „
маслодельных и иных артелей, а также прочих кооперативов не менее	10 „

Почти все население России (minimum—²/₃) было заинтересовано в успехах потребит. кооперации. Россия стала **кооперативною страною**.

Чрезвычайно выросло собственное производство—как потребительской, так и кредитной кооперации.

Областныя организации окрепли. Такие центры русской кооперации, как Центросоюз—в области потребительской кооперации и Московский Народный Банк—в области кредитной—приобрели колоссальное значение во всей русской жизни, не только кооперативной.

Революция дала возможность кооперации развернуть свои силы (особенно до тех пор, пока большевики не стали стеснять кооперативную независимость). Но подобный быстрый успех был бы невозможен—без предварительного роста—еще в эпоху реакции.

толпы старых вкладчиков, не успевших получить обратно свои деньги, осаждали союзы...

Как бы то ни было, довольно скоро кооперация исцелилась от лихорадочного состояния нервной горячки и, если не считать кооперативов губерний, в которые вторглись немецкие войска, война не подорвала ее благополучия, наоборот, даже усилила ее.

Сравнительно мало изменилось положение кредитной кооперации. Страну царское правительство переполнило бумажными деньгами, не обеспеченными золотом. Золота у правительства убывало, а бумажных денег все прибывало и прибывало, какое-то «наводнение» получалось! Поэтому недостаток был во многом, за исключением недостатка в деньгах. Даже у бедных людей появлялись деньги, то как плата за работу, то как паек, то, наконец, как цена последней заморенной лошаденки или теленка, проданного «за такие деньги, каких прежде и видеть не приходилось». Крестьянское хозяйство разорялось, людей убивали, калечили, — а бумажных денег прибывало и прибывало... В денежном кредите крестьяне перестали нуждаться и особенно успешно развиваться кредитная кооперация не могла.

Тем не менее, на 1 января 1917 года, существовало более шестнадцати тысяч кредитных и ссудо-сберегательных товариществ с десятью с половиною миллионами членов.

Казалось бы, что во время войны могли развиться кооперации по сбыту. Ведь многомиллионные, вернее, миллиардные поставки на армию таких продуктов, как хлеб, мясо, сало, сено,—откуда идут? Из деревни. Скупщики приобретают от крестьян эти продукты и уже перепродают подрядчикам, поставляющим на армию. Почему-же крестьянам было не сорганизоваться в кооперативы для поставки или приспособить существующие кооперативы для сбыта? Тогда армия дешевле и лучше продукты бы получила (не испорченные поставщиками), а крестьяне не заплатили бы посредникам.

Так сначала кооператоры и решили поступать. Но царские интенданты и чиновники, нередко получавшие взятки, обычно предпочитали иметь дело с помещиками и, особенно, с торговцами.

Тем не менее, Сибирский Союз маслодельных артелей и некоторые другие кооперативные организации имели кое-какие поставки на армию.

Однако, особого размаха кооперации по сбыту не наблюдалось, а старая работа шла, как раньше, даже развивалась.

Продолжала свою прежнюю работу маслодельная кооперация, хотя из-за убыли коров, многие маслодельные артели уменьшились или позакрывались. Все же оборот Сибирского Союза за 1916 год возрос до 80 миллионов рублей. Развернулась деятельность Вологодского Общества Сельского Хозяйства.

Из новых организаций по сбыту заслуживало внимания Центральное Товарищество Льноводов, возникшее лишь осенью 1915 года и все же на 1-ое июля 1916 г. уже об'единявшее 20 союзов и 82 отдельных кооператива. В 15 льноводных губерниях свыше 150 тысяч льноводов были об'единены в Товарищество и за первые же 8½ месяцев деятельности, оборот молодого Товарищества превысил полтора миллиона рублей.

Но нужно согласиться, что при тех миллиардных оборотах, какие знает сельское хозяйство Россия, миллионные поставки русской кооперации были еще ничтожны и за время войны их особого заметного увеличения не произошло.

Гораздо быстрее был рост потребительных обществ. Перед войной мы считали десять тысяч обществ с полутора миллионами членов, а на 1-ое января 1917 года насчитывалось не менее двадцати тысяч обществ с пятью (приблизительно) миллионами членов. Другими словами, за три года количество потребительных обществ удвоилось, а число членов возросло более, нежели в три раза. Оборот потребительской кооперации, который до войны исчислялся в четверть миллиарда рублей, уже значительно перевалил за миллиард рублей.

Особенно же сказалось усиление потребительской кооперации в развитии собственного производства и росте союзных об'единений. Пока общество слабо, оно имеет только одну лавочку; когда же становится сильнее, у него появляется своя хлебопекарня, мясное отделение, какая-либо мастерская. И за время войны у довольно многих обществ появились собственные предприятия.

Почти повсеместно об'единялись потребительные общества в союзы: районные (местные, уездные), областные (нескольких губерний) и, наконец, в Московский Союз, который стал поистине всероссийским, принимая в свой состав об'единения, различные союзы потребительских кооперативов. Московский Союз сделался мощным учреждением, за 1916 год совершил оборот в 86 миллионов рублей и к 1 января 1917 года насчитывал свыше 3.000 организаций, примкнувших к нему.

Неудивительно, что при таком обороте и развитии деятельности Московский Союз владел химически-развесочной, махорочной, кондитерской, спичечной фабриками, собственной мельницей и развивает свою работу в данном направлении.

Польза об'единений стала чрезвычайно ясна для наших потребительных обществ и около двенадцати тысяч потребительских кооперативов (преимущественно сельских) примыкают к тому или другому союзу.

Возросло и количество союзов кредитных кооперативов, которых на 15 июля 1916 г. насчитывалось 65. Всех же союзных об'единений к 1 января 1917 года можно было считать не менее 400.

У сельских кооперативов или у их союзов появились собственные заводы, пароходы, дома.

Но не только имущественно богаче стала русская кооперация, весьма увеличилось и значение ее. Дело продовольствия не редко земства осуществляли с помощью потребительных обществ, распределяя продукты среди населения при помощи сельских кооператоров.

Еще до того, как помещичье земство признало силу наших организаций, сами по себе кооперативы различных видов по доброй воле взяли на себя не легкую обязанность помощи жертвам войны. Обработка полей призванных, забота о ребятах, всякие сборы, устройство лазаретов для раненых, безпокойство об увечных вообще широкая „мирткая помощь", богатая не деньгами, а человечностью, товарищескими приветом угнетенным и страдающим, — была непрерывным сворческим делом русской кооперации.

И не даром крестьянство прошло школу дружной работы в товариществах и обществах. Интересы в с е г о т р у д о в о г о н а р о д а, а не только „своей" деревни и личные, стали близки кооператорам.

Поэтому, когда в годы войны особенно ясны были преступления царскаго правительства, кагда начала всеми сознаваться необходимость новой революции (или продолжение революции 1905 года), громко среди других голосов зазвучали голоса крестьян-кооператоров.

На с'езде в Вологде осенью 1915 года, собравщем представителей кооперативов девяти северных губерний, одни за другими выходили на кафедру ораторы крестьяне и рассказывали случаи из своей жизни, причем смысл всех рассказов сводился к одному:

— Так дольше жить нельзя!

Особенно сильное впечатление произвела на многих речь немолодого крестьянина, который говорил:

— Я — человек больной. Меня доктор предупреждал: „не ездите на с'езд, у вас сердце слабое, можете помереть..." Не я поехал. Решил поехать сказать правду, а там хоть смерть!

Близко принимали к сердцу кооператоры народныя страдания, потому что сами были кость от кости того-же самого трудового народа, который страдал и мучился. Когда же пал не навистный строй, когда совершилась революция 1917 года, в перестройке России сразу кооператоры оказались деятельными творцами. То, что за самую различную работу (по продовольствию, по местному самоуправлению, политическую) взялись кооператоры, показало, какую недостаточную представлялась многим из них даже большая кооперативная деятельность, которую удавалось осуществлять еще до революции. Но несомненно, — значительно больше уже сделала бы русская кооперация, если бы только могла свободно развиватся.

Как же относились социалисты к крестьянской кооперации?

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Работа социалистов среди крестьянства.

Партии, верившие в то, что крестьянство может воспринимать социалистические идеи, уделили внимание сельской кооперации. Но в пору революционного под'ема интерес к кооперации был преимущественно теоретический, причем кооперативная деятельность рассматривалась как работа социалистов после того, как установятся новые общественные взаимоотношения.

Социалисты революционеры подходили к вопросу о кооперативном строительстве в связи с проблемой социализации земли. В сборнике „Социализация земли“ И. Вихляев писал, что кооперативное движение в русской деревне „в настоящее время представляется очень слабым, за совершенным отсутствием необходимых для этого политических условий“. Приводя ряд фактов, свидетельствующих о значительном росте кооперативных организаций на Западе. Вихляев утверждал, что при иных политических условиях кооперативные учреждения России и при капиталистическом строе могли бы быть „вернейшим средством к ограничению торгово ростовщических функций капитала“.

Что касается коллективной обработки земли, то социализация земли не прикрепляет отдельной личности к общине. Поэтому она не предполагает обязательно общественно-кооперативной формы хозяйства. Но при наличии известного количества желающих открывается „возможность к воскрешению крупного производства в кооперативно-артельной оболочке. Крупные последствия подобного социального преобразования едва ли требует доказательства, так как в кооперативном земледельческом производстве об'единяются все выгоды крупного и мелкого хозяйства“.

Как видим для Вихляева в 1907 г., т. е. в пору революционного под'ема, крестьянская кооперация — дело будущего, когда создаются нормальные политические условия и будут осуществовляться социализация земли.

Однако, вместо нормальных политических условий воцарилась реакция; социализация земли оказалась отдвинута в неопределенное будущее... Революция 1905 года потерпела поражение, а деревенская кооперация начала быстро расти.

По мере того, как росла крестьянская кооперация, и все вос растало количество участников крестьянской кооперации, увеличивалось и число социалистов, видевших в кооперации своего рода „общественную отдушину“. Многие не сразу могли отказаться от некоторого революционного предубеждения против кооперативной работы. Но либо

именно вследствие своего неверия, для того, чтобы основательнее изучить недостатки кооперации; либо под влиянием необходимости служить в кооперации, пользоваться услугами кооператива, не один «скептик»-революционер подошел к кооперативному делу... и втянулся в прозаическую будничную работу. Безвременье, упадок революционного настроения в массах все отодвигали в какую-то туманную даль такие вопросы, как вооруженное восстание, боевая подготовка, революционное разрешение аграрного вопроса. В. М. Чернов в статье «Социализация земли, как тактическая проблема» отметил, что в эпоху торжества контр-революции в эс-эровских кругах наблюдалось «видимое ослабление интереса к аграрному вопросу»; «центр тяжести партийного внимания, — писал Чернов, — перемещается в другие сферы: рабочего, национального, кооперативного вопроса».

Партия социалистов-революционеров на Лондонской конференции признала, что кооперативное движение, подобно профессиональному и политическому, является необходимым условием раскрепощения трудящихся. Каждой из вышеуказанных ветвей общественного движения должна быть предоставлена полная автономия; в виду же все растущего общего поля интересов необходима координация действий на основании равноправия; подобная координация впоследствии может развиться в федеративное единство всех сил рабочего класса.

Но, несмотря на резолюцию Лондонской конференции, нельзя назвать ту кооперативную работу, какую вышоняли в 1908—16 г.г. социалисты-революционеры, партийной работой. Чаще всего всякий с.-р.-кооператор работал за собственный страх и на свой риск. Тем не менее разбросанные и рассеянные не только по всей России, но и в Сибири (находясь в ссылке или на поселении), прежние члены боевых дружин, террористы, «аграрники» эс-эры вели деятельную работу в крестьянстве, участвуя в различных кооперативных организациях. Можно перечислить целый ряд видных кооперативных работников 1908—16 г.г., являвшихся эс-эрами, впоследствии членов Учредительного Собрания от партии эс-эров. Так, напр., С. Л. Маслов, Г. А. Мартюшин, С. С. Маслов, Л. Арманд, А. Николаев, Ф. Ф. Федорович и многие другие. Не будет особым преувеличением, если мы скажем, что $^{9}/_{10}$ социалистов-революционеров, находившихся на воле (а не на каторге или в тюрьме) и в России (а не заграницей), принимали то или иное участие в кооперативной пропаганде. Недостатки кооперации получали правильное освещение; идеалы же кооперации были тою путеводною звездою, идя за которой сами, эс-эры звали идти и широкие массы кооператоров.

То внимание, какое уделяли социалисты-революционеры кооперации, нашло отражение и в эс-эровском журнале «Заветы», в котором многие сотрудники (Л. С. Зак, Н. Гиммер, Б. Воронов, В. Лагунов

и др.) останавливались на роли кооперации. Мнения, правда, высказывались при этом самые различные. Н. Гиммер, напр., утверждал, якобы, благодаря успехам кооперации, крестьянству социализм станет ненужен, и «классом социалистическим» останется «один пролетариат». Воронов же, наоборот, говорил, что в городской потребительской кооперации, об'единяющей различные слои населения, скорее возобладают «идеи социального мира и кооперативизма». Крестьянская же кооперация «находится в том же, mutatis mutandis, положении, что и русская община, т. е. организует трудовое крестьянство для борьбы за социализм».

Необходимо отметить следующее: хотя сотрудники «Заветов», говоря о кооперации, и имели в виду, что дальнейшее успешное развитие крестьянской кооперации явится результатом иных политических условий, тем не менее обычно они исходили от уже существующей, действительной, а не грядущей кооперации. В этом отношении теоретическая позиция эс-эров второго десятилетия XX-го века существенно отличалась не только от позиции революционных социалистов 70-х и 80-х годов, но и от той оценки значения кооперации, какая в начале XX-го века делалась «Революционной Россией».

Несомненно, что изменившиеся теоретические взгляды — результат изменившейся тактики: практического участия многих социалистов-революционеров в кооперативной работе.

Кроме социалистов-революционеров, в кооперативном движении принимали участие многие трудовики. На всероссийском кооперативном с'езде 1912 года, по предложению трудовика П. Б. Шимановского, была принята резолюция, констатировавшая, что нормальное и успешное развитие кооперативных организаций в России возможно лишь при условии наличности элементарных правовых, социальных и политических норм для сельского крестьянского населения, которых, к сожалению, эта часть населения лишена. Выступление П. Б. Шимановского носило определенно политический характер,—и в свое время имело общественное значение, так как создало некоторое оживление на с'езде и было отмечено чуть не всею кооперативною прессою и многими органами общей печати.

Тем же П. Б. Шимановским издавался журнал «Крестьянское Земледелие», в котором сотрудничали многие члены Государственной Думы—трудовики (Дзюбинский, Старлочанов и другие).

В своих статьях депутаты-трудовики неоднократно отмечали значение кооперации. Так, в № 1 «Крестьянского Земледелия» за 1914 г. депутат Н. Янушкевич писал:

«Характерной чертой всего деревенского уклада в России, начиная от крепостного времени, это было упование крестьянства на чью-то посторонюю помощь, на чье-то руководство, на чью-то опеку. Но в этом

не его вина. Его систематически приучали к этому взгляду. По мнению правительства, земства и даже многих либеральных деятелей, крестьянину нельзя предоставить самому устраивать свои дела, ему нужна опека, ему надо чье-то руководство; он является опасным зверем, и его надо держать в черном некультурном теле...

«Но вот среди этого класса пружеников, среди этих глухих поселков начинается новая жизнь. Сознание, что дальше так жить нельзя, что опека убивает всякую самодеятельность, что жизнь надо устраивать самим, не ожидая посторонней помощи, проникает в деревню, растут ее сознательные элементы, растет ее общественная жизнь.

«Почти устраненное от государственного и местного самоуправления, крестьянство начинает обходным путем развивать общественность, присоединяться к культуре. Оно организуется в кооперативы. Здесь не только хозяйственные интересы, но и культурно-просветительная деятельность и организационная работа.

«Конечно, это крестьянское движение еще не значительно, корни его быть может не так еще глубоки. Возлагать только на него надежды быть может и преждевременно, но во всяком случае движение разливается, захватывает все новые и новые круги, растет армия сознательных крестьян, растет самодеятельность, растет организованность».

Приведенные нами факты из деятельности с.-р. и трудовиков, конечно, не свидетельствуют о том, что кооперативной работе уделяли внимание партийные организации. Чаще всего дело сводилось к почину по собственной инициативе какого-либо с.-р-а, или трудовика; иногда тому или иному выступлению предшествовало совещание нескольких с.-р'ов или трудовиков... Но в годы торжества контр-революции партийная деятельность социалистических организаций вообще была незначительной.

Что же касается одиночек с.-р.'ов и трудовиков, или небольших товарищеских кружков—эс-эровских и трудовических,—то их участие в крестьянской кооперации было весьма значительным и принесло существенную пользу. Многие кооперативные организации (особенно союзы), были созданы энергией социалистов; ряд кооперативных и сельско-хозяйственных журналов (с кооперативными отделами)—детища стосковавшихся по живому делу революционеров, общие собрания и особенно с'езды, нередко проходили под руководством социалистов, создававших соответствующее настроение

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Городская и рабочая кооперация.

Из всех видов кооперации наиболее благосклонно царское правительство относилось к городским потребительным обществам, объединяющим преимущественно интеллигенцию. За все время существования этих кооперативов, пожалуй, никогда они не подвергались свирепым гонениям; даже в восьмидесятые годы будочник Мымрецов их не тревожил. И надо отдать справедливость городским обществам, что после кратковременной поры либерализма в шестидесятых годах, потребительские лавочки горожан ушли исключительно в торговлю и не выказывали никакой охоты проявлять себя к о о п е р а т и в а м и, преследующими какие-то «отдаленные цели».

Однако, обычно случалось, что результатом подобного узкого практицизма бывало, что и практические задачи обществом осуществлялись плохо: торговля шла неважно, продукты бывали дороги, товар—второсортный, прибыли никакой... Но и тогда, когда общество превращалось в предприятие с миллионными оборотами, собственными мастерскими, многочисленными лавками,—все равно о б щ е с т в о не становилось кооперативом. Крупные офицерские общества (вроде бывшего Гвардейского экономического общества) служили лучшим примером того, что один материальный успех еще недостаточен.

Правда, офицерские общества находились в исключительно неблагоприятных условиях вследствие подчиненного командному составу положения младшего офицерства вообще,—но и остальные городские общества, с чиновничьим и интеллигентским составом, не далеко ушли от них.

Рабочие оставались вне обществ городской интеллигенции,—отчасти в виду определенно-интеллигентского состава лавочек, а, главным образом, потому, что обычно общества помещаются в центре города, а не в рабочих кварталах. Рабочим окраинам нужны были с в о и л а в к и. И вот под видом кооперативных лавок трудящимся преподносили фабрично-заводские общества,—во главе которых стояла администрация предприятий и угодные ей люди.

Так как со времени революции 1905 года, единственная форма (изуродованная) рабочей кооперации были фабрично-заводские общества, то рабочий класс сначала выразил желание реформировать лавки-«грабиловки» (так называли рабочие общества, вместо «потребиловки»). В начале февраля 1907 года, напр., московская областная конференция союзов рабочих по металлу, приняла следующую резолюцию:

«Признавая потребительные общества, построенные на рациональных основаниях, учреждениями, полезными для рабочего класса, конференция рекомендует профессиональным союзам оказывать содействие возникновению демократических потребительных обществ и р е о р г а н и з а ц и и с у щ е с т в у ю щ и х, проводя в тех и в других:

1) исключение предпринимательски-капиталистического начала;

2) полную общедоступность для всех трудящихся;

3) тесную внутреннюю связь потребительных обществ с профессиональным органом;

4) об'единение обществ в союзы;

5) начало наличного расчета, гарантирующее независимость потребительных обществ, как рабочих организаций».

Но наступившая реакция укрепила положение зависимых обществ, выгодных капиталистам. Вместе с тем, и в рабочей среде существовало настроение, что не стоит вливать новое вино в старые мехи.— и уже в 1906 г. начали возникать независимые рабочие кооперативы — на окраинах городов, в пролетарских кварталах, с преобладающим составом рабочих и руководимые представителями рабочих.

Наиболее известным рабочим кооперативом этого времени был петербургский «Трудовой Союз», начавший свою деятельность осенью 1906 года. «Трудовой Союз» приобрел пекарню,—прекрасно оборудованную,—и открыл ряд лавок: за Невской заставой, на Васильевском острове, на Выборгской стороне, на Петроградской,—вообще в различных районах города, где живут рабочие. В конце 1907 года, в «Трудовом Союзе» состояло свыше 9 тысяч членов,—к услугам которых было 19 лавок, главная механическая пекарня и несколько районных пекарен.

Однако, быстрый рост «Трудового Союза» и повлек за собою гибель этого кооператива; у руководителей его не было соответствующих навыков для ведения большого торгового дела, а ненависть торговцев и правительственный сыск вместо того, чтобы «распыляться» на ряд кооперативных организаций, сконцентрировались на одном «Трудовом Союзе». Отсюда—интриги торговцев и репрессии полиции, окончательно погубившие рабочий кооператив.

Пример «Трудового Союза» еще не успел вызвать достаточное количество подражаний в провинции, как усилившаяся с конца 1907 г. реакция сделала почти совершенно невозможным возникновение независимых рабочих кооперативов. Да и сами рабочие не тратили значительной энергии на создание кооперативов (хотя бы в той мере, как на организацию профессиональных союзов, весьма неохотно разрешаемых и закрываемых администрацией почти немедленно по своем возникновении). Даже тогда, когда получить разрешение от губерна-

торов на открытие потребительного общества рабочим стало сравнительно легко (т. е. примерно с 1910—11 г.г.), независимых обществ возникало очень немного. Вдобавок, и существующие общества отличались сравнительным количеством членов (300—500) и весьма скромными оборотами. В Петрограде в начале 1914 г. имелось всего 8 рабочих кооперативов с общим числом членов не свыше 2—3 тысяч.

Лишь война резко видоизменила картину. Под влиянием сокращения продуктов и возрастающей дороговизны, городское население бросилось к кооперации, желая в ней найти утешение и облегчение горькой участи. Нелепая мысль, якобы, продовольственный кризис может быть разрешен кооперацией, и будто бы кооперация в состоянии справиться с дороговизной,—родила городскую кооперацию,—как Минерва родилась из головы Юпитера. Но хотя Минерва растерявшихся горожан особою мудростью не отличалась, тем не менее жизнь показала самым легкомысленным людям, что общественная торговля, не будучи всесильной, все же лучше частной. Кооперацию ругали, но в кооперативы шли.

Так почти все городское население России оказалось об'единенным в кооперативы. Выросли крупные общества с 8—10 тысячами членов, иногда (в столицах) с 40—50 тысячами. Огромный процент участников городских обществ составляли рабочие. На окраинах укреплялась независимая рабочая кооперация.

Подобно тому, как многие социалисты не уклонялись от работы в крестьянских кооперативах,—еще значительнее оказалось их участие в городской кооперации. Мы знаем уже отношение партии с.-р. к кооперации. Мы помним, что иные социалисты-революционеры (подобно Н. Гиммеру, который в данном вопросе не был одинок) полагали, что именно рабочая кооперация дает возможность социалистической пропаганды.

Еще до того, как в городах наступила «кооперативная тяга», т. е. до войны, В. М. Чернов в статье «Кооперация и социализм» остановился на вопросе, какое значение может иметь рабочее потребительное общество в деле борьбы за социализм.

«Обсуждая вопрос о кооперации и социализме,—писал Чернов,—нужно смотреть не столько на то, чем кооперация является, сколько на то, чем она становится».

По мнению В. М. Чернова, в своем развитии профессиональное, политическое и кооперативное движение сольются вместе. «Но все три вида организации только потому и могут слиться в этом одном общем русле, что каждая из них в самой себе носит жизненную тенденцию к развитию в высшие формы, все полнее и полнее воплощающие принципы трудовой демократии». Необходима «внепартийная постановка организации кооперативов и профессиональных союзов», кото-

рая даст ту широту охвата масс, без которого экономическая организация рабочего класса лишается всякого значения». Таким путем можно придти «к могучему федеративному триединству всех основных форм организации рабочего класса: политической, профессиональной и кооперативной».

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Российская социалдемократия.

В пору революционного под'ема, когда судьба освободительного движения оказалась в руках крестьянства, а пролетариат себя выявил лишь героическим застрельщиком,—социалдемократия пересмотрела свою аграрную программу. Вместо «отрезков», каковыми предполагали нарезать с.-д. наделять крестьян,—об'единительный Стокгольмский с'езд Р. С. Д. Р. П. (на котором об'единились в одну партию «большевики» и «меньшевики»), в 1906 г. принял муниципализацию, при которой частная собственность на землю сохраняется для лиц, владеющих небольшими участками земли. Что же касается того количества земли, какое превышает максимум, установленный местным самоуправлением,—то эта земля переходит в собственность муниципалитета. Доход, получаемый от этой земли, поступает в кассу местного самоуправления. «Вопрос о том, куда будут направлены средства, получаемые таким образом,—пишет П. П. Маслов,—зависит уже от классовой борьбы, которая является неизбежной при всех формах обложения».

Муниципализация, таким образом, имеет в виду не передачу крестьянам земель, но конфискацию крупных земельных участков, причем доходы, получаемые от сдачи в аренду этих участков, идут в распоряжение крупных органов местного самоуправления, так что рабочий класс городов может получать непосредственные выгоды от муниципализации. Данное обстоятельство обычно особенно подчеркивалось социал-демократами.

Таким образом, даже при разрешении аграрного вопроса социалдемократия имела в виду прежде всего интересы пролетариата. Крестьянство же—мелкобуржуазная масса, беднейшая часть которой обречена на пролетаризацию, а более зажиточная постепенно преобразовывается в сельскую буржуазию, борющуюся с пролетариатом и враждебно относящуюся к социалистическому движению.

Считалось, что крестьянская кооперация об'единяет именно более зажиточные слои деревни и поэтому крестьянская кооперация оценивалась, как мелкобуржуазная. Всероссийский с'езд кредитной и сельско-

хозяйственной кооперации (1912 года) меньшевистский журнал «Наша Заря» назвал «С'ездом мелкобуржуазной кооперации».

«Интерес с'езда,—писал М. Брагин,—состоял в том, что на нем можно было увидеть и ощутить нарождающуюся в деревне, и в городе новую силу—экономически организующуюся мелкую буржуазию со всеми ее характерными особенностями, свойственными этому классу. Развитие кредитной кооперации подвинулось вперед, главным образом, за последние 6—7 лет. Почву для нее подготовили события 1904—5 и последующих годов, революционная встряска привела к самодеятельности и мелкую буржуазию, выбитую из колеи промышленным кризисом в городах и переворотом внутренних отношений в деревне (закон 9 ноября). Кредитная кооперация расцветает пышным цветом не только потому, что она отвечает жизненной потребности мелкой буржуазии в дешевом мелком кредите, но и потому, что обновленное правительство не прочь опереться на эту силу».

К. Дмитриев в том же журнале указывал, что «сельская (потребительская) кооперация тесными узами связана с другими формами крестьянской кооперации. В отличие от горожанина, крестьянин в кооперации выступает не только, как потребитель, но и как производитель товаров. Он заинтересован, таким образом, не только в удешевлении потребления, но, может быть, в еще большей степени, в повышении цен на производимые им продукты. Это двоедушие крестьянской кооперации не может не привести ее рано или поздно к конфликту с городской потребительской кооперацией» *).

Таким образом, крестьянская кооперация об'являлась даже «правым» крылом социал-демократии—не социалистическою, мелкобуржуазною, враждебною не только рабочему движению, но и всей городской кооперации. Такова была позиция меньшевиков, даже тогда, когда соц.-дем. уже приступили к работе в городских рабочих кооперативах.

Что касается кооперации рабочего класса, то социал-демократия на стокгольмском с'езде 1906 года совершенно ею не занималась. Но в 1906—7 г.г. растущее рабочее кооперативное движение, в Петрограде вылившееся в создание «Трудового Союза», заставило занять ту или иную позицию. Подавляющее большинство большевиков относилось к рабочей потребительской кооперации отрицательно, доказывая, будто участие в потребительных обществах понижает революционность пролетариев и отвлекает их внимание от боевой подготовки, необходимой для вооруженного восстания. Кроме того, большевики видели в кооперации «уступку капиталу», которая не может быть «рекомендована пролетариату». Меньшевики же, хотя и с различными оговорками, все

---

*) Заметки о потребительской кооперации — «Наша Заря», 1912 г., V-VI.

же советовали рабочим идти в потребительные общества. Лондонский с'езд Р. С. Д. Р. П., состоявшийся весной 1907 года, разрешил споры меньшевиков и большевиков принятием в одной из резолюций пункта, в котором, между прочим, говорилось и о кооперации. «В деле защиты и обслуживания экономических интересов рабочих масс,—читаем—мы, кроме социал-демократической партии, главной формой организации являются профессиональные союзы и вслед за ними другие виды рабочей организации, как-то: кооперативы и т. д.». Как видим, кооперации было уделено не много внимания,—да вдобавок большевики еще сделали кооперативную декларацию такого сорта: «Начинается кооперативное движение,—заявили они,—в которое вовлекаются разные слои рабочих; мы, несмотря на особенный характер этого движения, поддержим его».

Несомненно, что изменившееся отношение к кооперации большевиков об'яснялось упадком революционного настроения. Вскоре после Лондонского с'езда имели место разгон Думы и безмолвие масс, достаточно убедительное даже для тех, кто пользовался революционными лозунгами по прежнему. Социал-демократии в целом, в том числе и большевикам, пришлось большее внимание уделить кооперации.

Начиная со второй половины 1907 года все чаще рабочая пресса (преимущественно профессиональные журналы) дает место статьям социал-демократов—чаще всего меньшевиков—посвященным кооперации.

Меньшевистская точка зрения того времени лучше всего была изложена М. Брагиным в следующих строках:

«Те, которые ставят кооперативы на одну доску с политическою партиею и профессиональными союзами, показывают, что они не понимают сущности различных форм пролетарского движения. Коренное различие между этими тремя организациями состоит в том, что одни из них—политическая партия рабочего класса и профессиональные союзы—являются организациями классовой борьбы, в то время как кооперативы классовой борьбы не ведут». «Но нельзя отрицать и ту, правда, скромную роль, которую они могут сыграть для пролетариата. Кооперативы (мы имеем в виду потребительные общества) являются прежде всего массовыми организациями; они притягивают к себе даже наиболее отсталые слои, стоящие вдали от политического и профессионального движения: они втягивают в круг рабочих интересов и женщин, до сих пор не принимавших [illegible] никакого участия в общем движении. Пусть эти интересы сначала [illegible] особенно возвышены, но они постепенно расширяются: от орг[illegible]вок кооператив переходит к организации производительных отделений и к осуществлению культурных задач; здесь выплывает масса вопросов, требующих ответа у всей массы; при правильной постановке здесь не может не развиться само-

деятельность; участвуя в выборах, в обсуждении различных вопросов, связанных с кооперативным делом, масса приучается к организации, воспитывается, сплачивается».

Общий тон всех меньшевистских статей, всех выступлений меньшевиков на рабочих собраниях и с'ездах сводился к следующему: кооперация—второстепенное и даже третьестепенное оружие в руках рабочего класса; не надо думать, будто с помощью кооперации «царство будущего придет как бы само собою»; «кооперация не имеет значения всеисцеляющего средства,—но она является одной из форм рабочего движения и рядом с ними может послужить»; «из всех видов кооперативных организаций т о л ь к о о б щ е с т в а п о т р е б и т е л е й могут иметь крупное значение для рабочего класса».

Признание значения для рабочего класса и с к л ю ч и т е л ь н о за потребительской кооперацией является также характерным для позиции меньшевиков. Поэтому, когда наступило, под влиянием безработицы, среди рабочих Петрограда и Москвы увлечение производительными товариществами,—меньшевики упорно боролись с подобным настроением.

Большевики, подошедшие также к кооперативному движению (правильнее сказать, в о в л е ч е н н ы е в него рабочими-кооператорами), в значительной мере разделяя взгляды меньшевиков, еще резче подчеркивали необходимость «осторожного» отношения к кооперативам.

В сборнике «О веяниях времени» большевики дали место статье Георгия Эрва: «Всероссийский кооперативный с'езд и профессиональные союзы». Автор статьи отвечал общему настроению большевистского сборника и закончил статью следующими предложениями, обращенными к союзам: «Наши задачи на с'езде,—говорил он,—отстаивание интересов профессиональных союзов в плоскостях их соприкосновения с потребительными обществами, проведение линии пролетарского демократизма в вопросах кооперативного строительства и текущей деятельности кооперативов, защита труда служащих и рабочих кооперативов, намечение возможной совместной деятельности и отношений между профессиональными союзами и кооперативными обществами и, наконец, общая задача, которой подчинены все остальные: возможно более тесное сближение профессионального и кооперативного движения». Трудно в этих пожеланиях (как и во всей статье) усмотреть что-либо расходящееся с общей позицией большевизма. Однако, статья Г. Эрва появилась со следующим редакционным примечанием: «В виду серьезного значения подготовляющегося с'езда кооперативных обществ и в виду естественного к нему интереса среди читателей, редакция считает нужным в качестве материала для дискуссии, дать место статье Георгия Эрва, хотя далеко

не разделяет всех соображений в ней развитых. Мнение редакции сборника выражено в статье Г. Линдава (сборник «Текущая Жизнь»).

Но как бы старательно ни подчеркивали свое скептическое отношение к рабочей кооперации большевики, все же в годы реакции многим из них пришлось заняться кооперативной деятельностью: особенно трудно было не втянуться в кооперативную работу рабочим. В практической деятельности между большевиками и меньшевиками сглаживались разногласия и наметилась общая позиция с.-д. по отношению к кооперации, примерно такая:

1) крестьянская кооперация—мелкобуржуазная и враждебная социалистическому движению;

2) из рабочих кооперативов жизнеспособны только потребительные общества, но рабочие общества должны находиться в тесной связи с профессиональными союзами и во главе их должны стоять социал-демократы;

3) рабочая потребительская кооперация, поскольку ей свойственны социалистические идеалы, должна вести самостоятельное существование от кооперативов, созданных другими классами общества.

На всероссийском кооперативном с'езде 1913 года группа делегатов рабочих потребительских обществ внесла заявление, в котором говорилось:

«Кооперативное движение, как свидетельствует и практика западно-европейской кооперации, для своего нормального развития необходимо должно об'единять однородные по классовому и социальному составу слои населения... Московский Союз, об'единяющий совершенно различные слои, не может поэтому удовлетворять рабочую потребительскую кооперацию, имеющую свои особые задачи и тактику, вытекающие из общих условий существования рабочего класса; делегаты рабочих потребительных обществ, в интересах рабочей потребительской кооперации, считает необходимым стремиться к созданию своего самостоятельного, независимого центрального союза, построенного на основах демократического централизма».

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Накануне.

Успехи кооперативного движения после 1905 года могли казаться (и казались очень многим!) «чудом», — потому что недостаточно учитывались как общинно-артельные навыки русского крестьянства, так и основные идеи русского социализма, воспринимавшиеся не только социалистами, но и широкими кругами русской интеллигенции, сочувственно относившимися к революционному движению.

Тот интерес, какой проявила русская интеллигенция к кооперации, обусловливался двумя причинами: во-первых, невозможностью активной демократической творческой работы на другом поприще и, во-вторых, идейным сочувствием к взаимопомощи, к сотрудничеству; к общине, к артели, к кооперации.

Крестьянство, которое до 1905 года проявляло лишь склонность к кооперации, после революции отдалось делу кооперативного строительства. Правда, крестьянство XX-го века оказалось уже и значительно грамотнее, нежели крестьянство 70-х и 80-х годов, получило общественное воспитание (причем огромный урок общественного воспитания дала революция 1905 года), — однако, не будь общинного и артельного прошлого у русского народа, кооперативная жизнь с такою быстротою не охватила бы сначала трети или половины, а затем (во время войны) чуть не всей России.

В тяжелые годы войны кооперативное увлечение стало чуть ли не всеобщим уделом. Но кто же хладнокровнее всех относился к этому увлечению? Кто из участников кооперативного движения — «жег печатью рока всё то, к чему ни прикасался?»

— Социалисты.

И так поступали не только марксисты, но и воспитанники русского социализма, социалисты-революционеры.

Хладнокровное, точнее сказать — критическое отношение к кооперации социалистов объяснялось вовсе не тем, что их «взор надежду губит, [illegible] разносит». Социалисты [illegible] народных масс и широких интеллигентских кругов знали, что всестороннего гармонического развития своего при существовании теперешней «конституции» кооперация достигнуть не может. Русский социализм, даже придя в соприкосновение с реально существующей кооперацией, чувствовал тяготение к старой формуле революционного социализма:

— Сначала революция, а после кооперация!

Факты кооперативной действительности, несмотря на количественный рост кооперации (числа организаций, предприятий, членов, оборотов и т. д.), в значительной мере как бы подтверждали правильность точки зрения революционных социалистов «доброго старого времени».

Прежде всего кооперация не была свободной. Она находилась под постоянным надзором полиции, инспекции мелкого кредита и всяких иных «чинов». Разрешение кооперативов попрежнему зависело от произвола местных властей. Кооперативного закона, разрешающего явочный порядок открытия кооперативов и союза, кооператорам никак не удавалось добиться. Союзы до войны почти совершенно не разрешались. Культурно-просветительная деятельность не только тормозилась; очень часто она становилась совершенно невозможной.

В области экономических отношений кооперация также не могла получить достаточного размаха. Тут влияли прежде всего политические условия (неразрешение союзов, стремление правительства разрушить общину и насадить хуторян и т. п.). Наконец, окружающая атмосфера бывала такова, что нередко ростовщики и кулаки великолепно «приспособлялись» к кооперации и умели ее использовать в своих целях. Сделать это было им тем легче, что крестьянская масса не всегда оказывалась на должной высоте.

Подобные теневые стороны русской кооперации были широко известны и возбуждали к ней недоверчивое, нередко отрицательное отношение социалистов. За то контр-революционная эпоха заставляла возвращаться к кооперации даже тех, кто хотел бы бежать от нее.

И кооперация давала общественное воспитание не столько словом, сколько д е л о м. Она вырабатывала общественные навыки у широких масс. Она подготовляла умелых и честных руководителей, привыкших к общественному контролю. Давая деловую общественную хозяйственную подготовку интеллигентам, кооперация оказалась народным университетом для десятков, даже сотен тысяч представителей крестьянской и рабочей интеллигенции. Люди от сохи и станка, прослужив в кооперативе или проработав на выборных местах, приобретали и знания, и общественную опытность, и ту подлинную «интеллигентность», какая отсутствует у многих господ с дипломами и шаркунов светских гостиных.

...Социалисты старательно подводили итоги дебета и кредита кооперации. Но каковы бы ни казались результаты, все же мысль о необходимости разрушения Карфагена самодержавия была преобладающей для всех: от умереннейшего трудовика до самого пылкого большевика и анархиста.

Наконец, война свершила то, чего не удавалось добиться поколениям русских революционеров: от декабристов до участников движения 1905—6 года. Закружился революционный вихрь... Пал царизм и была провозглашена Демократическая Республика. Социализация земли становилась очередным практическим делом. То великое кооперативное строительство, пророками которого были предтечи и апостолы русского социализма, казалось, должно наступить и наступает. Казалось, приближается великое время тесного и прочного сотрудничества русского социализма со свободною кооперацией, строительницею Нового Мира.

Однако, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Вслед за февральской революцией [illegible] октябрьское выступление большевиков. Многое изменилось... И изменилось настолько своеобразны, характерны, и существенны, что о [illegible] нашего социализма и кооперации в эпоху Великой Русской Революции, необходимо говорить в другой книге.

Книги, которыми пользовался автор.

Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений. Т. I. Москва. 1861.

Богучарский, В. Я. Активное народничество 70-х годов. Москва. 1912.

Его же. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. Партия Народной Воли.

«Былое». Ежемесячный журнал за 1906—7 гг. и 1917—18 гг.

Василевский, Г. Интеллигентная земледельческая община «Криница».

Васильчиков, А. И. Землевладение и Земледелие.

Воронцов, В. П. (В. В.). Судьбы капитализма в России.

Его же. Наши направления. С.-Петербург. 1893.

Его же. Артель в кустарном промысле.

Его же. Артельныя начинания русского общества.

Его же. К истории общины в России. Москва. 1902.

Его же. От семидесятых годов к девятисотым.

Вестник Кооперации за 1909—18 гг.

Герцен, А. И. Сочинения. Издание Павленкова. Т. I—VII.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. Вольфа.

Добролюбов, Н. А. Полное собрание сочинений. Т. I—IV. С.-Петербург.

«Заветы». Ежемесячный журнал соц.-рев. за 1912—4 гг.

Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. С.-Петербург. 1908.

Исаев, А. А. Артели в России. Ярославль. 1881.

Каблиц, I. (I. Юзов). Интеллигенция и народ. С.-Петербург. 1886.

Его же. Основы народничества.

Кауфман, А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. Москва. 1907.

Качаровский, К. Р. Русская община. Т. I. С.-Петербург. 1900.

Киреевский, И. В. Полное собрание сочинений. Т. I—II. Москва. 1861.

Кривенко, С. Н. Сочинения. Т. I—II. С.-Петербург. 1911.

Его же. Культурные скиты и культурные одиночки. Москва. 1901.

Криничане. «Четверть века Криницы». С предисловием проф. М. И. Туган-Барановского. Киев. 1913.

«Крестьянское Земледелие». Журнал выходил 20 раз в год—за 1912—14 гг.

Лавров, П. Л. (П. Миртов). Народники-пропагандисты.

Лядов, М. История российской социал-демократии. Ч. I—II. С.-Петербург. 1906.

Махновец, В. П. (Акимов). Очерк развития социал-демократии в России. Изд. Поповой. 1906.

Мезиер, А. В. Русская словесность. Ч. I—II. С.-Петербург.

Меркулов, А. В. Исторический очерк потребительной кооперации в России. Изд. 2-е. Москва. 1917.

«Минувшие Годы». Ежемесячный журнал за 1908 год.

«Михайловский, Н. К. Полное собрание сочинений. Изд. «Русского Богатства». Т. I—VII, X.

Его же. Отклики. 1904.

Его же. Последние сочинения. 1905.

Михайлов, А. Ассоциации. С.-Петербург. 1871.

«Наша Заря». Ежемесячный журнал меньшевиков за 1910—13 гг.

Николаев, А. А. Теория и практика кооперативного движения. Москва. 1908.

Общественное движение в начале XX-го века.

Овсянико-Куликовский. История русской интеллигенции. С.-Петербург. 1911.

О веяниях времени. Сборник большевиков. 1908.

Пажитнов, К. А. История кооперативной мысли. С.-Петербург. 1917.

Пестель, П. «Русская Правда». С.-Петербург. 1906.

Писарев, Д. И. Сочинения. 3-е изд. Павленкова. Т. I—VI.

Плеханов, Г. В. Наши разногласия.

Его же. (Волгин). Обоснование народничества в трудах В. В.

Его же. Всероссийское разорение.

Его же. О задачах социалистов в борьбе с голодом.

Потресов, А. Н. (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. Изд. Поповой.

Прокопович, С. Н. Кооперативное движение в России. Изд. Сабашниковых.

Пыпин, А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. Петербург. 1908.

Революционная журналистика 70-х годов. Paris. 1905.

Революционная Россия за 1900—05 гг. (№№ 1—79). С. № 3 орган п. с.-р.

Рубакин, Н. А. Среди книг. Т. I. Москва. 1911. Т. II. Москва. 1913.

Сборник материалов об артелях. Вып. 1—3.

Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России.

Слобожанин. М. Народоправство и трудовое начало. 1917.

Соколовский, П. А. Ссудо-сберегательныя товарищества в России по отзывам литературы. С.-Петербург. 1889.

Социализация земли. Сборник с.-р. Статьи: Л. Шишко, Л. Зака, С. Зака, П. Вихляева. 1907.

Степняк-Кравчинский, С. М. Собрание сочинений. Ч. I—VI. Библ. «Светоча». Под ред. С. А. Венгерова.

Туган-Барановский, М. И. Социальные основы кооперации. Москва. 1918.

Фроммет т, Борис. Социалистические и кооперативные идеалы петрашевцев в 40-е годы. Петроград. 1918.

Хейсин, М. Л. Исторический очерк кредитной кооперации в России. Петроград. 1917.

Чернов, В. М. Земля и право. Петроград. 1917.

Его же. Основные вопросы пролетарского движения. Петроград. 1917.

Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. I—X. Изд. М. Н. Чернышевского.

Ядринцев, Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. С.-Петербург. 1872.

0.80

Цена 15 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Книгоиздательство кооперативной литературы „МЫСЛЬ“,

Петроград, Ковенский пер., № 11. Тел. 207-83.